

А. Н. Медушевский

**ПОЛИТИЧЕСКАЯ
СОЦИОЛОГИЯ
И ИСТОРИЯ**

Издание второе

Москва-Берлин
2015

УДК 316
ББК 60.51
М42

Медушевский А. Н.

М42 Политическая социология и история /
А. Н. Медушевский. – Изд. 2-е. – М.-Берлин:
Директ-Медиа, 2015. – 229 с.

ISBN 978-5-4475-3734-0

Данная книга посвящена проблемам политической социологии, рассматривающей взаимосвязь общества и государства, социального строя и политических институтов, общественности и власти, общественных интересов и политических действий.

Работа базируется на широком теоретическом и эмпирическом материале.

Основные вопросы исследования – социальная стратификация, социальный конфликт, механизм власти. Также приложен словарь терминов и понятий по политической социологии.

Книга представляет интерес для философов, социологов, политологов, а также для всех, интересующихся проблемами политики.

Печатается по изданию: Медушевский А.Н. Политическая социология и история. Новосибирск, Сибирский институт социального управления и политологии, 1990.

УДК 316
ББК 60.51

ISBN 978-5-4475-3734-0

© Медушевский А. Н., текст, второе издание, 2015
© Издательство «Директ-Медиа», оформление, 2015

ПРЕДИСЛОВИЕ

Книга, которая лежит перед вами, посвящена политической социологии – науке, изучающей соотношение общества и государства, социального строя и политических институтов, общественности и власти, общественных интересов и политических действий. Эти проблемы издавна были предметом пристального внимания философов и историков. Особенно активно они разрабатывались в периоды динамичного развития общества, когда объективно возникал повышенный спрос на политические знания. Отнюдь не всегда и не везде люди, игравшие в политической практике ключевую роль, способны были адекватно оценить значимость и полезность знаний о закономерностях политических процессов. Нередко они предпочитали действовать посредством импровизаций, полагая, что политика требует скорее развитой интуиции, нежели профессионализма и научной фундированности. Однако победителями в политических схватках как правило оказывались те, кто смог всесторонне осмыслить политические реалии, глубоко освоить имеющийся политический опыт. Без этого политик, какими бы благородными мотивами он не руководствовался, какими бы высокими моральными качествами он не отличался, постоянно будет рисковать погубить себя, равно как и движение, которое он возглавляет. Разумеется, профессионализм и хорошее знание закона политической жизни отнюдь не единственное слагаемое доминирования той или иной политической линии. Но при прочих равных условиях это слагаемое становится решающим.

С древнейших времен мыслители стремились аккумулировать и систематизировать опыт политического развития, выразить его в теоретических схемах и

практических рекомендациях. Платон и Аристотель, Макиавелли и Гоббс, Руссо и Монтескье, Маркс и Вебер, Ленин и П. Сорокин – все они прекрасно понимали, что без знаний о технологии государственного управления и политической борьбы оказываются нереалистичными любые проекты общественного переустройства, остаются нереализованными любые общественные идеалы. Поэтому всегда выдающиеся политические мыслители стремились перевести полученные ими теоретические результаты в плоскость практической политики, хотя не всегда эти намерения встречали отклик людей, стоящих у кормила государственной власти. Только в Новое и Новейшее время политическая наука начинает восприниматься и в сознании политической элиты, и в массовом общественном сознании как чрезвычайно важная вещь, имеющая несомненную практическую ценность. Это объясняется победой капитализма, политической эмансипацией третьего сословия, выходом на политическую арену рабочего класса, образованием крупных политических партий, переходом к практике всеобщего избирательного права. Лежащая в фундаменте индустриального общества экономическая конкуренция порождает острое политическое соперничество различных групп интересов по поводу распределения между ними государственной власти, по поводу ее устройства и отдельных ее мероприятий. Именно открытость политического процесса для легального и широкого участия самых разных социальных движений и инициатив определила массовый общественный спрос на политические исследования, которые с этого времени получают прочные институционные формы и солидную экономическую поддержку. В XX столетии политическая социология была на Западе одной из наиболее бурно развивающихся дисциплин. Она представлена ныне во

всех сколько-нибудь значительных научных центрах. Она преподается практически во всех университетах. Издаётся огромное количество политологических журналов. Литература по соответствующим проблемам насчитывает тысячи и тысячи наименований. Оформились крупные политологические школы, выработаны эффективные методы исследования и развитый теоретический инструментарий.

В России до 1917 года и в советское время примерно до середины двадцатых годов политическая социология также получила определенное развитие. Особенно заметный вклад был внесен В. И. Лениным и его соратниками.

Но в дальнейшем в СССР картина была совершенно иной. Система, которую сегодня принято обозначать как административно-командную, была в значительной степени несовместима с политикой как областью взаимодействия социальных групп и организаций по поводу функционирования и структуры государственной власти. Подавляющее большинство населения оказывалось фактически выведенным за скобки политического процесса. Если политическое взаимодействие и имело место, то протекало оно в скрытых формах, и никто из его участников не был заинтересован в «девуализации» этих форм, в серьезном научном исследовании реальных структур и механизмов власти, действительных каналов и способов давления на нее. Поэтому советские работы, в названии которых фигурировало слово политика, в абсолютном большинстве носили откровенно апологетический и тенденциозный характер, и даже формальная институционализация политической науки в качестве самостоятельной дисциплины оставалась делом невозможным. Сегодня ситуация кардинальным образом меняется. В политику вовлекаются значительные

массы населения, формируя тем самым широкий спрос на политологические знания. С другой стороны, более открытыми и доступными для научного анализа становятся механизмы подготовки и принятия политических решений. В этих изменившихся условиях исследования в области политической социологии оказываются столь же необходимыми, сколь и возможными.

Предлагаемая вниманию читателя книга одной из первых в советской литературе в целостном виде рассматривает основные проблемы политической социологии. В центре внимания автора оказываются наиболее важные сюжеты современной теоретической социологии в их политическом преломлении. Это, прежде всего, проблема социальной стратификации – проблема социального и политического неравенства. Это вопросы, связанные с социальным конфликтом, столкновениями социальных слоев и групп на основе различий их положения в системах собственности и власти. Это, наконец, сама власть – особый тип общественных отношений, позволяющий одним социальным группам и организациям определять поведение других.

Совершенно неправильным было бы рассматривать книгу А. Н. Медушевского как чисто академическую работу. Даже те её разделы, которые касаются на первый взгляд сугубо теоретических вопросов, имеют для нас сегодня повышенную практическую значимость. Возможно, мы смогли бы избежать весьма нежелательной процедуры перманентной переделки политических институтов, перманентного пересмотра политико-правовых норм, если бы исходные проекты политической реформы были в большей степени теоретически подготовлены и обоснованы, если бы они в большей мере учитывали опыт, накопленный современной политической наукой. Возможно, удалось бы избежать

слишком легковесных схем при анализе расстановки общественно – политических сил в стране, если бы общество располагало более серьезными знаниями о природе бюрократии и её подлинной роли в современном, рационально организованном обществе. Есть, иными словами, все основания надеяться, что предлагаемая книга будет способствовать формированию в советском обществе более зрелой, более высокой политической культуры. Это жизненно важно в ходе сегодняшней перестройки, когда существует острая необходимость в эффективно работающем государственном управлении, в политической консолидации общества, в терпимости к различным политическим концепциям и идеям, их взаимодействию и взаимовлиянию.

Достоинством настоящего исследования является и то, что автор стремится рассматривать теоретические проблемы в конкретно-историческом контексте. Подобный подход к делу следует всячески приветствовать, учитывая, что до сих пор политическая социология, с одной стороны, и политическая история – с другой, чаще всего развиваются как самостоятельные дисциплины, имеющие мало точек соприкосновения из-за различия методов и подходов к исследуемому объекту. Историков интересуют, прежде всего, условия и причины появления тех или иных политических институтов, социологов – механизмы и формы их функционирования в политическом процессе.

Автор достаточно убедительно показывает, что оба названных подхода не только не исключают, но предполагают друг друга при изучении сложных общественно-политических феноменов. Именно использование сравнительно-исторического метода позволило автору дать развернутую характеристику структуры и функций бюрократии в обществах различного культурно-исторического типа.

Книга А. Н. Медушевского представляет собой исследование, выполненное на высоком теоретическом уровне и богатом эмпирическом материале. Поставленные в ней вопросы чрезвычайно значимы для современной советской политической практики. Предложенные решения хорошо продуманы и нетривиальны. Поэтому книга вызовет интерес не только у профессиональных философов, социологов, политологов, но и у политиков-практиков, а также у широкого круга читателей, увлекающихся проблемами политики и пытающихся осмыслить современную политическую реальность.

С. В. Кулешов, А. В. Лифанов, Е. А. Соловьянов

ВВЕДЕНИЕ

О значении и важности социологии как науки писались и пишутся научные труды, ведутся дискуссии. В то же время, по-прежнему нельзя сказать о том, что предмет, задачи и методы этой дисциплины в отечественной науке точно определены, а сама она прочно вошла в практику нашей жизни. Об этом может свидетельствовать уже хотя бы тот факт, что еще не так давно у нас возможен был спор о том, нужна ли вообще такая наука, имеет ли она какие-либо отличия от философии вообще и исторического материализма в частности и если имеет, то в чем специфика ее предмета и метода. Очевидно, что при такой постановке дела невозможна была подлинно научная разработка проблем социологии, тем более ее преподавания в высшей школе.

В то же время социология, основанная Огюстом Контом еще в начале прошлого века, продолжала развиваться на Западе и особенно в США и достигла там значительного успеха. Без современной социологической теории, представленной рядом крупных научных направлений и школ, связанных с ними программ конкретных социологических наблюдений, данные которых обрабатываются с помощью новейшей электронно-вычислительной техники, невозможно сегодня представить ни одно крупное социальное мероприятие. Можно констатировать широкое применение социологических исследований в бизнесе, изучении социальных структур и их функционирования, политического процесса, организации власти и лидерства. Социология повсеместно включена в программы высших учебных заведений, является одной из наиболее популярных дисциплин (отчасти сменив в этом отношении право), на ее развитие и распространение не

жалуют средств. В то же время, можно констатировать сближение или даже интеграцию с социологией всех других общественных дисциплин – философии, истории, политической экономии, этнографии, юриспруденции и других, каждая из которых в большей или меньшей степени претерпела общий для них всех процесс социологизации. Действительно, имена крупнейших социологов XX века – Макса Вебера, Питирима Сорокина, Толкотта Парсонса и др. можно в равной мере встретить как в собственно социологической литературе, так и в многочисленных трудах по философии, праву, истории. Все это не значит, конечно, что социология полностью вытеснила или тем более заменила собою другие науки. Совсем напротив: развитие социологии стало возможно не вопреки, а вследствие развития многих конкретных областей человеческого знания, объяснение и синтез которых как раз и составляет ее основную задачу.

Здесь мы вплотную подошли к важному вопросу о предмете и методе социологии как самостоятельной научной дисциплины. Дать их обоснование и означает в сущности установить соотношение социологии с другими науками об обществе и в то же время – провести разграничительную линию между ними. И в прошлом и в настоящее время вопрос этот был предметом острых споров. Одни ученые полагали, например, что социология есть не что иное как простая сумма, сводка достижений других – конкретных наук, накапливающих свой материал путем непосредственных наблюдений фактов реальной жизни. На этом основании за социологией вообще отрицалось звание самостоятельной научной дисциплины. Специфическим проявлением этого же взгляда явились различные попытки отождествить социологию с какой-либо другой общественной или естественной наукой – правом,

психологией, этнографией, экономикой, историей, наконец, биологией и т.п. Так возникали, а в определенной степени и продолжают существовать различные школы и направления в социологии, связывающие ее дальнейшее существование с разработкой той или иной области человеческой деятельности того или иного фактора общественного бытия, который признается решающим и определяющим все остальные. Понятно, что такой подход в любом конкретном его проявлении уже в момент своего возникновения вызывал веские возражения оппонентов, каждый из которых мог привести вполне убедительные контраргументы и факты, не укладывающиеся в предложенную схему. Следует отметить, однако, что возникновение данного взгляда имеет и имело, особенно на начальном этапе развития социологии, определенные основания объективного характера. Главным из них явилось общее состояние всех наук об обществе, переходный период в их развитии. Не случайно основатель социологии – О. Конт определял прогресс человечества как развитие знания, которое идет в три этапа: от теологических систем к метафизическим и от них – к позитивному (т.е. подлинно научному, реальному) знанию. Тот период, когда закладывались основы социологии и формировался ее метод, явился, согласно рассмотренной выше периодизации, эпохой перехода от метафизики к позитивизму, сопровождавшегося существенной трансформацией методологических основ общественных наук. Отказавшись, с одной стороны, от цельных метафизических систем и вместе с тем единого общего взгляда на мироздание, который был свойственен предшествующей философской традиции, прежде всего классической немецкой философии, наука, в то же время, не выработала еще нового целостного представления об обществе как единой системе со свойственными ей

отношениями и противоречиями. Социология как «позитивная» наука могла, поэтому, лишь декларировать создание такого общего взгляда, а реально изучать лишь отдельные факторы, социальные структуры и учреждения, их иерархию и степень влияния. В условиях временной утраты общей перспективы социология долгое время не могла, по-видимому, ставить себе других задач.

Другой взгляд на социологию, восходящий также к Конту, Спенсеру и Миллю и легший в основу современной социологической теории, сформировался в русле неокантианской традиции в конце XIX – начале XX вв. Философское обоснование он получил прежде всего в трудах немецких ученых, в частности, В. Дильтэя, Г. Риккерта и В. Виндальбанда, идеи которых определили представления о социологии как науке, качественно отличной от всей той совокупности научных дисциплин (и каждой из них в отдельности), которые составляют ее основу. Согласно данному учению все вообще науки распределяются на две большие группы – номотетические и идиографические в соответствии с предметом их изучения. К первой группе наук – номотетических – относятся те, которые исследуют процессы и явления закономерные, а цель этих наук как раз и состоит в отыскании этой закономерности, открытии за разнообразием проявлений повторяемости, типичности и единства, которые, по закону экономии мышления, должны быть сведены к простым формулам, выраженным математически и поддающимся эмпирической проверке. Ко второй группе – наук идиографических – относятся те из них, которые имеют дело с явлениями неповторимыми, индивидуальными (отсюда их название), которые не подчиняются в своем развитии никакой определенной закономерности, а потому и не могут быть выражены в виде форму-

лы. К числу таких наук относятся все те дисциплины, которые, в силу особенностей своего объекта и методов его изучения, вынуждены работать на уровне описания явлений, а не анализа закономерностей их развития. Такими науками являются, например, биология, геология, все или почти все науки об обществе и прежде всего история. Отметим, что данное противопоставление наук номотетических и идиографических является в какой-то степени модификацией известной идеи Конта, который в своей классификации наук, распределяя их на абстрактные и конкретные, социологию, как науку синтезирующую, противопоставлял истории, как науке конкретной, эмпирической, задачей которой составляет сбор фактов для последующего обобщения.

Исходя из этого процесс образования понятий в науках двух групп совершенно разный. Если в науках номотетических он находит выражение в формулах, отражающих общие всем явлениям данного типа свойства, то науки идиографические оперируют понятиями, представляющими собой исследовательские конструкции – «идеальные типы», которые могут лишь в большей или меньшей степени приближаться к истине, но неспособны выразить ее полностью. Цель «идеального типа» – выразить не все, а лишь наиболее общие, типические черты данного явления или процесса. Поэтому он, являясь результатом исследовательской конструкции, неизбежно приобретает (в отличие от математической формулы) субъективный характер, являясь не столько результатом познания, сколько средством его.

Все сказанное делает понятным, каким должен был стать новый взгляд на социологию, сформулированный на основе метода идеальной типизации. Социология в указанном ее понимании призвана была стать наукой, синтезирующей по преимуществу. В русле

данной научной традиции социология к началу XX века уже достаточно четко определила свой предмет и метод в качестве самостоятельной научной дисциплины. Споры на эту тему и труды Э. Дюркгейма, Г. Зиммеля и особенно М. Вебера по этим проблемам создали философские основы и принципы того метода, который мы теперь называем социологическим. Смысл существования социологии, как самостоятельной науки, был найден в создании (на основе данных других наук, носящих индивидуальный характер) таких идеальных типов или образов явлений, которые обобщают их наиболее характерные черты с целью выяснения устойчивых связей и отношений между ними, решения вопроса об их преемственности в общесоциологической перспективе. До сих пор мы говорили только о немарксистской философии и социологии, поскольку современная социология как наука, получавшая развитие преимущественно на Западе, нашла свое обоснование именно в русле данной научной традиции. Данное обстоятельство не исключает, однако, определенное влияние на социологию марксистской мысли, прежде всего в тех областях, которые непосредственно изучают социальные и классовые противоречия, революционный процесс, проблемы идеологии, как, например, социология конфликта, рассматривают ключевые проблемы современности. Во всяком случае можно констатировать определенный рост интереса к данной научной проблематике, которая все более становится предметом осмысления как теоретической, так и конкретной социологии. Таким образом, современная социология, при всем разнообразии составляющих ее направлений и школ, представляет собой науку, место и значение которой вполне определилось. Из дисциплины, само существование которой еще не так давно ставилось под сомнение, социология очень быстро

превратилась в одно из ведущих направлений современной научной мысли и деятельности.

Существует, несомненно, объективное различие между историческим и чисто логическим подходами в научных исследованиях. В качестве примера такой ситуации в естественных науках (напр., биологии) можно привести изучение роста дерева. При историческом подходе в центре внимания окажется сам процесс зарождения, становления и развития дерева, стадии его роста, как например, возникновение дуба из желудя. Для историка главной проблемой становится вопрос о том, как данное явление возникло, какие стадии в своем развитии оно пришло и чем стало? Но возможен и другой подход к тому же явлению, состоящий в попытке раскрыть механизм его функционирования, например, понять, каким образом дерево устроено, как осуществляется подача в него питательных веществ, каковы каналы коммуникаций и т.д. При таком подходе центральным оказывается вопрос о том, почему данное явление вообще существует, «работает» так, а не иначе. При изучении общественных явлений таков именно подход социолога. Социология (в отличие от истории) изучает не столько развитие общества, сколько механизм его функционирования.

Этим определяется во многом место социологии в кругу других общественных дисциплин. Если философия подходит к обществу слишком абстрактно, используя главным образом метод дедукции, то история, наоборот, слишком конкретно, используя метод индукции и ставя своей задачей прежде всего получение критически проверенных фактов. Социология призвана дать синтез обоих подходов, состоящий в возможности построения общих понятий или моделей социальных явлений, опирающихся в то же время на данные эмпирических исследований и, в силу этого, поддающихся проверке, верификации.

Здесь мы вплотную подходим к определению политической социологии. Известно, что всякая наука определяется своим методом и предметом. Метод социологии и, собственно, политической социологии – совпадает. На этом основании ряд ученых (напр., Т. Парсонс) указывали на трудность или даже невозможность разграничения обеих наук. Однако по своему предмету политическая социология, несомненно, имеет весьма определенные черты самостоятельной научной дисциплины. Дело в том, что областью ее изучения является политический процесс, т.е. та сфера общественной жизни, которая, несмотря на свою актуальность, мало изучена, традиционно окутана непроницаемой завесой тайны и всего менее желающая раскрыть закономерности своего функционирования. Изучение этих проблем имеет давнюю традицию, восходящую к Аристотелю, Макиавелли, Монтескье, а в новейшее время представленную трудами Вебера, Моски, Парето и их последователей. Поэтому политическая социология находится на стыке социологии и политологии и может интерпретироваться как применение социологических методов к решению традиционных проблем политической науки. «Наиболее просто, – пишет С. М. Липсет, – политическая социология может быть определена как дисциплина, изучающая взаимоотношения между обществом и государством, между социальным строем и политическими институтами». В соответствии с этим центральными проблемами данной науки оказываются социальная стратификация; социальный конфликт; изучение механизма власти и управления.

Понятно, что рассмотрение их наиболее целесообразно проводить на материале формальных организаций, поскольку для них уже в силу самой природы их возникновения свойственна максимальная регламента-

ция общих принципов, структур и процедур функционирования, находящих, как правило, официальную санкцию в действующем праве. Классическим примером формальной организации служит в социологии бюрократия, исследование которой позволяет понять механизм власти, управления и принятия решений в каждом данном обществе. Поэтому в настоящей книге основные проблемы политической социологии рассматриваются главным образом на значительном материале конкретных исследований бюрократической организации с древности до настоящего времени.

ГЛАВА I. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ

§ I. В любом обществе, как известно, существует более или менее оформившаяся дифференциация слоев, групп и индивидов, разграничение которых можно провести в принципе по самым разнообразным признакам. На этом основана теория социальной стратификации – одного из центральных направлений современной социологии, ставящего своей задачей поиск, выявление и объяснение неравенства в обществе. Социология была первой наукой, поставившей своей задачей изучение общества как единого целого, тотальности, преодолевая таким образом традиционно имевшее место преимущественное внимание к отдельным аспектам социальной системы. Основной для нее стала поэтому концепция социальной структуры, т.е. систематического взаимодействия форм поведения или деятельности в различных обществах. В современной науке данный подход нашел наиболее полное обоснование в структурализме, ставящем своей задачей поиск такого рода структур в различных регионах и на разных этапах истории человечества. Всякая социальная структура, по словам Ж. Гурвича, может быть определена как «неустойчивое равновесие, непрерывно воссоздающееся благодаря обновляющимся условиям, между множеством иерархий внутри социального явления макросоциологического характера; она представляет лишь сектор или аспект этого явления. Это равновесие множества иерархий подкреплено и спаяно моделями, знаками, символами, социальными ролями, ценностями и идеями, короче говоря, произведениями культуры, свойственными этим структурам». При таком подходе открывается возможность сравнительно-исторического и эмпирического изучения тех проблем, которые ранее были исключительным предметом философских рас-

суждений в моральных сентенциях всякого рода. Это наблюдение относится в первую очередь к изучению социальной дифференциации. Дело в том, что разделение общества на классы или страты, которое формирует иерархию престижа и власти, представляет собой практически универсальную черту социальной структуры, которая всегда привлекала к себе внимание философов и социальных мыслителей. Но только благодаря современной социологии она начала становиться предметом критического и аналитического изучения.

Учение о социальной стратификация, будучи создано по аналогии с некоторыми разделами естественных наук (в частности – геологии) было призвано создать универсальную сеть социального деления – от самых крупных до самых мелких его структур. Необходимо отметить, что в настоящее время нет единой социологической теории, которая объясняет полностью природу социального разделения. Социологи прошлого думали, что они открыли законы (главным образом в сфере социальной эволюции), с помощью которых эта задача может быть решена. В настоящее время наука об обществе ставит перед собой гораздо более скромные задачи – выработку четких методов и понятий для аналитического изучения проблемы, анализ большого сравнительно-исторического материала и классификацию выявленных явлений. В то же время существуют такие общепринятые понятия, как, напр., социальная структура, институт, функция, социальный класс, статус, мобильность, бюрократия, которые признаются всеми исследователями и составляют необходимый инструментарий при проведении исследований и в ходе научных дискуссий.

В рамках теории социальной стратификации под «стратом» может пониматься самое разнообразное

социальное образование – от «класса» в почти марксистском его понимании до небольшого слоя, группы или даже маргинальной группы, выделяемых по различным критериям, напр., по национальному, половому или возрастному принципу, профессиональной принадлежности или образованию. Теория социальной стратификации, следовательно, в снятом виде включает в себя теорию классового деления, но стремится пойти дальше нее, ставя своей задачей максимальное выявление всех структур, реально существующих в обществе. При этом следует учитывать разграничение современной социологией двух принципиально различных видов социальных образований – социальных групп и так называемых квази-групп. Социальная группа может быть определена как такое объединение индивидов, в котором существуют определенные отношения между входящими в него индивидами и каждый из них осознает свою принадлежность к группе и ее символы. Иначе говоря, социальная группа должна иметь как минимум установившуюся структуру и организацию (включая сюда правила, ритуалы, нормы поведения и т.д.) и наличие психологической основы сознания ее членов. Семья, деревня, нация, профсоюз, партия представляют собой социальные группы в данном смысле. Квази-группа, напротив, является таким социальным объединением, в котором отсутствует структура или организация и члены которого могут не осознавать или осознавать лишь в небольшой мере свою принадлежность к нему. Социальные классы, статусные группы, половые и возрастные группы, толпы являются примерами подобных квази-групп. Как показывают, однако, эти примеры, границы между группами и квази-группами весьма подвижны и изменчивы: квази-группы могут постепенно превратиться в группы, как, напр., классы – приобрести партийную организацию, а

феминистическое движение – свою ассоциацию. Согласно данному подходу классы, поскольку они представляют собой реальное социальное явление, могут быть определены как группы, не являющиеся закрытыми, но относительно открытыми. Их базис несомненно экономический, хотя они представляют собой нечто большее, чем экономические группы. Классы в таком понимании, т.е. как оформившиеся социальные образования, характерны для индустриального общества, развивающегося в странах Европы примерно с XVII в. Определенные проблемы возникают при определении числа классов, а также изменений в их составе. Большинство социологов признает существование высшего класса (включающего собственников большей части экономических ресурсов общества), рабочего класса (главным образом наемных рабочих) и среднего класса или классов – наиболее размытой группы, в состав которой обычно включает людей либеральных профессий и белые воротнички). Для некоторых обществ признается целесообразным также выделение четвертого класса – крестьянства. Таким образом, деление по классовому признаку позволяет понять некоторые существенно общие тенденции развития социальной структуры.

Одним из основателей теории социальной стратификации в современной социологии признается поэтому К. Маркс, которому принадлежит первая попытка систематического изучения деления общества на классы в соответствии с единым – экономическим критерием. Такой подход к обществу, состоящий в изучении социальных структур и противоречий между ними, оказался весьма перспективным и составил основу всех последующих теорий социальной стратификации. Выдвинутое Марксом понятие «класс» – стало центральным для всей его теории общества и социальных

изменений, оказавшись значительным шагом вперед в разработке этих проблем. Хотя современная социология считает понятие «класс» не вполне приемлемым (из-за его абстрактности и невозможности применения в строгом смысле слова ко всем эпохам за исключением индустриальной), важно подчеркнуть, что большинство новых течений социальной стратификации сформировалось под определенным воздействием марксистского понятийного аппарата или представляет собой по меньшей мере реакцию на него. Указанное воздействие могло быть только косвенным, а не прямым, поскольку марксизм и современная социологическая теория формировались на основе различных философских традиций, имели различные идейные ориентации и опирались на уровень научной мысли разного времени. С течением времени ортодоксальный марксизм, превратившись из научного учения в политическую идеологию, оказался не способен интегрировать достижения общественных наук своего времени. Стремление отдельных мыслителей, как Бухарин, Лукач, Грамши, найти точки соприкосновения между прогнозами Маркса и действительностью современного мира не получило дальнейшего развития. Особенно негативны были последствия такой ситуации в области теории социальной стратификации, которая строилась на материале общества, принципиально отличного от того, с которым имел дело Маркс. Из этого следует необходимость критической проверки многих положений данного учения с точки зрения их соответствия новому историческому опыту.

Суммируя основные критические возражения относительно марксистской теории классов в современной социологии, можно свести их к следующим принципиальным положениям. Во-первых, эта теория, по мнению большинства западных исследователей, не

отражает адекватно реальную структурную дифференциацию в экономической, социальной и политической областях жизни общества, особенно современного. Можно, в частности, констатировать значительно большую, чем мог наблюдать Маркс, структурную дифференциацию современного общества, понять которое нельзя без введения ряда новых параметров социальной стратификации, в том числе для разграничения социальных групп по отношению их к собственности на средства производства, участию в управлении им, роли в бизнесе, профессиональной специализации, квалификации и т.д., которые непосредственно сказываются на статусе, престиже и благосостоянии индивидов в обществе. Во-вторых, марксистская социология, традиционно сосредотачивая основное внимание на производственных отношениях, имеет тенденцию к преуменьшению значения разнообразных иных структурирующих факторов, имеющих огромное, а иногда и решающее значение, как, напр., отношение власти или родства в примитивном обществе. В-третьих, марксистская теория склонна к преуменьшению различных культурных факторов, играющих большую роль в определении поведения. Между тем сохранение стабильности общества или его изменения во многом зависят от таких факторов, как господствующие ценности, религиозные воззрения, научные идеи, значение которых возрастает, в частности, в условиях научно-технического прогресса, рационализации общества. Данная критика классово-теоретической теории исходит, как мы видели, прежде всего из чрезвычайной абстрактности категорий исторического материализма, являющихся скорее продуктом философского синтеза нежели социологического обобщения.

Крупнейший шаг в развитии теории социальной стратификации был сделан М. Вебером, который,

стремясь преодолеть априорность философского подхода к обществу, отталкивался от концепции Маркса, а отчасти развивал его взгляды. Вопрос о том, до какой степени можно говорить о преемственности в воззрениях обоих мыслителей, вызвавший большую дискуссию в современной науке, не входит здесь в предмет нашего специального рассмотрения. Ограничимся, поэтому, указанием на тот факт, что основные проблемы теории Маркса – отношение экономики и общества, социальная стратификация и социальный конфликт, природа власти – стали предметом размышлений также и Вебера, а его выводы несомненно в значительной степени можно понять, как поиск альтернативы марксистской концепции.

Для подхода Вебера к стратификации характерен поиск более дробной, чем у Маркса, системы их классификации с целью учесть более мелкие социальные деления. Этим объясняется выделение Вебером трех ярусов классификации – социального, экономического и юридического – вместо одного (экономического), причем каждый из них представлял собой особую систему ранжированных группировок. Первый – социальный ярус подразделяется на различные статусные группы, выделение которых происходит в соответствии с их статусом, т.е. степенью уважения и почета, производных от таких факторов, как образ жизни, образование, профессия и т.д. Второй – экономический ярус подразделяется на социальные классы, различающиеся по своей роли в рыночных отношениях, участию в распределении собственности и доходов. Третий – юридический ярус включает различные группы, стратифицирующиеся по своему месту в политической системе и отношению к власти. Положение их при этом определяется двумя предшествующими характеристиками – статусом и экономическим положением. Эти общие принципы веберовской социологической

теории позволяют лучше понять его подход к проблеме стратификации.

Если Маркс выделял только один критерий разделения общества – отношение различных его слоев к средствам производства (и, соответственно, участию в распределении материальных благ), то Вебер выделял три таких критерия – класс, статус и власть, которые отнюдь не пересекаются между собой и позволяют составить более детальную картину общественных отношений. Так, история знает социальные слои (классы), пользующиеся благосостоянием (как буржуазия при старом порядке), но не имеющие высшего статуса, престижа и власти, слои, наделенные статусом (напр., дворянство), но в меньшей степени располагающие благосостоянием и властью, наконец, такие, которые имеют только один признак – власть (бюрократия), не имея других. С таким триединым подходом к социальной стратификации Веберу удалось в ряде случаев дать более сложную картину социального деления и отношений в обществе, чем его предшественникам. Мы увидим в дальнейшем, что такой подход давал возможность изучать многие социальные закономерности на микроуровне. В качестве примера можно привести анализ противоречий классов и статусных групп, находящихся выражение в структуре власти и положении бюрократии.

Различие концепций Маркса и Вебера, а также сходные их черты всего отчетливее проявились в понятии «отчуждения», интерпретации конфликта общества и отдельного индивида. Для Маркса при изучении общества важнейшими были отношения собственности на средства производства, для Вебера – отношения власти. В соответствии с этим для первого из указанных мыслителей отчуждение личности от общества является следствием эксплуатации, выражением отделения

производителя от средств производства. Для второго оно является следствием отношений власти, выражением рационализации и бюрократизации общества. Как показано в современной социологической литературе, оба подхода, однако, не особенно противоречат друг другу, а скорее взаимодополняемы. Власть, означающая контроль над средствами производства, фактически тождественна с собственностью на них. Эта тенденция прослеживается особенно четко в сверхбюрократизированных обществах новейшего времени.

Власть определяется по Веберу как возможность для группы или индивида осуществлять свою волю, несмотря на сопротивление ей в обществе. Власть зависит от обладания определенными ресурсами (а точнее правом распоряжаться ими) в рамках существующей социальной организации. Современное государство (бюрократия), все больше монополизирующее функции контроля над экономикой, административным аппаратом и армией, становится доминирующим институтом, оказывавшим активное обратное воздействие на процесс социальной стратификации.

Существенным этапом в развитии теории социальной стратификации стал структурно-функциональный подход. Еще Э. Дюркгейм и его школа высказывали идею о том, что поскольку современное общество имеет сложную к высокодифференцированную систему распределения ролей, разные индивиды побуждаются к их принятию. Общество предписывает группам и отдельным индивидам разнообразные цели, а также средства, которые на законном основании могут использоваться для их достижения. Анализируя функцию стратификации, сторонники данного направления видят в ней механизм, с помощью которого общество стимулирует индивидов к определенной деятельности – достижению разнообразных позиций, необходи-

мых в сложной социальной системе. Широкое разнообразие позиций предполагает наличие индивидов, различных по уму, образованию, физическим качествам и т.п. Развитие общества в том или ином направлении предусматривает своего рода отбор людей определенного типа, установление большего соответствия между их качествами и характером деятельности. Подобное воздействие общества на индивида с целью побуждения его к определенной деятельности является источником не одних только позитивных изменений, но и аномии – отчуждения в терминологии Дюркгейма.

Функция стратификации, согласно такому подходу, состоит в том, что она выступает как система распределения ролей. Из этого следует, что главный признак работающей социальной системы состоит в наличии относительно стабильной иерархии социальных рангов. Структурно-функциональная теория, основная заслуга в разработке которой принадлежит Т. Парсонсу, играет большую роль в объяснении стратификаций. Она исходит из того, что всякий социальный статус предполагает не одну, а целый ряд возможных ролей. В результате возникает допустимость таких социальных отношений, в которые индивиды втягиваются просто потому, что имеют определенный социальный статус. Так, человек, имеющий статус чиновника – начальника или подчиненного по отношению соответственно своих выше и ниже стоящих собратьев, может играть многие другие роли в отношении своих коллег по работе, обслуживающего персонала и т.д.

Соответствие места в социальной стратификации (статуса) и функций не является, таким образом, совершенно однозначно детерминированным. С этой точки зрения весьма важен вклад в структурно-функциональную теорию Р. Мертона, введшего понятие

«дисфункция». Сама постановка данной проблемы вызвала оживленный обмен мнениями в социологической литературе, причем Парсонс отмечал позитивность такого подхода к изучению общества, хотя и считал его лишь частным случаем своей теории. Он полагал, что наука должна изучать в принципе нормальное функционирование социального организма, учитывая одновременно возможность патологических отклонений. «Дисфункция» как раз и оказывалась такой патологией в развитии общества. Мертон обратил внимание на то, что при определенных условиях воздействие социальных структур на индивида ведет скорее не к общепринятому, а наоборот – отклоняющемуся поведению. Отсюда различные типы приспособления индивида к обществу, главными из которых являются конформизм и нонконформизм. Несоответствие места в социальной структуре и выполняемых функций, расхождение между средствами и целями их достижения (возникающее, как правило, в изменяющихся условиях) ведет к появлению дисфункции.

Подробнее этот аспект проблемы будет рассмотрен вами в разделе, посвященном социальному конфликту.

Всякая стратификация предполагает дифференцированную оценку и ранжирование групп в соответствии с какой-либо шкалой ценностей. Во многих случаях стратификация отражает развитие одного критерия ранжирования (богатство, власть, профессия). Однако эти одномерные типы стратификации имеют наибольшее значение для относительно простых социальных структур. По мере того, как социологи стали уделять внимание обществу в целом, сложным социальным образованиям, стремиться установить взаимосвязь различных показателей, было обнаружено, что система стратификации должна разработать многомерный подход, позволяющий делить общество на

широкие социально-культурные группы различного уровня, напр., классы, статусные группы, касты и т.д. Стало ясно, что подход Вебера и ряда других крупных ученых начала XX в. к социальной стратификации (в частности, веберовская троичная модель признаков) не исчерпывает всех потенциальных возможностей данного метода. Современная социология исходит поэтому из необходимости такого многомерного подхода к стратификации, при котором учитывались бы все значимые признаки социальной дифференциации. Понятно, что значимость тех или иных признаков во многом вытекает из общей позиции того или иного исследователя, того, как представляет он роль данного фактора в функционировании общества. Отсюда преимущественная направленность конкретных исследований на экономические, социальные, биологические или какие-либо другие направления стратификации. В то же время необходимо признать известную правоту тех исследователей, которые считают, что уже сама возможность проведения стратификации по какому-либо признаку, даже самому незначительному (напр., цвету волос, наличию или отсутствию веснушек и т.п.), может оказаться информативной при нетрадиционном повороте темы исследования и, тем самым, доказывает свое право на существование. Кроме того, в современной социологической теории показано значение ценностного подхода в социальной стратификации – измерения престижа и его распределения среди различных групп в обществе. Престиж определяется при этом как результат совместного действия двух факторов – системы ценностей и функционального значения ролей, воплощенных в структуре занятости населения.

Имея всеобщий характер, метод стратификации может быть применен как к современному, так и к любому из прошедших обществ. С теоретической точки

зрения может быть обосновано любое подразделение, исходящее из наличия в обществе определенных независимых функций и соответствующих им социальных явлений. Руководствуясь таким подходом. Б. Барбер выделяет следующие основные измерения (или параметры) теории социальной стратификации: власть, престиж занятия, богатство, образование и знания, религиозная принадлежность, семья и позиция в этнической группе.

Особое значение имеют те параметры социальной стратификации, которые позволяют установить некоторые тенденции ее изменения. Так, стратификация по величине дохода или богатства дает возможность понять, какие роли в обществе открывают большие возможности для обогащения, каков, следовательно, тот способ действий и социальный облик, которые необходимы при данной системе отношений для преуспевания. С другой стороны, открывается перспектива изучения влияния богатства на положение в обществе, в частности социальную мобильность индивидов, которые за деньги приобретают образование, титулы, должности, а иногда – выгодные матримониальные связи. Как показано в современных работах по социальной стратификации, она может приобрести либо пирамидальную, либо ромбовидную форму с разной степенью выраженности пиков в обоих случаях. В целом, отмечает Б. Барбер, западное общество эволюционирует от более пирамидального к более ромбовидному типу стратификационной структуры по доходу и богатству, хотя даже при новой форме сохраняется значительная пикообразность, пожалуй, не меньшая, чем раньше. При изучении формальных организаций, в частности бюрократии, данное направление стратификации позволяет проследить имущественную дифференциацию входящих в нее

слоев, сделать выводы о корреляции должности в административном аппарате и степени богатства, способах обогащения. Как показывают наблюдения, между двумя факторами существует тесная взаимосвязь, которая, впрочем, менялась с течением времени: богатство способствовало проникновению в административный аппарат, т.е. непосредственно влияло на характер социальной мобильности и, наоборот, получение определенных должностей – ролей в управлении и связанная с ними власть открывали путь для обогащения как законными, так и незаконными путями.

Такое направление социальной стратификации как престиж профессий дает возможность установить, как само общество определяет степень значимости того функционального вклада, который вносит данный род деятельности. Примером может служить само изменение значимости (престижности) таких профессий, как военная, религиозная, бюрократическая и более новых – коммерческой, промышленной, научной. В соответствии с этим менялось основное направление социальной мобильности, которая в настоящее время все больше осуществляется, напр., через науку и образование, ведет к появлению меритократии. Анализ удельного престижа той или иной профессии, а для более ранних эпох точнее сказать – рода деятельности, позволяет объяснить, в частности, многие особенности их взаимного отношения и иерархии. Мы увидим, в частности, каким образом большая престижность военных должностей перед гражданскими в эпоху абсолютизма влияла на процесс рекрутирования армии (из привилегированного сословия дворян) и бюрократии (из менее привилегированных слоев общества, разночинцев и т.п.). Престиж должности или чина определяет статус его владельца в обществе, заинтересованность его членов в приобретении данного статуса. Особое

значение в этой перспективе приобретают должности, дающие радикальное, качественное изменение статуса, напр., переход в более привилегированный социальный слой. Достаточно вспомнить в связи с этим процесс анноблирования буржуазии.

Ранжирование по признакам религиозной принадлежности или чистоты, этническим и родственным группам имеет особое значение при изучении традиционалистских обществ, где эти факторы играют весьма заметную роль во всех социальных процессах. До сих пор влияние этих факторов сказывается в развивающихся странах в структуре власти, характере мобильности, сохранении ряда традиционных пережитков и т.д. Постепенное вытеснение этих норм из деятельности государственного аппарата, формализация его структур, процедур и функций становится важным признаком рационализации и бюрократизации управления.

Стратификация по уровню образования и знаний (особенно – профессиональных) служит важным признаком, позволяющим установить роль науки в жизни общества. Роль научно-технической революции необыкновенно повышает значение интеллектуальной элиты в развитии общества. Процесс этот идет по нарастающей линии, и некоторые ученые предсказывают даже господствующее положение интеллигенции в будущем. Во всяком случае такие процессы, как рост среднего класса или революция менеджеров могут быть объяснены лишь с учетом возросшей роли науки как производительной силы и, соответственно, увеличения числа людей свободных профессий. Роль образования как фактора социальной мобильности можно проследить главным образом, начиная с нового времени. Но и до этого во многих странах существовала практика привлечения на государственную службу способных

людей из низших социальных слоев. В этой связи весьма информативно рассмотреть роль образования в разрешении конфликта между аристократией и бюрократией, который специально рассматривается в настоящей работе.

Особенно важно в настоящем исследовании остановиться подробнее на таком аспекте социальной стратификации как власть. Данный признак действительно является центральным для понимания всей социальной системы и характера ее управления, а корреляция его с другими признаками дает возможность установить существенные тенденции социальной эволюции. Некоторые социологи вообще подходили к стратификации как к простому различию между политически господствующими группами и массами – правящим меньшинством и политически зависимым большинством. Главный теоретический вклад Г. Моски, Р. Михелса и В. Парето усматривается в определении процесса изменения классовой структуры и связанных с ним характерных черт доминирующих групп. Власть по Веберу может быть определена как способность достижения целей в социальной системе, независимо от сопротивления ей. Власть в этом смысле очевидно функциональна для всех социальных систем как больших, так и малых, а также для всех типов общества. С точки зрения структурно – функциональной теории все роли в социальной системе подразделяются в соответствии с тем, как распределяется власть между ними. На этой основе становится возможной стратификация структуры власти. Власть, законная или незаконная, имеет в обществе источник своего функционирования. Степень разделения труда и специализации в обществе будет воздействовать на типическое распределение рангов, существующих в нем. Когда власть действует согласно с чувствами других акторов в социальной

системе, она воспринимается как законная, когда против их моральных убеждений – как незаконная. Отсюда понятие легитимности (законности) власти, введенное еще Вебером и играющее большую роль в изучении механизма управления. На этом основано, в частности, разделение таких понятий, как власть и могущество. Под первой (властью) понимается иногда только законная способность к достижению целей в обществе, под вторым (могуществом) – незаконное подобие власти. Так, демократически избранное правительство, опирающееся на законы страны, имеет власть, а главарь преступной шайки – только могущество.

Стратификация власти объясняет очень многое как в механизме ее функционирования, так и в ее исторической эволюции, показывая последовательную смену определенных моделей организации управления обществом. В настоящем исследовании сделана попытка такого анализа.

При разработке проблем социальной стратификации особое значение имеет вопрос о том, какой признак или признаки должны быть положены в основу классификации социальных явлений. В настоящее время большинство социологов стоит на той точке зрения, что построить действительно полезную классификацию едва ли можно на базе одного критерия, который будет отвечать всем требованиям. Ясно, что классификационные схемы, предлагавшиеся социологами прошлого и исходившие из возможности объяснить всю эволюцию общества развитием в нем какого-либо одного начала (экономика, рост народонаселения, борьба рас и т.п.), должны быть по меньшей мере дополнены многими другими классификационными признаками. Особенно важно отметить это для современного развитого индустриального общества, для которого характерна относительная автономность

экономических, социальных и политических институтов, а одни и те же процессы по-разному проявляются на различных уровнях социальной системы. В связи с этим в литературе подробно обсуждаются проблемы понятийного аппарата, причем основное внимание уделяется разработке универсальных понятий, годных для объяснения, социальных явлений на различных этапах их развития с учетом специфики и зрелости этих явлений. Формализация понятий идет по линии их структурного и функционального подразделения. Путь к этому – изучение корреляции различных стратификационных рядов.

Корреляция рядов ранжирования различается по полноте и характеру. Системы стратификации могут быть все высоко коррелируемы друг с другом (т.е. обладать совместно высоким, средним или низким уровнем рангов) или обладать меньшей коррелируемостью, когда некоторые из них обладают высоким, другие – средним, а третьи – низшим рангом. По характеру корреляция признаков может быть позитивной и негативной. Позитивной является такая корреляция, при которой с развитием одного признака развивается другой, негативной – такая, при которой с развитием одного признака, другой, наоборот, убывает. Недостаточная корреляция рангов порождает несоответствие статусов, которое в свою очередь является важнейшим источником социальных напряжений и конфликтов. Несоответствие статусов порождает тенденцию к их уравниванию, т.е. к более высокой корреляции положения индивидов. Отсюда борьба статусных групп. Кроме того, несоответствие статусов находит выражение в типах поведения, отличных от традиционно имевших место, что ведет к дестабилизации системы. Различны и последствия для общества указанных ситуаций. Согласованность статусов может вести к

стагнации системы или ее гармонии. Несогласованность статусов может вести к конфликту или ее динамичному (через разрешение противоречий) развитию

§ 2. В современной социологической науке объяснение принципов рациональной организации общества, а в связи с этим и того социального слоя – бюрократии, который является ее носителем и наиболее законченным выражением, является одной из важнейших проблем.

Бюрократия представляет собой именно тот социальный слой, от которого в первую очередь зависит реализация функций управления обществом. Хотим мы того или нет, бюрократия есть следствие социального разделения труда – на управляющих и управляемых, а потому существует повсеместно там, где есть необходимость в организации человеческой деятельности, использовании управленческого труда. Бюрократия предстает, следовательно, как межформационное явление, развитие которого во многом совпадает с развитием государства. Это не значит, конечно, что на всем протяжении своего существования данный социальный слой остается совершенно неизменным: специалисты выделяют в его развитии ряд основных этапов, связанных с характером организации бюрократии, которая может носить традиционный (или патримонильный), или же рациональный характер. Как показал Макс Вебер, впервые всесторонне рассмотревший данную проблему, существенными чертами каждого из типов бюрократической администрации являются специализация, дифференциация, иерархия, целевая ориентация, секуляризация (степень независимости от церкви) и ряд других, свидетельствующих о степени рациональности их организации. Данный подход предполагает анализ таких характерных черт всякой формальной организации как четкое разделение

труда с соответствующей специализацией; иерархическая структура власти – позиции и должности, связанные с определенной сферой компетенции и ответственности за принятие решений; система правил и инструкций; существование административного штата, обеспечивающего функционирование аппарата, низший уровень которого составляют канцелярские служащие, ответственные за ведение письменной документации; социальная дифференциация и, наконец, принципы продвижения по службе. Интересно проследить формирование этих черт на переломном этапе – при переходе от традиционных форм организации аппарата управления к новым – рациональным. При такой постановке проблемы целесообразно обращение к специальному сравнительно-историческому осмыслению опыта ряда крупнейших реформ прошлого, как на Западе, так и на Востоке, причем безотносительно ко времени их проведения. Такой подход может показаться спорным историку-эмпирику, ум которого нацелен на выявление единичных, уникальных и неповторимых событий и явлений прошлого. Однако, с точки зрения социолога, стремящегося за внешним многообразием событий увидеть их закономерность, он представляется вполне оправданным теоретически. Действительно, можно ли говорить о наличии в мировой истории ряда типологически сходных ситуаций, когда бюрократия из традиционной превращается в рациональную, становится, так сказать, из социальной группы в себе социальной группой для себя, своего рода кастой или сословием, права и привилегии которого в обществе закрепляются законодательно?

В связи с тем, что главный вопрос всякой реформы (как и революции) есть вопрос о власти, изменении ее социальной природы, организации, функций, мы и начнем с него анализ. Современная наука об обществе,

как марксистская, так и немарксистская, не выработала, не смотря на обилие определений и понятий, единой теории власти. Такой концепции власти нет, как ни странно, и в правовой науке, которая постоянно использует данное понятие и строит на нем многие свои выводы. «Все первичные юридические явления, – говорит по этому поводу Ж. Карбонье, – имеют общую субстанцию, состоящую в том, что это – явления, связанные с властью. Политическая социология прилагала немало усилий для ответа на вопрос, что такое власть. Тем не менее в конечном итоге это понятие не поддается определению, подобно тому, как это происходит с понятием электричества. Однако наука об электричестве способна развиваться и без предварительной его дефиниции». Исходя из этого, вполне логично обращение исследователей к таким аспектам власти, которые, благодаря свойственному праву формализму, материализованы в нем и имеют внешнюю форму. На это обстоятельство обратили внимание корифеи социологической науки прошлого века – Спенсер, Дюркгейм, Ковалевский, выведившие социологические обобщения из сравнительного изучения однотипных правовых норм. Отсюда был лишь один шаг к социологии права Вебера, заложившего основы ряда важнейших концепций современной науки об обществе. Можно сказать, что все творчество Вебера в той или иной степени имеет широкую правовую основу. Исходя из методов позитивной науки (получивших философское обоснование у Дильтея и Риккерта), Вебер противопоставлял догматической юриспруденции (с ее моральными оценками правовых норм) социологию права как эмпирическую дисциплину, рассматривающую правовые явления вне их эволюции и не стремящуюся давать им этических оценок. При объяснении права Вебер применял к нему свои взгляды на социаль-

ные отношения (принцип каузального взаимоотношения), структуры (рационализация) и ценности (целевая ориентация индивида). В соответствии с этими общими установками разрабатывались далее центральные идеи социологии права, в частности — концепция формальной правовой легитимности. Социология права, власти и лидерства обязана Веберу описанием этих принципов легитимности, их общей структуры и главных типов.

Основными достоинствами теории идеальных типов Вебера являются: возможность обобщения данных социолога в некоторую мыслительную конструкцию; синтез наблюдений, дающий возможность их логически значимого осмысления; выявление общности, сходства явлений, говорящих о закономерном (или во всяком случае типичном) их характере; наконец, информативность теории при изучении элементов социальных структур. Все указанные позитивные черты веберовской идеальной типологии особенно хорошо работают при анализе как раз тех социальных структур, институтов и процедур, которые являются проявлением процесса рационализации или даже его выражением. К их числу относится в первую очередь бюрократия, веберовская концепция которой остается достижением современной науки, несмотря на многочисленные попытки ее критики, уточнений и исправлений.

Если суммировать основные критические замечания различных школ в адрес социологии Вебера вообще и концепции бюрократии, в частности, то их можно свести к нескольким основным тезисам. По мнению ряда ученых (Парсонс, Блау), Вебер, ставя в центр внимания функциональную полезность данного социального слоя (бюрократии), меньше внимания уделял операционному аспекту, т.е. характеру деятельности бюрократий, что помешало ему раскрыть развитие и

взаимодействие внутренних структур. Другие исследователи подчеркивали тот факт, что у Вебера недостаточное внимание уделяется дисфункциональному аспекту и в результате допускается преувеличение рационализирующей природы бюрократии. На самом деле, полагали они, бюрократия – это не только инструмент рационализации общества, но и сила консервативного свойства, она может выступать не только за, но и против процесса поступательного развития общества в направлении к рациональной организации. Кроме того, ряд специалистов обращал внимание на то, что известное преувеличение формальных структурных черт бюрократии приводило Вебера к недооценке поведенческого аспекта деятельности чиновничества, в частности в контексте социально-культурного и персонального компонентов. Социологи-эмпирики указывали также на трудность применения веберовской модели на микроуровне исследования. Нам представляется (и это признают многие ученые), что высказанные замечания носят скорее характер дополнения и, во всяком случае, не подрывают основного тезиса веберовской концепции бюрократии.

Наиболее существенным дополнением, особенно важным для сравнительно-исторического изучения бюрократии, является тезис Парсонса, получивший развитие в трудах многих других исследователей, о необходимости сочетания структурного и функционального подхода к анализу административной организации. Структурно-функциональная модель процессов рационализации и бюрократизации дает возможность представить их более объемно, а следовательно, лучше понять характер тех изменений институтов и процедур управления, которые происходят в результате административных реформ.

К структурному функционализму близко подходит теория французского социолога М. Крозье, попытавшегося соединить функциональный подход с историко-генетическим за счет выдвижения на первый план проблематики социального изменения. В своих основных трудах – «Феномен бюрократии» и «Блокированное общество» этот ученый рассматривает отношения бюрократии и общества с точки зрения теории формальных организаций, в связи с чем предметом его специального анализа становятся действия различных социальных групп, распределение власти, динамика этих процессов в ходе изменения институтов и процедур административного аппарата. Хотя Крозье делает свои выводы на материале больших организаций современной эпохи (которые он справедливо считает фундаментальным явлением современного мира), многие из них имеют общесоциологический характер и могут быть применены к предшествующим периодам истории. Так, весьма интересным представляется наблюдение о том, что бюрократический феномен может успешно рассматриваться с точки зрения социологии организаций, что дает возможность соотносить такие процессы, как рост административного аппарата и параллельно – бюрократии, в исторической перспективе. Главная проблема этой социологии, справедливо говорит Крозье, над которой трудились социологи от Макиавелли до Маркса и которая до сих пор вызывает споры, – это вопрос о власти, условиях ее приобретения, удержания и распределения. Власть в самом общем виде может быть определена как способность одного человека заставить действовать другого согласно своей воле. Власть, далее, дает возможность унификации и рационализации управления, его централизации. Данная тенденция в истории проявляется в бюрократической организации, которая может

быть различной, проходя с течением времени различные фазы своей формализации. Безликая бюрократия современности – есть, в соответствии с такой интерпретацией, не что иное как ответ организаций (административных институтов) на поставленные жизнью запросы. Склоняясь далее к функциональному и процессуальному решению проблемы, Крозье приходит к интересному наблюдению: «Бюрократическая организация, – говорит он, – это организация, которая не способна исправлять допущенные ошибки».

Применение структурно-функционального подхода к изучению бюрократической администрации дает возможность более четко определить степень ее зрелости и завершенность (приближенности к рациональному идеалу) в каждую данную эпоху. Критериями оценок при этом могут служить такие параметры как дифференциация состава аппарата в социальном и материальном отношениях, распределение ролей, составляющее основу конфликтов. Изучение типологии конфликтов в бюрократической среде в свою очередь позволяет раскрыть инфраструктуру организации, отношения различных уровней бюрократии друг с другом (в рамках одного страта) и с вышестоящим начальством, а также подчиненными. Социальный контроль вводит эту борьбу в определенные рамки, сообщает ей так сказать определенные правила игры, но не может устранить ее полностью. При наличии различных (и меняющихся с течением времени) условий игры (позиции сторон, их положение в иерархии, возможности, условия субординации и т.д.) суть конфликта на всем протяжении развития бюрократии одна – борьба за власть, перераспределение ее в соответствии с новой расстановкой сил.

Будучи строго формализованной и иерархической организацией, бюрократия (по крайней мере в идеале)

стремится ликвидировать все неформальные контакты внутри себя самой и с обществом. Отсюда постоянное нарастание дифференциации различных уровней – принятия решений, информации, характера работы и т.д., отражающееся в распределении нагрузок, эффективности и производительности труда бюрократии. Усложнение инфраструктуры бюрократии идет не обособленно от остальной части общества, а в тесном взаимодействии с ним. Взаимодействие это может быть конфликтным или бесконфликтным, в зависимости от того, совпадают или нет интересы управлявших и управляемых. В периоды крупных административных реформ бюрократия стремится активно воздействовать на общество в плане его модернизации и рационализации. Но в целом, в ходе административной эволюции, бюрократия развивается параллельно с обществом, испытывая воздействие основных социальных процессов, которое проявляется в критических ситуациях в соперничестве различных «групп давления» – правых, левых и умеренных, причем подразделение это является по-видимому общим свойством всякой бюрократической организации на стадии изменения. Будучи социально изолированным (закрытым) слоем бюрократия представляет собой нечто единое, определенный социальный слой, постепенно осознающий с течением времени свою силу и реальные интересы, понять которые можно лишь преодолев некоторые традиционные предрассудки, связанные прежде всего с недоработанностью в нашей литературе сравнительно исторического аспекта проблемы, а также догматическим тезисом о том, что бюрократия – исторически преходящее явление.

В связи с этим необходимо оговорить наше собственное понимание изучаемого явления.

В современной общественной мысли и научной литературе можно констатировать наличие трех пониманий бюрократии. Первое, вульгарное, находящееся на уровне обыденного понимания, связывает бюрократию с бюрократизмом в смысле волокиты, рутины и пр., т.е. дает ей однозначно негативную оценку. Другое понимание бюрократии, идущее от правовой науки прошлого, подспудно исходит из того, что бюрократию можно отождествить с государственным аппаратом – управлением бюро, канцелярий и ведомств, в состав которых входят целиком зависящие от суверенной власти, иерархически организованные и назначаемые сверху функционеры. Бюрократическая власть в этом смысле означает правление на основании порядка, установленного сверху, законов и инструкций, но без участия народа. В данном смысле бюрократия (как и вообще администрация) отождествляется с абсолютизмом, которому противостоит конституционное (сословно-представительное или народное) правление через парламент. Наконец, третье понимание бюрократии, соответствующее тому, которое выдвинул Вебер и которое положено в основу настоящего исследования, состоит в том, что бюрократизация – это рационализация всей общественной (но прежде всего – административной) деятельности, проявляющаяся в чрезмерной концентрации власти, развитии деперсонифицированных отношений путем более четкого распределения функций и обязанностей, приспособления карьер, использования других дегуманизирующих средств – унификации мышления, пресечения личных контактов на службе, подмены подлинных авторитетов мнимыми (бюрократическими), установлении различий в доступе к информации и т.д. Понятно, что такая система сложилась не сразу, прошла периоды своего становления, консолидации, развития, совпадающие, как правило, с ре-

формами административного аппарата, но нельзя думать, что ее совершенствование имеет границы. Теоретически бюрократия может развиваться беспредельно и даже утопическое тоталитарное государство Дж. Оруэлла не является его законченной стадией. Вебер был одним из тех, кто первым указал на эту опасность и искал выхода из положения.

Представляя бюрократию как самостоятельный социальный слой, обслуживающий функцию управления, попытаемся раскрыть характер его эволюции от традиционных установлений к рациональным, обращая внимание в первую очередь на изменения в результате реформ административного аппарата. Как отмечал еще Вебер, Египет эпохи Нового царства еще за 1500 лет до Христа создал «историческую модель всех последующих бюрократий». Действительно, управлять и составлять документы в древнем Египте было синонимами: любой чиновник был грамотеем, писцом. Таким образом, уже на начальной стадии развития бюрократии встречаем известное соотношение власти, управления и делопроизводства, воплощенные в классическом примере египетского чиновника – писца. Процесс развития бюрократии в Египте не был линейным, проходил различные стадии, начиная с Древнего царства. Архаический характер названий должностей, их обилие и совмещение в одних руках не должны вводить в заблуждение: бюрократия, хотя, разумеется, традиционная, непосредственно выросшая из управления дворцовым ведомством, существовала в Египте с ранних времен. Доступ к службе был открыт главным образом для представителей знати, однако бюрократия не была закрытым слоем, в нее могли входить представители других сословий. «Он (доступ), – писал Тураев, – зависел от грамотности, а потому те, кто имел случай и возможность попасть в правительственно-придворную

школу, могли, при благоприятных условиях, дослужиться из ничтожества до самых высших степеней в государстве и «завещать свой сан детям». Последние, таким образом, вступали в ряды дворянства, но служебную карьеру должны были начинать снизу – с должности обыкновенного писца. Само собою разумеется, что с течением времени таким путем образовались целые роды чиновников, в конце египетской истории даже несколько напоминавшие касты». Таким образом, правящий класс мог пополняться за счет выслужившихся чиновников, прошедших определенный путь от должности к чину. Соотношение должности и чина важная исследовательская проблема, поскольку от ее решения зависит возможность квалифицировать направленность развития египетской бюрократии. Традиционный характер администрации приводит к тому, что назначения не должность не были результатом решения только специального кадрового учреждения, но вообще являлись в то же время знаком личного успеха и фавора у фараона. Процесс рационализации в этих условиях мог идти лишь по пути установления определенного соотношения титулов и рангов между собой. В дальнейшем имели место попытки унификации и систематизации титулов и рангов, что выразилось в сокращении их огромного числа и некоторой формализации. Развитие данного процесса объективно вело к появлению независимой гражданской службы и семей влиятельных чиновников, сохранявших власть длительное время. Конечно, в годы Смутного времени и различных других социальных катастроф бюрократия не оставалась неизменной, происходила перегруппировка ее состава, в ее среду проникали все чаще незнатные элементы, что свидетельствует о периодах высокой социальной мобильности. В эпохи децентрализации управления центробежные тенденции были

свойственны и бюрократии. Однако в целом указанные тенденции к росту бюрократии, ее унификации и централизации оставались, насколько можно судить по имеющимся данным, весьма устойчивыми. Жречество не утратило своей власти в длительной перспективе, однако определенное размежевание между двумя группами бюрократии произошло, что, вероятно, может рассматриваться как известный шаг на пути рационализации административной системы в рамках традиционной ее организации. Значение данного события станет яснее, если учесть, что в предшествующее время (эпоху Древнего царства) жречество вообще едва ли заметно отличалось от чиновничества: жрецы получали гражданские чины, а чиновники выполняли жреческие функции. Клерикализм время от времени усиливался и ослабевал, оказывая соответственно влияние на соотношение священного и светского (используя терминологию Беккера) в административной системе Египта.

Одним из общих характерных признаков бюрократии в обществах традиционного типа является ее кастовость: чины (а как правило и связанные с ними должности) распределяются и перераспределяются в рамках узкой социальной группы, члены которой часто связаны родственными узами. Наследственность чинов превращает их в собственность определенного дома или рода, монополизирующего выполнение известных административных функций. Генеалогия высших функционеров Египта, насколько вообще позволяют судить данные, дает возможность констатировать замкнутость и кастовость высших (а в ряде отношений – средних и низших) эшелонов бюрократии. Характеризуя администрацию Нового царства, особенно в период правления Эхнатона, некоторые ученые, однако, констатируют наличие здесь наряду с аристократией и наследственностью должностей, существование

института «меритократии» – выдвижения чиновников за заслуги или выслугу, причем некоторые из них (хотя и в очень редких случаях) могли происходить даже из крестьянского сословия. Наличие частичной мобильности на низших уровнях и прежде всего в переломные эпохи административных реформ не отрицает главного вывода о закрытости египетской бюрократии.

Византийская бюрократия представляет собой другой пример гражданской службы, положение и привилегии которой в обществе непрерывно возрастали. Возникнув, как и всякая другая бюрократическая служба из необходимости управления государственным хозяйством, бюрократия в Византии постепенно отслоилась от правящего класса, стала сама его специфической частью, а затем – особым сословием общества. Особенность византийской бюрократии – ее открытость, обусловленная принципом всеобщей сменяемости чиновников, что вело к высокому уровню социальной мобильности. В этом состоит коренное отличие бюрократии Византии от той, которая существовала в странах Западной Европы: оно носило как количественный, так и качественный характер, поскольку имперские чиновники были не личными слугами монарха, а представителями публичной администрации, а их назначение и смещение регулировалось особыми процедурами и законодательными актами.

Специфика византийской бюрократии как «служилых людей» и, в то же время – представителей публичной администрации, входящих в правящий класс, породила различные трактовки проблемы соотношения господствующего класса и бюрократии. В современном византиноведении довольно прочно укоренилось представление о том, что византийская знать всегда состояла из двух разрядов – аристократии

по происхождению и аристократии по службе, не имевшей знатных предков и проникавшей в высшие круги общества или в силу императорской милости, или в результате покупки должностей.

В соответствии с этим исследователи традиционно подразделяют правящий класс на военную аристократию провинций, являвшуюся вместе с тем знатью по рождению, и управляющий класс – собственно бюрократию, которая постоянно пополнялась за счет выходцев из низов. Стремясь прояснить отношение между двумя группами элиты, А. П. Каждан определяет чиновность как один из факторов приобретения знатности, подчеркивая тем самым их взаимосвязь и специфичность в империи.

Как и в Египте в Византии существовало, собственно, две иерархии – чиновная и должностная, которые тесно переплетались между собой. Важной отличительной особенностью чиновного деления, делавшей его основанием не только административной, но и социальной иерархии являлась наследственность чинов, чиновной аристократии и, в частности, сенаторского достоинства. Должностная иерархия отличалась от чиновной прежде всего отсутствием в ней принципа наследования. Близость чинов и должностей состояла в том, что все ключевые должности различных ведущих учреждений обычно передавались лицам, имевшим высокий чин и принадлежавшим к сенаторскому сословию. В результате такой практики чин и должность как бы объединялись в одном лице, причем один чиновник в принципе мог иметь несколько должностей. Процесс сближения чиновного и должностного делений в рамках административного аппарата значительно ускорился благодаря ряду общих черт при назначении, продвижении и материальном поощрении чиновников. Способы достижения чинов были различны и во многом совпадали с получением должностей.

Основными и, так сказать, регулярными способами повышения социальной мобильности были назначения и продажа должностей и чинов. Первая мера давала возможность привлечь в госаппарат людей способных, профессионалов. Другой способ мобильности – продажа чинов – давал возможность государству, путем узаконения существующей практики, извлекать немалый доход, а кроме того вводить в аппарат представителей финансовой элиты.

Традиционные черты византийской администрации – нерасчлененность функций и компетенции различных ведомств, канцелярий и чиновников, коррупция и кормление от дел, на которые власти смотрели сквозь пальцы, – мешали рациональному развитию бюрократии, решающую роль в функционировании которой играли на всех уровнях личные (а не служебные) связи. Со временем, когда бюрократическая система Византии стала совершенно косной, мобильность чиновничества резко упала, начал идти процесс возвращения к традиционным институтам, усилился личный характер власти. Постепенно шел процесс образования новой чиновной аристократии, основывавшей свою карьеру на близости к императорскому двору. Кроме того, в элиту входила финансово-торговая верхушка, для представителей которой путь к власти открывали деньги. Широкая практика пожалования в чины, продажи должностей увеличивала и без того высокую инфляцию почестей.

Гражданские служащие, получавшие свои особые ранги, занимали место сразу после имперской аристократии. Разграничение между этими двумя группами в рамках правящей верхушки не носило абсолютного характера, существовала тенденция к их переплетению, в результате образовались особые служилые семьи, которые находились в родстве с аристократией импера-

торского дома и, наоборот, некоторые представители императорского дома занимали высшие должности в гражданской администрации. Тенденция к кастовости (подобно Египту) нарастала с течением времени и выразилась в появлении разного рода вертикальных и горизонтальных перегородок, мешающих социальной мобильности.

Большой проблемой для государства становилось содержание бюрократического аппарата, на который шли значительные средства, жалование чиновникам (как и офицерам) выплачивалось частично деньгами, частично хлебом, а сам процесс выплаты не всегда имел регулярный характер. Существовала большая дифференциация в окладах высших и низших служащих, что отчасти являлось экономической основой коррупции. Если высшие и средние чиновники и придворные имели колоссальные оклады, то огромная масса представителей бюрократии низшего ранга получала крайне скудное содержание и в значительной степени жила за счет «дополнительных» взиманий с населения.

Существенным признаком бюрократизации общества являлась сама терминология, появление и распространение таких понятий как «чиновничество», «административная служба» и т.п. в отношении чиновников гражданского, военного и дворцового ведомств, которые дифференцировались с течением времени, по крайней мере в период поступательного развития византийской административной системы.

Наиболее сильно традиционные черты административной организации проявляются в империях Востока, где они наложили отпечаток на облик и функционирование бюрократии. Так, в империи Великих Моголов, где в результате реформ Акбара было создано мощное государство, бюрократия впервые

получила четкое подразделение (система мансабдарства) по чинам (мансабам), а различные виды службы (военная и гражданская) приравнивались друг к другу. В то же время, несмотря на стройность этой системы, знавшей даже функциональное подразделение властей, четкую и систематическую иерархию должностей, ротацию чиновничества, были весьма сильны традиционные установления.

В связи с этим большой интерес представляет вопрос о соотношении бюрократии и каст, имеющих древнее происхождение, которое выводится из племенного и едва ли даже не родового быта. Кастовое деление, как считают специалисты, в значительной степени определило, а отчасти даже заменило деление классовое, во всяком случае можно говорить об определенной деформации последнего под влиянием первого. Механизм этого процесса, говорит, напр., Д. Сиркар, основан на преимуществах одних родов над другими, что позволяет констатировать наличие определенной и весьма строгой иерархии кастового деления, место индивида в которой неизменно и закреплено от рождения (в соответствии с принадлежностью его к определенному роду).

В период создания империи Великих Моголов, кастовая система не была особенно поколеблена проводимыми реформами и вообще мусульманской административной традицией. Новые институты и процедуры управления как бы накладывались на существующие порядки сверху, лишь отчасти деформируя их, но в то же время сами подвергаясь гораздо большей трансформации под их влиянием. Именно так: случилось с вновь созданной бюрократией, которая внешне не имея ничего общего с кастами, сама постепенно пропитывалась кастовым духом, а в своей практике следовала неписанным нормам обычного права. О силе

кастовой системы в том числе и в государственном аппарате, свидетельствует также тот факт, что с ней ничего не удалось сделать англичанам в гораздо более поздний период и им оставалось лишь использовать этот институт для управления страной. В результате кастовая система сохранялась почти в неизменном виде вплоть до второй мировой войны и по переписям XIX–XX вв. можно судить о массовости и разнообразии различных каст, входивших туда людей. Более того, по мнению специалистов, кастовое деление сказывается на строении государственного аппарата самым прямым образом: оно проявляется в занятии их представителями различных (более или менее престижных) должностей, различном участии в государственном управлении, образовательном уровне, квалификации и т.д. Данные проявления кастового строя имеют место и среди мусульманской части населения.

В Могольской империи касты составляли основу социальной иерархии, хотя некоторые отступления от установленной ими иерархии могли иметь место. В различных регионах страны кастовая структура была неодинаковой, порой весьма многообразной, насчитывая до трех тысяч каст и подкаст. Однако повсюду высшими кастами считались брахманы (жрецы) и кшатрии (воины), а за ними следовали купеческие, земледельческие и ремесленные касты. Если учесть, что в империи моголов кастовая принадлежность иногда уже не соответствовала социальному и имущественному положению индивида, то можно допустить постепенный рост проникновения в бюрократию незнатных людей. В целом же элита и основная масса властимущих представляла собой достаточно замкнутую группу выходцев из привилегированных каст, а также иностранцев.

Поскольку роль родовых отношений в новой (административной) иерархии представляет собой

важную исследовательскую проблему не только для Индии, но и для России (достаточно вспомнить, напр., основные положения государственной школы – Соловьева, Кавелина, Чичерина о переходе родовых отношений в государственные), то вопрос заслуживает более подробного рассмотрения.

Поскольку происхождение кастовой системы, как и родовых отношений на Руси, не вполне ясно исследователям, вопрос этот стал предметом широкого обсуждения в научной литературе. Для социологов, в частности, касты и механизм их действия всегда были очень интересны, так как их анализ дает возможность представить в чистом виде общество, подразделенное на совершенно замкнутые и не переходящие друг в друга слои. Особенностью каст является то, что они строятся, с одной стороны, по признаку родства (на основании рождения), а с другой – по признаку профессиональному (брахман, воин, ремесленники и т.д.), причем существует всего пять основных каст, которые в свою очередь имеют много мелких подразделений. Основными характерными свойствами и признаками каст являются (по мнению И. Карве) следующие: 1) касты – это эндогамные группы; 2) касты ограничены в своих действиях определенными районами; 3) касты имеют устойчивые традиционные образцы поведения, которые навязываются советом старейшин членам касты; 4) касты редко взаимодействуют с другими кастами без наличия веских на то причин; 5) касты имеют обычно наследственные занятия, которые, однако, не являются их исключительной принадлежностью; 6) касты организованы по иерархическому образцу.

Уже сам перечень основных свойств каст показывает, что они представляют собой уникальный пример простой закрытой группы, чем, вероятно, объясняется их роль в процессе управления, влияние на админист-

ративно-бюрократический аппарат и необыкновенная устойчивость к переменам. В этом смысле известным аналогом кастам может служить любая закрытая система, напр., средневековые цеха, сословия феодального общества, а точнее отдельные наиболее четкие их подразделения, в истории России – боярство как правящая олигархия, члены которой были связаны общими родственными узами, а весь институт в целом – крайне враждебно относился к изменениям.

Одной из важнейших особенностей кастового строя (в отличие от других аналогичных или близких социальных структур) является, по мнению большинства ученых, его необыкновенная устойчивость в истории: это институт, который сквозной линией проходит через всю историю Индии с древности до настоящего времени. Причина этой устойчивости кроется в прочности рамок, внутренней гомогенности, а также атомарности структуры каст, что позволяет говорить о них как о монадах общества. В результате, между кастами совершенно отсутствовала мобильность, а ее появление связано с развитием капитализма и урбанизации. Кроме того, внутри более крупных социальных объединений, охватывающих несколько каст, хорошо прослеживается традиционное соперничество между ними. Как и в других странах при переходе от традиционной организации власти к рациональной, родовые, общинные и прежде всего кастовые перегородки были наиболее основательным препятствием для создания бюрократической администрации в подлинном смысле слова.

Монолитность кастовой организации, ее иерархичность, разработанность инфраструктуры делают ее идеальным объектом для изучения с точки зрения теории организаций. Взятые таким образом касты являют типичный пример закрытых или заблокированных

социальных структур, механизм регулирования которых не позволял членам касты выходить из нее или как-либо взаимодействовать с представителями других каст. Данное обстоятельство в немалой степени способствует иерархической организации общества и власти в нем. Подобная иерархия имеет пирамидальный характер, подразделяется на практически независимые друг от друга страты и социальные группы, каждая из которых предстает как кирпичик в едином здании, которое существует лишь как целое. В этой перспективе информативно обращение к проблеме изменения традиционных социальных структур под воздействием внешней среды и реального исторического процесса. Феномен изменения в этом обществе также связан с его характером. Оно меняется в некоторых аспектах, в то время как в других оно не меняется вовсе. Некоторые черты изменяются, в то время как другие остаются практически неизменными. Можно, следовательно, констатировать, что в отличие от ряда других традиционных структур кастовый строй не уничтожается автоматически с развитием бюрократического начала. Разложение кастовой системы шло скорее в соответствии с общим экономическим и социальным движением общества и, в частности, с развитием коммуникаций, средств сообщения всякого рода, распространением образования, грамотности, газет, доступности путешествий и пр.

Серьезный удар по традиционной организации общества нанесли реформы Акбара, когда весь государственный аппарат был перестроен по военному образцу, причем четких различий между личными слугами государя и государственными чиновниками не проводилось. В результате введения в 1574 г. Табели о чинах (или системы мансабдарства) и подразделения всего чиновничьего аппарата по 33 рангам военные и

гражданские должности были выведены из-под влияния кастового строя, хотя действие его сохранялось на всем протяжении существования империи.

Перестройка самого правящего класса представляет значительные трудности для реформаторов, когда дело идет об изменении руководящих принципов организации, а не только о так называемых «косметических», т.е. частичных, мелких нововведениях. В этом отношении перспективным представляется сближение в сравнительной перспективе таких механизмов социального регулирования как система каст в Индии, а отчасти в Египте, социальная организация Инков, основанная на общинном делении, система местничества в России, базировавшаяся на иерархии родственных отношений. Данные традиционалистские системы социального (прежде всего административного) регулирования имели своим коренным пороком то, что тормозили, а то и вовсе исключали (как касты) социальную мобильность, обрекая государственность на стагнацию. При такой организации власти выдвижение новых людей в аппарат управления не могло иметь систематического характера, а зависело от случайных соображений. К их числу относятся война, фаворитизм, уникальные способности или необычные обстоятельства. Так в империи Инков, когда в ходе гражданской войны элита была практически полностью уничтожена одним из претендентов (Атахуальпой), а затем повторно – испанцами, социальная мобильность резко возростала. Имея более открытый характер, нежели другие, элита империи Инков находилась, однако, в исключительно привилегированном положении. Ее члены, в отличие от остальной массы населения, обладали правом не только на коллективную, но и на частную собственность, которая имела форму пожалований со стороны Инки за службу и выражалась в предоставлении чиновникам

земель, жен, одежда, ценных изделий, лам и пр. атрибутов привилегированного статуса. Со временем, когда административная власть стала даваться не только родственникам Инки, но и талантливым представителям знати, они стали получать высокие чины в провинциальной администрации за выслугу и достижения по службе, однако никогда не достигали уровня родственников государя. Тот факт, что в основе социального регулирования, распределения материальных благ, статуса и престижа представителей олигархии лежали родственные связи различных кланов, показывают историко-антропологические исследования мифологии рассматриваемого общества по методу К. Леви-Стросса. Аналогичные исследования предпринимались по кастовому строю, где их основой служили свидетельства законов Ману и мифологии индусов.

В империях Востока бюрократическая администрация выросла объективным путем из сложной системы дворцового управления и была генетически связана с ней. Мы видели, как соотносились чины и должности в Египте, Византии, империях Великого Могола и Инков. Более жесткую градацию чиновного деления находим в Китае, где уже в ранний период происходит консолидация бюрократии на базе сближения дворцового, гражданского и военного управлений. Характерна при этом структура власти в Северном Китае в период «пяти династий». Бюрократия этого времени (X–XII вв.) была, конечно, вполне традиционалистской: имел место личный характер власти, а должности руководителей ведущих ведомств при дворе и в армии предоставлялись либо родственникам императора, либо его доверенным лицам. Примечательно, что политическая деятельность не зависела прямо от военной карьеры: правильнее было бы сказать, что контроль над армейскими подразделениями со стороны тех или

иных деятелей зависел от их статуса при дворе и именно этот статус давал им политическую власть.

Одним из признаков традиционного характера является то, что вообще власть придворных (а особенно такой специфической группы как евнухи) была очень велика. Как в центре, так и на местах существовала четкая градация (или Табель) возможных рангов, в соответствии с которой распределялись придворные должности. Эти должности носили, впрочем, скорее придворный или церемониальный характер, чем были бюрократическими в собственном смысле слова. В то же время существовало функциональное подразделение должностей по ведомствам – финансовому, охраны и другим, важным для провинциального управления. Существовал, кроме того, императорский секретариат, где были сосредоточены важнейшие административные функции, исполнение которых возлагалось на глав бюрократических ведомств – министров.

Как и перед всякой другой, перед китайской бюрократией стояли уже на раннем этапе ее деятельности вопросы финансового контроля, учета, проверки исполнения принятых решений. Важным вопросом являлось наблюдение и подчинение государству армии – важнейшей опоры власти, но одновременно силой, осуществляющей военные перевороты и смены династий.

Пример Китая хорошо показывает возможность рационализации и бюрократизации аппарата управления даже в рамках традиционной организации власти. Не случайно китайская бюрократия с самых ранних времен имела строгую систему чиновного деления, выражавшуюся в своеобразной Табеле о рангах, созданной еще до нашей эры. Уже в этот период (эпоха Шан-Инь, Чжоу и Цинь) наряду с аристократией, занимавшей ведущие посты, появляется все больше представителей

новой знати. Если первоначально правителями областей были родовитые сановники, напр., наследственные цины, то к концу Чжоу появляются влиятельные чиновники из низших слоев населения (в том числе торговцев, ремесленников и пр.).

Рационализация управления на традиционной основе привела к появлению в Китае разработанной системы мандарината – едва ли не наиболее дифференцированной системы административного регулирования самого аппарата управления.

Особое место в изучении проблем организации бюрократии занимает исламская традиция административных реформ, представленная прежде всего институтами Османской империи. Это было, используя веберовскую терминологию, патримониальное государство, характерной чертой которого являлось сильное сопротивление зарождению социальных классов и сословий, наличие служилой бюрократии (первоначально, как и везде – писцов). То же подтверждает анализ всей административной машины во главе с султаном – главой всей духовной и светской власти, освященной традицией и обычаем. В Османской империи существовало три основных вида службы: военная (сейфие), бюрократическая (калемие) и духовная (ильмие). Это разделение, конечно, условное, поскольку не существовало четкого разграничения военных, административных и религиозных функций государства – они тесно переплетались и дополняли друг друга. Следует подчеркнуть, что в этом – коренное отличие османского государства, к примеру, от европейского. Однако, «люди пера», как можно назвать профессиональных бюрократов, до XVIII в. редко занимали пост губернатора провинции или садразама – это была «монополия» военных. Тем не менее с конца XVII в. большое число профессиональных бюрократов появ-

ляется в избранном кругу пашей. По-видимому, это было отражением соперничества между бюрократией и военными, а также растущей профессионализации государственного аппарата.

Османская бюрократия, как и византийская, обладала характерным свойством – высокой социальной мобильностью, что было связано с ее происхождением и развитием. Действительно, все посты в государстве (по крайней мере формально) были открыты любому, действовал принцип меритократии (выдвижения за заслуги), хотя со временем (на рубеже XVII–XVIII вв.) должности отцов все чаще стали переходить к детям и тем самым проявилась тенденция к наследованию должностей. Исследователи указывают, что высокие темпы и масштабы социальной мобильности, связанные с открытым характером османской бюрократии, имеют корни в организации правящего класса. Служильный характер правящего класса и его полная зависимость от государства делал его практически лишенным какой-либо корпоративной сословной автономии. Это был социальный слой, экономическое, а, следовательно, и социальное положение которого полностью контролировалось государством. Открытость правящего класса и связь его со службой государству вела к тому, что меритократия становилась важным принципом административной и военной организации, а верхушка общества представляла собой социальный слой, связанный (как и повсюду) родственными узами, а также (особенность Турции) способом продвижения и типами карьеры, которые специалисты объединяют выразительным термином – «мобильность типа лампы Аладина».

Бюрократическая служба в Османской империи, как и в других странах, была одновременно и средством, и целью проведения реформ, реагировала на все

крупные перемены административного аппарата. Первая и наиболее крупная из таких перемен произошла в 30-е годы XIX в., так как в предшествующий период даже в ходе реформ Селима III, изменению подлежало прежде всего войско, а не государственный аппарат. Чиновничество перестало носить традиционное название – «калемийе» – «люди пера», – которое можно перевести также как «чиновные люди», а стало называться – «мюлькие», чиновничество, в результате чего они стали больше ассоциироваться со служащими центральных бюро в Стамбуле, что сделало их статус более соответствующим бюрократии западных государств того времени. Тогда же (в 30-е гг. XIX в.) произошли некоторые организационные перемены: государство, первоначально ориентированное на религиозную войну, главными силами в котором было войско и церковь, постепенно включалось в орбиту рационализации и модернизации, что вело к бюрократизации общества и аппарата управления.

Весь процесс развития Сиятельной порты и ее канцелярского ведомства является, по мнению специалистов, свидетельством бюрократизации и рационализации, дифференциации функций, постепенного отхода от традиционных принципов организации, причем все указанные тенденции имели место в рамках традиционной системы.

Исследования позволяют сделать некоторые наблюдения о составе аппарата управления по ряду основных признаков. Так, структура бюрократии по этно-религиозному признаку дает возможность выявить достаточно устойчивую монополию греков на должностях переводчиков, по крайней мере в течение ряда веков. Греки специализировались на этих должностях и постепенно достигали большого влияния как в самой Турции, так и в ее христианских провинциях. Их мо-

нополия сохранялась вплоть до антитурецкого восстания в Греции и стала характерной чертой канцелярской и дипломатической службы.

Должностная стратификация выражалась в наличии писцов низшего уровня и заведующих бюро, которые соотносились между собой примерно как подъячие и дьяки. Рекрутирование чиновничества носило не рациональный, а патримониальный характер, все зависело от того, насколько котировался патрон данного служащего при дворе. При продвижении по службе (мобильность) решающую роль играла протекция и способности, благодаря которым чиновник мог быть переведен в центральный аппарат, а затем – в Диван (при везире). Доходы низших представителей бюрократии шли не столько от земельных владений, сколько от вознаграждений за службу и даров от населения, что ставило их в более зависимое социально-экономическое положение от государства.

Чиновники высшего ранга получали совершенно иной статус, престиж и благосостояние. Дослужившись до титула паши, чиновник получал очень высокий ранг и входил в состав патримониальной элиты канцелярского ведомства, ему полагались особые церемониальные отличия, ключевые посты. Однако все это – статус, материальные блага, возрастающие возможности влияния на ход дел, считает К. Финдлей, – являлись отнюдь не результатом принадлежности к высшему уровню канцелярской службы, а скорее соответствовали растущей политизации бюрократической элиты. Все дело объяснялось по существу довольно просто: близостью чиновника к султану, который и был реальным центром власти.

Поэтому стержнем социальной мобильности являлась служба, а двигателем – само правительство, центральная администрация.

В Турции, как и в Византии, существовала специальная организация социальной мобильности в управленческом аппарате: каждый год производилось переутверждение всех высших чиновников государства, чаще всего сохранявшие их на прежнем месте, но иногда сопровождающееся их повышением или понижением в должности. Это был отработанный механизм рекрутирования и одновременно контроля высшей администрации со стороны султана и его аппарата, существовавший длительное время. Данный механизм служил и другим целям. Система годичных назначений служила своего рода катапультой, забрасывающей представителей бюрократии в правящую элиту, а кроме того – средством перераспределения материальных благ. Указанная тенденция выражалась в существенной дифференциации окладов представителей высшей и низшей категорий бюрократии.

В отличие от элиты, которая в деспотическом государстве всегда была нестабильна и не имела четких принципов комплектования, средние и низшие слои бюрократии постепенно приобретали более определенный облик, начиная соответствовать своему функциональному назначению. В рамках патриархальной организации бюрократия стала приобретать черты обособленного социального слоя – гильдии или цеха, члены которого были связаны между собой служебной дисциплиной, устойчивой иерархией, этикой и пр. В результате уже в недрах традиционной организации власти появляется организация нового типа, которая постепенно оказывается сильнее, чем породившая ее предшествующая административная система.

Социальная стратификация феодального общества Японии, при всей ее специфике, позволяет установить ряд сходных черт формирования бюрократии.

Как показал японский историк К. Ямамура, уже сразу после установления режима Токугава самураи из военных стали превращаться в бюрократию, а основным источником их дохода (как и дворянства) стала государственная служба. По своему социальному положению самураи находились между придворной аристократией (дайме), представители которой занимали примерно 60 высших постов, и остальной служилой массой государева двора. Эти несколько тысяч самураев были резервуаром и костяком офицерского корпуса в армии и бюрократии в госаппарате, структура и функции которых были четко установлены в 1660 г.

Общая структура сословия самураев была следующей: они условно могут быть подразделены (и разделялись современниками) на три основных категории – высших, средних и низших, а более дробное деление хотя и существовало, на практике было не вполне четким и мало способствует классификации в современных научных трудах. Экономическая и социальная стратификация как бы сливались, переходили друг в друга, хотя в основе обоих лежали различные принципы, лишь на время примиряемые в рамках местничества и служилых отношений.

При переходе от традиционного к бюрократическому режиму важную роль играет социальная мобильность. Для японского общества эпохи сегуната, где социальные перегородки между классами и внутри них были очень велики, мобильность не могла дать быстрых и заметных результатов без преодоления традиционных ограничений. Самурайство, как и другие сословные группы, не могло достичь высоких темпов мобильности, более того, в течение первых двух столетий существования режима Токугава вертикальная мобильность не только не возрастала, но уменьшалась. Экономическая мобильность также практически

отсутствовала (ибо зависела в значительной степени от мобильности другого рода – социальной, продвижению по службе), в результате чего имущественное положение самураев становилось хуже с ростом буржуазных отношений. С этим важным аспектом положения самурайства Ямамура связывает даже некоторые демографические явления развития данного слоя – сокращение рождаемости, поздние браки и т.д., что, по его мнению, было непосредственно связано с жизнью в больших городах, где стоимость жизни непрерывно дорожала, а доходы самураев оставались прежними. Указанные изменения не могли не сказаться на психологических свойствах служилого сословия, деформируя известный дух самурайства, который поддерживался теперь не столько реальным значением данного слоя в военной области (войны не было 250 лет), сколько соответствующим правовым регулированием, обособившим его от других классов.

Такой (вполне традиционный) характер социальной организации вполне определенно сказывался на темпах и общей направленности процесса бюрократизации административного аппарата, развитии бюрократии в особый социальный слой. Мобильность в госаппарате, как и повсюду в социальной структуре, была весьма низкой, продвижение по службе, особенно на высших постах, шло медленно и назначения никогда не обходились без поддержки влиятельного лица. В ходе распределения ключевых должностей сказывалась борьба различных аристократических кланов за власть и влияние. В дальнейшем распространение получили различные меры социального регулирования, в частности – принцип ротации чиновничества. Характерной чертой бюрократии режима Токугава стало то, что чиновники не задерживались на своих постах, а переходили с одного на другой в строго определенном

порядке – день в день по намеченной шкале. Одним из недостатков такой системы являлся формализм, стремление действовать лишь в рамках инструкции и не более того, что вело к окостенению аппарата, а также развитию негативных явлений (протекционизма, коррупции, групповщины).

Интересно проследить, каким образом традиционные феодальные отношения влияли на формирование бюрократии и каковы были результаты этого влияния. Политическую основу режима Токугава составлял принцип феодальной лояльности вассала своему сеньору: образовавшаяся таким образом иерархия находила выражение в идеологии, а также конфуцианском образцовании, которое само по себе становилось средством социальной мобильности. Согласно логике построения общества, оно четко разделялось на две категории людей – «простонародье» (к которому относились крестьяне, купцы, ремесленники и пр.) и правящий класс (самурай), причем переход из первого состояния во второе был крайне затруднен, практически невозможен. Лишь к концу сегуната можно констатировать процесс анноблирования богатого купечества (получения его представителями самурайских рангов). Такая ситуация все более переставала соответствовать реальной расстановке сил и вступала в противоречие с тенденциями к модернизации и европеизации страны, основными условиями которых была ломка феодальных структур, расширение социальной мобильности.

Мы рассмотрели основные тенденции социальной стратификации и социальной мобильности на примере развития бюрократии ряда традиционалистских обществ. Было показано, как традиционные родовые, кастовые и сословные отношения влияют на процесс рационализации управления, соответствующие изменения структуры чиновничества, постепенно

превращающегося в самостоятельный и весьма влиятельный социальный слой. Экономические, социальные и политические параметры этого процесса могут, таким образом, эффективно исследоваться на основе теории социальной стратификации, позволяя объяснить многие существенные черты его развития.

ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ

§ 1. Наряду с теорией социальной стратификации концепция социального конфликта является одной из основополагающих для современной социологии. Мы видели, что потенциальная возможность конфликта содержится уже в самой природе общества, для которого характерно неравенство различных составляющих его классов, слоев, групп и отдельных индивидов по самым разнообразным параметрам. Можно сказать, что все измерения, по которым возможно проведение социальной стратификации – благосостояние, статус, престиж, национальная и религиозная принадлежность, пол, возраст и т.д., – при известных обстоятельствах становятся источником конфликтов различного уровня и характера. Результатом неравенства, существующего в обществе и связанного с ним различия интересов слоев, групп и индивидов становится дисбаланс социальной системы, появление в ней или в отдельных ее структурах противоречий, порождающих столкновения. По своему уровню конфликты могут развиваться на макроуровне (когда охвачена вся система общественных отношений), среднем уровне (в рамках большого социального слоя или ключевого института) и микроуровне (отдельная группа вплоть до самой мелкой ячейки общества – семьи). По своему характеру конфликты могут быть распределены на структурные (между различными структурными подразделениями системы), функциональные (когда имеется противоречие в функциях той или иной роли) и структурно-функциональными (когда в результате изменений возникает несоответствие старых структур и новых функций). Кроме того, можно указать на различные последствия конфликтов разного характера. Те из них, которые ведут к дестабилизации существующей системы,

можно признать антагонистическими, те, которые носят более частный характер и преодолеваются в ходе эволюционного развития, — неантагонистическими. Отсюда возможность типологии конфликтов по трем основным признакам — уровню, характеру и степени воздействия на общество.

Проблема конфликта традиционно привлекала внимание социальных мыслителей, находя объяснение в соответствии с тем, как понимали они общество в целом, его структуру, характер развития. Особенно большой вклад в разработку проблемы внес Маркс, учение которого часто интерпретируется современной социологией как классическая теория социального конфликта на макроуровне. Действительно, Маркс систематически проанализировал классовый конфликт и его роль в социальной эволюции, показал влияние классовой борьбы на организацию политической власти. По мнению Р. Дарендорфа, специально рассматривавшего данную проблему, Марксу принадлежит одна из важнейших идей современной социологии о связи между социальной структурой и социальным изменением через социальный конфликт, который представляет собой движущую силу изменений. Модель конфликта, предложенная Марксом, есть теоретическое осмысление Французской революции и промышленного переворота. Этим объясняются как сильные, так и слабые ее стороны. Революционная традиция XVIII в. не только вдохновила Маркса, но и дезориентировала его. Он стал склоняться к выводу, что единственный путь, при котором социальные конфликты производят социальные изменения, есть путь революционного переворота. Значение марксистской теории конфликта состоит поэтому, главным образом, в общем подходе к проблеме и некоторых выводах из него. Прежде всего весьма перспективным представляется вывод о том, что общество,

порождающее внутри своей структуры антагонистические противоречия, само является источником изменений. Во-вторых, в рамках этой теории ясно объясняется механизм конфликта вообще, безотносительно к конкретной исторической ситуации его возникновения. Так, всякий конфликт проявляется в появлении двух полярных позиций, борьбе между ними, при которой одна сторона нападает, а другая обороняется, а разрешение конфликта означает социальное изменение. Суть конфликта, таким образом, в существовании двух противоположных начал, одно из которых отстаивает традиционный порядок вещей, будучи заинтересовано в нем, а другое, напротив, стремится к изменению этого порядка, завоеванию для себя более высокого статуса.

Критика марксистского подхода к социальному конфликту в современной социологии сводится к следующему: во-первых, он чрезвычайно абстрактен и может поэтому быть принят лишь как общая логическая схема. Тот факт, что Маркс оперировал таким понятием, как «класс», позволил ему указать лишь самые общие линии конфликта. Во-вторых, Маркс, оперируя слишком большими и всеобъемлющими социальными категориями, преувеличил значение конфликта – классовой борьбы в истории общества, представляя его как непрерывное столкновение противоборствующих интересов. В-третьих, анализ социального конфликта, во многом верный для индустриального общества, оказался неприемлем для современного (или постиндустриального) общества. К этому следует добавить, что последователи Маркса оказали его учению дурную услугу, превратив его набросок теории исторических изменений в непререкаемую догму. Особенно большой вред в этом отношении был нанесен теории конфликта, которая, превратившись в лозунги, фактически не смогла дать социологии тот импульс, который она

потенциально содержала в себе. Разработанная применительно к определенной исторической эпохе и на ее материале (именно – к эпохе перехода от феодализма к капитализму) теория конфликта Маркса без изменений перешла в новейшее время и нет ничего удивительного, что многие ее ключевые положения перестали соответствовать изменившейся действительности.

Суммарное и, на наш взгляд, во многом убедительное изложение этих изменений мы находим в книге Дарендорфа, ряда других западных исследователей. Их наблюдения касаются прежде всего двух основных участников конфликта – буржуазии и пролетариата, а также меняющегося характера отношений между ними. Оба рассматриваемых класса претерпели радикальные изменения в рассматриваемую эпоху. Класс капиталистов, некогда единый, раскололся на несколько социальных слоев, выделяемых по своему отношению к средствам производства. Это, во-первых, капиталисты в традиционном смысле слова, т.е. собственники средств производства, во-вторых, управляющие или менеджеры, являющиеся фактическими организаторами производства и выполняющие, как таковые, функции контроля над средствами производства. Капиталисты традиционного типа осуществляли власть потому, что имели собственность. Власть была логическим следствием их права владения. В противоположность этому власть менеджера основана не на прямом, а на делегированном ему праве собственности, точнее – распоряжения ею от имени владельца. Однако в добавок к этому менеджер-бюрократ приобретает другой, не менее важный источник легитимации своей власти – непосредственный контакт с основной массой производителей, вынужденной подчиняться ему для поддержания консенсуса. К этому слою относятся, как правило, люди интеллигентных профессий – юристы,

экономисты и т.п., которые весьма быстро занимают высокое положение в общественной иерархии и пользуются престижем. Указанная тенденция к отделению собственности от права контроля над ней порождает плюрализацию самого класса буржуазии, появлению в нем различных групп с несовпадающими интересами, поддерживающими установленный порядок, конкурирующими с его представителями, а также вообще имеющими другую природу. Очевидно влияние такой поляризации на классовый конфликт, когда капиталисты-собственники вытесняются менеджерами-функционерами, соответственно меняется состав и рекрутирование участвующих в конфликте групп, а их противоборство имеет мало общего с борьбой труда и капитала в традиционном смысле слова, хотя одна сторона представляет капитал, а другая – труд.

Рабочий класс, с другой стороны, также претерпел длительную эволюцию со времен Маркса. В настоящее время он, как и класс капиталистов, далек от гомогенности и в нем существует весьма развитая стратификация ролей, полюсами которой являются, с одной стороны,- высококвалифицированный рабочий, по своему положению близкий к представителям свободных профессий – инженерам, экономистам и т.д., с другой – неквалифицированный рабочий. В настоящее время рабочий класс имеет три основных страта – высококвалифицированных, среднеквалифицированных и неквалифицированных работников. Тенденция к усилению первых двух категорий набирает скорость с усложнением техники производства.

Растворение и фактическое пересечение двух основных участников производственного процесса – капиталистов и рабочих – сделало возможным появление новой исторической реальности – так называемого среднего класса, вбирающего в себя социальные слои

менеджеров, интеллигенции, белых воротничков, вообще высококвалифицированных рабочих и служащих. На этой основе возникает возможность преодоления того социального конфликта, который, согласно теории Маркса, неизбежно должен привести к социальной революции. Универсальным средством для этого является социальная мобильность, масштабы которой несравненно усилились со времен индустриального капитализма. В условиях всеобщего распространения доступного образования оно само становится важнейшим институтом социальной мобильности, благодаря которому способные люди из низших слоев общества могут подняться к его вершинам. Другим важным источником социальной мобильности могут служить так называемые смешанные предприятия, удельный вес которых неуклонно растет в развитых странах рыночной экономики. Такие предприятия открывают возможность малообеспеченным слоям общества участвовать в бизнесе и, следовательно, получать прибавочную стоимость.

Наиболее важным изменением в политической сфере, происшедшим со времен Маркса, является распространение принципов равенства, политической демократии и прав человека. Декларированные в свое время политические права (право создания партий, выборов в парламент, свободного доступа к средствам массовой информации) были со временем дополнены социальными правами (пособия по безработице, пенсии и т.п.). Государство выступает тем самым как весьма эффективный инструмент регулирования противоречий в обществе. Существование демократических институтов дает возможность институционализации конфликта, введения его в определенные контролируемые обществом рамки. Поле битвы враждебных социальных сил заменяется рынком, где идет деловое

обсуждение проблем на взаимоприемлемой основе. Путь к консенсусу открыт.

При таком подходе к социальным противоречиям особое значение имеет ряд принципов, сформулированных М. Вебером. В отличие от Маркса этот мыслитель не ставил своей специальной задачей анализ социального конфликта, однако в его сочинениях можно найти достаточно положений по этому вопросу. Достаточно сказать, что Вебер, создавая теорию «идеальных типов», размышлял над проблемами диалектики и не был совершенно чужд данному методу с его основной идеей о борьбе противоположностей. Вебер, далее, принимал тезис Маркса о том, что собственность и разделение труда являются основой формирования классов с несовпадающими интересами, хотя и считал их не столько реальными социальными образованиями, сколько идеально-типическими конструкциями исследователя. Поэтому, в отличие от Маркса, выделявшего для эпохи капитализма три основных класса – землевладельцев, капиталистов и рабочих (с тенденцией к образованию на их основе двух антагонистических классов), Вебер допускал гораздо большее разнообразие классовых ситуаций, исходя из своего понимания социальной стратификации, принципы которой изложены нами в первой главе. Наконец, различным был, исходя из этого, и прогноз обоих мыслителей на будущее. Маркс считал, что конфликт классов неизбежен, он будет нарастать и приведет к разрушению существующего порядка вещей, социальной революции, осуществить которую суждено пролетариату. Вебер, не отрицая в принципе данного конфликта, указывал также на существование многих других (национальных, религиозных, политических и т.д.), которые, по его мнению, играют в истории не меньшую, а подчас и большую роль. Однако основной вклад Вебера в

социологию конфликта следует искать в его теории рационализации. Остановимся на этой проблеме более подробно, поскольку данная веберовская теория лежит в основе подхода современной (немарксистской) социологии к объяснению конфликта.

Центральной для метода Вебера, как и Маркса, являлась проблема объективности социальных наук. Однако объективное внутреннее содержание науки состояло для Вебера (в отличие от Маркса) не в каких-то имманентных тенденциях процесса исторического развития или необходимо действующих факторах, но прежде всего в каузальном характере взаимодействия явлений. Исходя из этого, можно интерпретировать основные направления научной работы Вебера – анализ отношений между экономическими структурами и формами социальной организации, а также мировых религий и обратного их влияния на экономику. Этот анализ позволил Веберу сформулировать главный вывод социологической теории – концепцию рационализации (которая возможна в двух формах – целевой и ценностной). Понятие «рациональность», ключевое в социологии Вебера (подобно понятию «классовая борьба» в социологии Маркса), не носит, однако, характер категории, отражающей объективный процесс. Важно подчеркнуть (поскольку это часто игнорируется), что рационализация – это вовсе не онтологический атрибут и не инструмент измерения истории, исторического процесса или человеческой деятельности. Как хорошо показано некоторыми современными исследователями его творчества, Вебер был далек от представления об истории как едином процессе рационализации и связывал его скорее с определенными эпохами и регионами, прежде всего – европейскими странами нового и новейшего времени.

Будучи основной категорией социологии Вебера, «рациональность» кладется им в основу объяснения исторических изменений, смены экономических отношений, и в частности – капитализма и образования его форм хозяйства, развития социальной и политической сферы (структура власти и управления, парламентаризма, права), этики (выработка честности в отношениях между кредитором и должником), а также науки и искусства (напр., рационализация музыки). Идея рационализации служит, таким образом, для интерпретации различных сторон жизни общества, прежде всего – социальных конфликтов.

Так, рационально ориентированная хозяйственная деятельность имеет свое соответствие (или несоответствие) в типах организации общественной жизни и легитимной власти. Рационализация социальных отношений проявляется в борьбе различных экономических и политических интересов и представляющих их групп за статус, престиж и благосостояние в рамках системы рыночной экономики. В перспективе процессов рационализации анализировалось Вебером развитие мировых религий – конфуцианства и таоизма, буддизма, иудаизма, христианства и магометанства, выработка ими определенных этических норм, правил, ценностей, направляющих и регулирующих поведение людей в различных сферах жизни. Вебер показал, в частности, каким образом рационализация этических религиозных постулатов, охватывающая все поведение и ценности человека, сыграла значительную роль в эволюции фундаментальных институтов общества. Примером может служить концепция о воздействии протестантизма на развитие буржуазных отношений. Тот же процесс рационализации в науке ведет к усилению рационального контроля над действительностью, техническое освоение которой есть осуществление научного прогресса.

Важным самостоятельным направлением разработки Вебером концепции рационализации является его учение о политике, власти и праве. По существу, именно в рамках данной проблематики нашла наиболее четкое выражение веберовская теория социального конфликта. Конфликт этот проявляется в борьбе и последовательной смене в истории трех типов власти и лидерства – традиционного, рационального и харизматического. Власть имеет традиционный характер в тех случаях, когда она освящена авторитетом издавна существовавших патриархальных установлений и правителей, а также религиозными нормами. Рациональная организация власти имеет место тогда, когда она опирается на определенную систему общих правил и норм, намеренно установленных с известной разумной целью. В отличие от власти патриархального правителя власть при рациональной форме управления в большей степени зависит от статуса индивида в системе организационной иерархии, отчего она приобретает свойственный ей деперсонифицирующий, унифицированный характер. Наконец, третий тип власти – харизматический – основывается на признании исключительных, уникальных достижений индивидуальной личности и предписываемых ею образцов поведения. В исторической перспективе она предстает скорее, как переходный тип власти от традиционной ее организации к рациональной. Поскольку для Вебера отношения власти являлись важнейшими, данный конфликт играет для него решающую роль, а характер его разрешения определяет направления дальнейшего развития. Наиболее четко торжество рационалистических принципов проявляется в организации государственного управления – реформах административного аппарата и бюрократии. Преимущественное внимание уделялось при этом отношениям государственной ад-

министрации и системы политических партий, а центральной исследовательской проблемой становилась бюрократия. Это вполне естественно вытекает из всей логики веберовского учения, его социологии конфликта: бюрократия является одновременно и результатом процесса рационализации и в то же время важнейшим средством ее осуществления. В этом смысле она в известной мере напоминает марксистскую интерпретацию такого понятия как «пролетариат».

Отсюда, в частности, проистекает известный веберовский прогноз: в отличие от Маркса, считавшего, что с устранением экономических противоречий борющихся социальных классов исчезнет источник угнетения и эксплуатации, Вебер высказывал предположение, что в условиях социалистического планового хозяйства экономическая и политическая власть сосредоточится в одних руках – бюрократии, в результате чего она получит практически неограниченную власть, а власть человека над человеком станет еще более значительной. Рациональное экономическое развитие и управление поэтому немислимо, по Веберу, без создания правовых гарантий, унификации и формализации права.

Изложение основных принципов социологии конфликта Маркса и Вебера позволяет лучше понять разработку этой проблемы в современной социологии, где большое распространение получила попытка синтеза воззрений обоих мыслителей в рамках системного или структурно-функционального подхода. При этом важно отметить, что собственно структурно-функциональный подход часто подвергается критике именно за то, что не объясняет процесса изменения в истории, роли конфликта в ней, ограничиваясь лишь указанием на его существование и попытками формальной типологии конфликтов. Действительно, конфликт как условие социальных изменений может

рассматриваться с различных точек зрения. Прежде всего конфликты между обществами в истории сыграли большую роль в образовании более крупных социальных образований, в установлении или укреплении определенной социальной стратификации, оказали глубокое воздействие на экономическую и политическую структуру обществ, социальную политику, нормы поведения и культуру. Конфликты между социальными группами внутри обществ являлись и является главным источником нововведений и социальных изменений. Конфликты между классами (в полной мере сложившимися к новому времени) во многом обусловили картину социальных отношений современного общества. В частности, установление политической демократии в странах Западной Европы во многом являлось результатом классовой борьбы. Наконец, в различных обществах прошлого и настоящего существовала масса конфликтов разного уровня между нациями, этническими группами, поколениями, возрастными, половыми, профессиональными группами и т.д., которые определяют пеструю палитру взаимоотношений между индивидами в современных условиях.

При объяснении социального конфликта в современной социологии наметилась тенденция к интеграции экономического, социологического и политического подходов к его интерпретации. Такая интеграция осуществляется главным образом на основе системного анализа конфликтов с применением структурно-функциональной теории. Согласно данной теории всякий конфликт в социальной системе может быть интерпретирован как ее дисбаланс (нарушение гомеостаза) в результате изменений, вызывающих несоответствие структурных подразделений системы между собой (структурный конфликт), нарушение функций (функциональный конфликт), вызываемое

изменением в распределении ролей участников игры или, наконец, противоречиями между структурами и функциями (структурно-функциональный конфликт). Сказанное объясняет тот синтез различных концепций конфликта (прежде всего марксистской и веберьянской традиций его анализа), который имеет широкое распространение в различных современных трудах по политической социологии.

В основе анализа социального конфликта в современном (индустриальном или пост-индустриальном) обществе лежит идея об увеличивающемся разрыве между такими классообразующими признаками, как собственность на средства производства и контроль над ними. Мы видели, что констатация данного факта, имеющаяся в большинстве исследований по социальной стратификации, позволяет во многом объяснить расслоение традиционно существовавших (начиная с нового времени) трех больших классов – капиталистов, землевладельцев и рабочих. Более того, анализ современного общества (как западного, так и советского) с этой точки зрения позволяет констатировать появление в нем широкого социального слоя – менеджеров, специализирующихся на управлении производством и уже в силу этого обладающих значительной властью и влиянием. Не случайно поэтому большинство исследователей связывают с изучением этого нового социального образования многие характерные черты развития современного общества вообще, видя в нем перспективное направление социальной эволюции.

С ростом рационализации в современном обществе становится более ясно, что человек в очень большой степени зависит от своей позиции по отношению к средствам производства. Этот вывод, как справедливо отмечал еще Р. Мертон, не должен представляться исключительно положением марксистской теории, но все

более становится общепринятым достоянием современной науки вообще. Те отношения собственности, которые ранее были не вполне ясны и могли служить предметом дискуссии, в настоящее время стали совершенно очевидными благодаря росту бюрократизации. Все большее число людей, например, обнаруживает, что для того чтобы иметь работу, нужно быть на нее нанятым. Для того, далее, чтобы работать, нужно иметь необходимые орудия труда и оборудование. Однако и наем на работу и доступ к технике осуществляется лишь под контролем бюрократии, причем не имеет значения какой характер (публичный или частно-правовой) она имеет. Тот факт, что для поддержания своего существования человек необходимо должен быть нанят бюрократией и пройти через ее контроль, превращает данный социальный слой в исключительно грозную силу современного общества. Традиционный классовый конфликт таким образом постепенно трансформируется в конфликт между значительной частью общества и бюрократией. В этом смысле можно констатировать, что бюрократизация повсюду ведет к отделению производителей от средств производства, порождая отчуждение. Данная ситуация весьма сходна с той, которая имеет место во всех армиях нового времени, где бюрократизация выражается в полном отделении личного состава от орудий разрушения, поставленных под контроль административного ведомства. С усложнением техники в условиях научно-технической революции (необходимость лабораторий для проведения научных исследований, машин, сложной техники) значение бюрократии вырастает еще больше, ибо зависимость от нее непосредственных производителей (которые не имеют самостоятельного допуска к средствам производства) и военных (которые не допускаются к вооружениям) неуклонно возрастает.

В результате такого развития общества социальный конфликт, как столкновение различных антагонистических классов, все более трансформируется в противоречие между обществом и бюрократией, а в конечном счете выражается в некоторых основных тенденциях ее собственного развития. Нет ничего удивительного поэтому, что большинство западных исследователей часто рассматривают социальный конфликт как конфликт бюрократический, со свойствами для него правилами игры. При таком подходе в центре внимания сказывается борьба трех основных типов или моделей бюрократической организаций – традиционной, рациональной и харизматической. В исторической перспективе эта борьба, как мы увидим ниже, выражается в последовательном вытеснении традиционных начал организации рациональными, для чего иногда применяется харизматический (самостоятельный) тип власти. С точки зрения социальных отношений можно констатировать устойчивую тенденцию к расширению состава бюрократии за счет выходцев из различных социальных классов, сословий и групп. Данная тенденция особенно хорошо прослеживается на материале административных реформ нового времени, который и положен нами в основу настоящей главы. Существо конфликта здесь состояло в борьбе нового бюрократического начала со старым традиционным – аристократическим, постепенно уступавшим свои позиции. Средством борьбы служила социальная мобильность – привлечение на государственную службу абсолютистского государства выходцев из менее привилегированных или даже непривилегированных сословий. Мобильность оказывалась таким образом одним из важнейших средств разрешения конфликта в обществе. Она позволяла, в частности, ликвидировать тот социальный разрыв, который

образовался постепенно между новыми отношениями собственности и властью, позволяя наиболее богатым, образованным или просто талантливым представителям низших классов достичь власти и могущества в рамках традиционной бюрократической иерархии.

§ 2. Анализ развития социального конфликта целесообразно начать с модернизирующихся стран Востока нового времени, где он проявляется особенно заметно в целом ряде последовательно проводившихся реформ всей административной системы. На первом плане оказываются при этом реформы в Российской империи, которые были наиболее значительны по своим масштабам, проводились раньше, чем в других странах, а потому служили известной моделью для них. Проанализировав этот вопрос в ряде специальных исследований, автор настоящего труда пришел к выводу о необходимости по-новому объяснить значение реформ Петра Великого в мировой истории. «Административные реформы Петра, — констатировали мы тогда, — воплощая в себе догоняющее развитие, модернизацию и европеизацию, выступали первыми в ряду подобных преобразований нового времени, обнаружив ряд устойчивых признаков, которые затем прослеживаются в реформах других стран — Пруссии, Австро-Венгрии, Турции, Египта, Японии, других государств вплоть до настоящего времени. Это наблюдение уже само по себе снимает вопрос о закономерности или случайности преобразовательной деятельности Петра. Переход от традиционной организации управления к рациональной, создание государственности нового типа явились объективным этапом общественного развития нового времени. Петровская реформа в этом отношении — важная веха в мировой истории, ибо она символизирует начало процесса модернизации и европеизации в мировом масштабе. Петр I — есть первый

реформатор нового времени, а его значение в области административной истории подобно значению Колумба в истории великих географических открытий». Отметим, что указанные наблюдения во многом верны и в отношении других крупнейших преобразований русской государственности периода «просвещенного абсолютизма», реформ 60-х гг. XIX в. и, наконец, конституционного эксперимента начала XX в., оказавших огромное влияние на модернизирующиеся страны Востока.

Тенденции к рационализации, модернизации и европеизации аппарата управления в Османской империи, ставшие набирать силу с XVIII в., но особенного развития достигшие в период Танзимата, сказались на положении бюрократии самым непосредственным образом. Первая серьезная попытка реформ при Селиме III сопровождалась превращением канцелярского ведомства в новый центр административного управления – Министерство иностранных дел, которое стало главной опорой борьбы с традиционализмом и исламскими представлениями о внешнем мире. Характерно, что именно просвещенная бюрократия МИД, имевшая возможность часто выезжать за рубеж и общаться непосредственно с «неверными», выступила в защиту программ европеизации всех сторон жизни общества, в том числе и административного аппарата. В донесениях послов из стран Западной Европы большое внимание уделялось характеристике системы министерского управления и армии, находили отражение концепции и воззрения бюрократического профессионализма, иерархического чиновного деления, соответствующей оплаты труда, которые выступали антитезой традиции административного управления в Османской империи.

Мероприятия Селима III по рационализации управления, в частности создание МИД, продолженные

Махмудом II, вели к созданию министерской системы по европейскому образцу, а бюрократия, в соответствии с этим, превращалась из инструмента личной власти султана в гражданскую службу, систематически организованную и функционирующую на основании законодательного регулирования. Важным средством этого стало подразделение всех должностей по отраслям (военная, гражданская и религиозная иерархии) и по рангам (которых вводилось девять), обеспечение последовательного продвижения по ним. Создание такой системы, являющейся прямым аналогом петровской Табели о рангах, сыграло решающую роль при переходе турецкой администрации от традиционных принципов организации к рациональным.

Следствием этого шага было, как и в России, резкое увеличение числа чиновников как в центре и на местах, дорожание аппарата управления (т.к. «кормления» окончательно заменялись денежным жалованием), рост коррупции – профессионального заболевания бюрократии. Однако положительные результаты реформ эпохи Танзимата для бюрократии были важнее их отрицательных последствий: реформы означали перестройку неэффективного аппарата, рационализацию самой бюрократии, ее большую дифференциацию и специализацию, рост дисциплины, а говоря более обще – введение принципов формальной организации и новых процедур управления. Возводя на вершину административной пирамиды те нововведения, которые при Селиме III были осуществлены на нижних ее ступенях, танзиматские реформы коренным образом меняли весь социальный и культурный облик турецкой бюрократии. Ключевую роль в этом процессе играл принцип европеизации, а также эгалитаризма, сохранившие свое действие до конца режима. Процесс модернизации породил стремление согласовать

оттоманизм с европейскими ценностями, изучением языков, техники, вообще культурных достижений.

Концентрация и перегруппировка бюрократии на пути к созданию из Османской империи государства современного типа означала укрепление и развитие тех тенденций, которые зародились в XVIII в. Преодоление традиционных принципов административной организации шло медленно и имело часто внешний, верхушечный характер, как и сам процесс европеизации, который затрагивал элиту в большей степени, чем всю остальную массу чиновничества. Революция в этом отношении расширила и углубила те принципы, которые были достоянием лишь узкого круга людей. Однако процесс европеизации, развития политического мышления, правового сознания закладывал основу той бюрократии, которая могла свыкнуться с конституционными порядками и действовать в рамках парламентарной системы западного образца. Об основательности указанных тенденций свидетельствует их устойчивый характер, сохранение даже вопреки воле двора и султанской власти.

Модернизация общества Японии в результате реформ, получивших название «революции Мейдзи», нанесла удар по традиционным институтам, способствовала рационализации и бюрократизации управления. О том, насколько далеко зашел этот процесс, можно судить по изменениям принципов мобильности и ее реальным результатам в последующий период. Дореформенное общество эпохи сегуната было статусно ориентированным, тяготевшим к жесткой правовой регламентации социальных структур и предотвращению размывания граней между ними. Данные наблюдения, которые могут быть отнесены к любому обществу с жесткой стратификацией на традиционной основе (напр., к России допетровского времени), весьма

много объясняют в самом процессе перестройки, рационализации управления. Бакуфу очень рано выработало особый кодекс для отделения военно-служивых слоев от остальной массы населения. Данный кодекс представлял собой систему норм, примеров поведения, которым должны были следовать представители элиты, а также закреплял ее привилегии перед остальной частью населения. Правовые регламентации поведения, одежды, уголовных наказаний, ношения (или запрещения носить) оружия, потребления и т.п. способствовали четкому вычленению элиты. Разделение общества проходило на управляющих и управляемых, а правовая регламентация еще более усиливала экономическую и социальную стратификацию, определяя поземельные отношения, уровень потребления и доходов различных стратов.

Рассматривая стратификацию вообще, как «продукт взаимодействия социальной дифференциации и социальной эволюции» (определение Б. Барбера), а не как систему распределения ролей или моделей поведения (что свойственно многим другим определениям), можно попытаться разрешить проблему изменений социальной мобильности в ходе реформ. Подходя таким образом к решению данной проблемы, американский исследователь Б. Зильберман следующим образом определяет факторы социальной мобильности в японском обществе кануна преобразований: это социально-экономическая экспансия, наличие или отсутствие которой ведет к положительной или отрицательной вертикальной мобильности. Указанная экспансия уже с середины XVIII в. позволяла выдвигаться новым людям. Демографические и социально-экономические процессы данного времени непосредственно влияли на правящую элиту, ставя перед ней проблему необходимости обновления состава ее членов. К числу других

факторов, способствующих мобильности, относятся влияние семейного положения (родственные узы), социальных ценностей и норм, стратификационная мотивация при вхождении в элиту; происхождение из определенной области страны, бюрократические нормы рекрутирования (служебная годность, компетентность, выслуга). Все эти параметры необходимо учитывать при изучении мобильности. Поскольку элита нового периода – после «революции Мейдзи» носила в основном административно-политический характер, изучение собственно бюрократических мотивов социальной мобильности приобретает решающее значение, однако оно затруднено из-за отсутствия в переходное время 1868–1887 гг. (до создания министерств и департаментов как системы рекрутирования) единой концепции и механизма мобильности, закрепленных в праве.

Элита, возникшая после 1868 г., как показал Зильберман, была почти полным продолжением традиционной элитной группы, существовавшей до реформы, включая преемственность определенных ценностей и лидерства. Однако переход от традиционного элитного страта в новую политическую элиту отражает зарождение новых условий существования и ценностей данного слоя. Большое число низших самураев, представленных в высших эшелонах гражданской службы реформированного правительства, и их преобладающая роль среди тех, кто достиг высших позиций в новом правительстве за период между 1875 и 1900 гг., ясно свидетельствует о том, что в предшествующее время были заложены основы высокого уровня мобильности и созрели факторы, стимулирующие этот процесс. Среди этих факторов, как отмечает Зильберман, решающую роль сыграли два: нетрадиционное политическое поведение, социальная активность и

западное образование. До 1869 г. никакая вообще деятельность такого рода или западническая ориентация не были институционно приемлемыми. Доказательством важности этих образцов поведения в плане социальной мобильности является тот факт, что большинство самураев низкого происхождения, оказавшихся в новом правительстве, обязательно имели обе или по крайней мере одну из указанных характеристик. Сделанное заключение подтверждается также наличием указанных характеристик почти у всех крупнейших чиновников (министров или их заместителей), достигших этих должностей в период между 1875–1900 гг. Поскольку представители данного типа чиновничества составляли в этот период примерно 75% его общей численности (на высоких постах), а подавляющее число функционеров происходило из низшего самурайства, то можно сделать вывод о том, что нетрадиционная политическая активность и западное образование были теми базовыми характеристиками, которые определяли положительную вертикальную мобильность и в период более ранний – непосредственно после переворота 1868 г.

Направленность основных социальных процессов хорошо прослеживается по структуре элиты в пореформенный период, изменениях в ней. В период 1868–73 гг., по наблюдениям ряда авторов, по существу не было одной элиты: скорее можно говорить о двух элитных группах в структуре элиты. Одну группу составляли представители высшего страта предшествующего периода – высшие самураи, дайме, куге и несколько более низкий слой самураев. Эта группа характеризовалась приверженностью традиционным образцам поведения (конформизмом), неприятием нововведений в этой области.

Вторая группа в правящей элите оформилась после 1873–75 гг. и состояла главным образом из низших самураев, но включала также несколько высших самураев, дайме и куге. Ее характерной чертой являлась склонность к нововведениям, что выражалось, однако, не в радикальном отрицании существующего строя, а в стремлении использовать новые средства для достижения прежних целей. Надо сказать, что эта формула вообще подходит для определения сути позиций модернизирующихся элит разных стран. Следует отметить также, что наличие двух групп – старой аристократии и новой, чиновной бюрократии, весьма типично для периодов административных реформ в разных странах, например, для петровской России, где можно наблюдать конфликт традиционной боярской аристократии и новых дворянских элементов.

Практически во всех странах конфликт двух групп в рамках элиты порождает соперничество между ними, осознанное их лидерами или бессознательное – не имеет значения. До 1873 г. две группы японской правящей верхушки сосуществовали, хотя придерживались различных точек зрения на перспективы развития. В это время сторонники нововведений по западному образцу доказали свою большую подготовленность для руководства модернизацией. Поэтому со стабилизацией и окончательной организацией правительства в 1873 г. преимущество второй (бюрократической) группы стало признанным, а ее представители получили ключевые посты. На первое место выступают теперь не принадлежность к знати и родственные узы с членами императорского дома, а бюрократические факторы элитной мобильности, которыми в Японии, как и в петровской России, признавались деловые способности, знания, профессиональное мастерство, длительность службы (выслуга), ее характер.

В странах Европы рационализация управления проходила раньше, чем на Востоке, осуществлялась в течение длительного времени, постепенно, в результате вытеснения традиционной феодальной аристократии новыми людьми в аппарате управления. Абсолютизм в какой-то мере поощрял эту практику, по крайней мере не препятствовал ей, в результате чего мы можем наблюдать во всех европейских странах такое явление, как бюрократизацию центрального органа власти – королевского совета, средствами чего является политика назначений, продажа должностей, выслуга незнатных чиновников или их выдвижение благодаря редким административным качествам.

В государстве с наиболее традиционной ориентацией – Испании, где длительное время существовали сильные пережитки автономии провинций, сословных корпораций знати и прочие подобные институты, пользующиеся поддержкой духовенства, именно государство в лице королевской бюрократии нашло в себе силы выступить с программой реформ по модернизации общественных и государственных структур в рамках политики просвещенного абсолютизма. Процесс этот не мог возникнуть совершенно на пустом месте, напротив, был подготовлен всей историей централизации и бюрократизации управления. Административная система испанского абсолютизма, уходившая корнями в централизованное государство Фердинанда и Изабеллы, достигла высокого уровня концентрации власти: число совещательных советов, из которых было составлено центральное правительство, – непрерывно возрастало.

Специфической чертой госаппарата испанского абсолютизма была слабость исполнительной власти при советах, некоторая аморфность всей административной структуры, которая лишь отчасти была устранена в хо-

де последующих административных реорганизаций. В связи с этим интересно определить тот социальный слой, который служил непосредственным источником функционеров для государственной машины, характер его социального статуса. Действительно, специфической особенностью рассматриваемой государственной машины являлось то, что в ее практическом функционировании, как отмечает Б. Бенассар, большую роль играл промежуточный между грандами и низшими группами населения слой людей, известных под именем «летрадос» (или «образованные»), которые примерно соответствовали людям мантии во Франции и рекрутировались из лиц с университетским образованием (имеющих диплом), откуда и происходит их название. Политическое значение летрадос подчеркивается тем фактом, что они играли важную роль в различных советах, являясь их председателями и ведущими членами. Как показывают специальные исследования ряда французских историков, представители ученого сословия (главным образом юристы) заседали, напр., в Совете Кастилии, Совете Финансов, Совете Крестовых походов, советах по управлению отдельными областями – Арагоном, Каталонией, Валенсией, Миланом, Неаполем и пр. При Филиппе II власть юристов консолидировалась и институционализировалась. Доктора имели дипломы университетов Саламанки, Вельядолида, Алкала де Хенарес, были освобождены от податей и имели различные другие привилегии. Высокий статус в области образования становился трамплином для быстрой административной карьеры. То была целенаправленная политика государства по созданию специальной административной элиты, формированию ее взглядов и ценностей, профессиональных качеств. Образование могло быть и действительно становилось источником анноблирования. Наследственное дворянство давалось редко и в

основном докторам или тем летрадос, которые занимали высокие посты и многого достигли по службе. В большинстве случаев образование открывало дорогу к пожизненному дворянству.

Большое значение для определения социальной сущности госаппарата абсолютизма имеет вопрос о соотношении в нем традиционной аристократии и новых людей. Несмотря на значение летрадос – испанской «знати мантии», которое было показано выше, говорить об их полном контроле над аппаратом невозможно. Испанская монархия не была меритократией. Роль высшего и среднего дворянства нельзя недооценивать. Дело в том, что между летрадос и знатью не всегда можно провести четкую границу, так как многие образованные люди были представителями дворянства.

Властвующая элита испанского абсолютизма формировалась, как показывает ряд авторов, как смешанная: она включала в себя как представителей аристократических верхов, традиционно занимавших посты в некоторых важнейших советах, так и представителей новой знати, светской и духовной, основным источником которой служили летрадос различных советов и других менее значимых учреждений. Сами учреждения распределяются на две группы в соответствии с тем, какой социальный контингент занимал в них доминирующее положение. Так, аристократия преобладала в Государственном совете, Военном совете, была представлена в советах Индии, Италии, Фландрии, сословий в связи с тем, что вице-короли обычно принадлежали к знатнейшим фамилиям королевства. Летрадос, наоборот, приходили к власти из других советов – Кастилии и Арагона, Инквизиции, Финансов и т.д., которые осуществляли непосредственное управление и в которых, поэтому, сосредоточивалась реальная административная власть.

Обе группы – аристократическая и бюрократическая в рамках правящей элиты не были совершенно замкнутыми: несмотря на серьезные противоречия между ними, существовала устойчивая тенденция к их переплетению и смешению, осуществлявшемуся путем браков представителей обеих групп. Как и в других абсолютистских государствах (напр., в Англии) данная практика вела к «инфляции почестей». Борьба аристократии и бюрократии всегда оканчивалась победой последней, однако в Испании процесс этот шел медленнее, временами аристократическая реакция брала верх и обращала развитие вспять. Сила традиционных отношений была столь велика, что в Испании существовала тенденция к стагнации общества. Одним из проявлений социальной дифференциации был необыкновенно большой разрыв в состояниях представителей различных классов. Бюрократия, не принадлежавшая по рождению к этой категории (аристократии), но проникавшая в ее среду, служила промежуточной прослойкой между различными классами, обеспечивала проникновение буржуазии в дворянскую среду.

В этом отношении нельзя не обратить внимание на такой институт испанского общества, как инквизиция, политические и административные функции которого требовали соответствующего бюрократического аппарата. С течением времени и главным образом с введением новой инструкции 1561 г., вводившей более систематическую организацию, зарождается бюрократическая инквизиция.

Это была, как говорит новейший исследователь проблемы Х. Камен, формальная организация Совета инквизиции, трибуналов и ряда других ведомств, имеющая четкую иерархию, ряд нормативных установлений своего функционирования, контроль над

финансами и исполнением. С ростом власти Великого инквизитора эти функции непрерывно возрастали. В XVI–XVII вв. происходит усиление аппарата инквизиции, а вместе с тем – рост ее влияния на общество, что проявлялось прежде всего в усилении террора, уничтожении интеллигенции, физической и духовной деградации общества.

В этой перспективе важно отметить постоянный процесс дифференциации и отраслевой специализации различных видов административного персонала, прежде всего двух его наиболее типичных ветвей – дворцового ведомства (традиционный тип) и центральных административных институтов (рациональный тип). Если для патриархальной организации власти свойственно смешение обоих видов персонала, то с развитием государственности начинается их размежевание, точнее зарождается специальный чиновничий слой для реализации функций управления, бюрократия в собственном смысле слова. Для испанского абсолютизма с его патриархальными чертами разграничение двух направлений построения аппарата – традиционного и рационального – часто представляет значительные трудности даже для начала нового времени.

Особый интерес в плане бюрократизации представляет развитие Королевского совета в эпоху расцвета испанского абсолютизма. В результате ряда реформ (в частности 1480 г.), большинство мест в нем заняли представители служилого сословия или юристы – летрадос, а аристократия была потеснена. Здесь отчетливо видно проникновение новых бюрократических начал в традиционный институт управления: формально аристократы (герцоги, графы, маркизы, другие представители знати) сохранили членство в Совете, которым они обладали издавна, однако они были лишены голоса,

так что, по словам Альтамиры и Кревеа, «их присутствие стало пустой формой». Реальная власть (право принятия решений) перешла к ординарным членам Совета, которые, оттеснив прежнюю элиту, стали ближе к королю и смогли на практике проводить бюрократические принципы организации административной системы. Действительно, все центральные учреждения – советы эволюционировали в том же направлении, что и Королевский совет, а реальная власть все более сосредотачивалась в руках чиновничества.

Источником бюрократии становился Королевский секретариат, который формируется и развивается в абсолютистских государствах сразу после достижения централизации власти монархом. В Испании, напр., в конце XV в. появляются королевские секретари, должностные лица с вполне определенной компетенцией и функциями, достигавшие подчас заметной роли в управлении благодаря фавору.

Для проверки этой мысли обратимся к материалу исследований о королевских советах и других аналогичных учреждениях ряда стран Европы, которые дают нам весьма сходную картину. При Старом порядке, говорит по этому поводу Дж. Армстронг, существовала, собственно, лишь одна административная элита – знать мантии, признаками которой в разных странах становились единое (как правило – юридическое) образование, средства продвижения по службе (главным образом – выслуга), а сердцевину составляли чиновники королевского совета. В этом отношении можно говорить о единстве и простоте административной элиты абсолютистских государств по сравнению со сходными элитными группами государств последующего времени вплоть до современности, для которых характерны более разнообразные источники комплектования, продвижения и стратификации. Наиболее известными

примерами образования бюрократической элиты являются помимо испанского варианта – английский и французский.

Для Англии эпохи абсолютизма Тюдоров характерны как раз такие административные преобразования, которые были направлены на унификацию, бюрократизацию и централизацию управления, а потому нуждались и в специальном слое чиновничества для их реализации. Значение реформ Т. Кромвеля, по мнению английских исследователей, было очень велико и состояло в реорганизации финансовой системы, госаппарата, местного управления в интересах абсолютистской власти, а также ликвидации патримониальных методов управления. Именно Кромвель, пишет Г. Элтон, создал административную машину Тюдоров и ранних Стюартов, от которой в свою очередь произошел современный кабинет, а важность реформы определялась тем, что ее результатом явилось первое институциональное разграничение Королевского совета, определившее его дальнейшее развитие по пути бюрократизации – замены частных советников короля регулярно функционирующими государственными советниками. Деятельность Кромвеля несомненно способствовала рационализации всего аппарата управления английского абсолютизма.

Т. Кромвель, ставший самым доверенным лицом короля и получивший благодаря этому ведущие посты в государстве вплоть до королевского секретаря, хранителя свитков, вице-регента и пр., сосредоточил в своих руках власть, предпринял проведение преобразований по рационализации и централизации управления. Инструментом этой политики должно было стать новое учреждение – Тайный совет, который был создан между 1534 и 1536 гг.

Кромвель превратил секретариат в ключевое учреждение государства или, точнее, данный орган позволил ему стать важнейшей фигурой в государстве: оба эти аспекта были взаимосвязаны.

Создание нового бюрократического аппарата дало хороший инструмент для проведения реформ в области финансового управления. Реформам подвергалась и местная администрация. Основная цель реформ местного управления состояла в его централизации и унификации, ликвидации различных исключений, старых «свобод» и привилегий отдельным областям и церкви. Таким образом, есть все основания ставить реформы Кромвеля в один ряд с теми, которые в течение более длительного времени и более успешно проводил во Франции Ришелье, преследуя аристократию, гугенотов, местные парламенты, вводя повсеместно унификацию и контроль центральной власти.

О том, что созданный Кромвелем Совет не был случайным учреждением, а представлял собой необходимый институт всякого абсолютистского государства, говорит тот факт, что он возобновил свою деятельность в эпоху расцвета английского абсолютизма – при Елизавете, причем ведал весьма широким кругом вопросов. Как и в Испании, процесс бюрократизации королевского совета осуществлялся в основном через расширение полномочий секретарей, роль которых постоянно росла.

Процесс бюрократизации управления не означал полного вытеснения знати из госаппарата. В отличие от других стран, где знать постепенно уступала свои позиции новым людям, в Англии данные тенденции проявлялись не столь прямолинейно. Точно так же, как в сельском хозяйстве или промышленности, знать, обуржуазившись, оказалась на своем месте, в государственных учреждениях появился большой процент

чиновников дворянского происхождения. Л. Стони, констатируя этот факт в своей книге о кризисе британской аристократии, связывает его с ограниченными возможностями и падением престижа военной службы. К XVI в., пишет он, концепция службы стала в корне меняться. Секуляризация общества и экспансия бюрократического начала создавали все больше возможностей для участия знати в административной жизни. Более того, консерваторы были сильно озабочены перспективой утери дворянством командных высот в обществе, отстаивали необходимость занятия знатью руководящих постов в аппарате управления с тем, чтобы они не доставались людям низкородным, происходящим из более низких социальных слоев. Однако в этой борьбе между аристократией и бюрократией на стороне последней был ряд преимуществ, состоящих в большем прагматизме, ловкости, компетентности, а также наличии уже оформившихся традиций участия в управлении.

Напротив, знать, как бы разрывалась между королевским двором и административной службой. Основной мотив, побуждавший знать находиться при дворе (а не в имениях), как раз и состоял в стремлении к укреплению своего привилегированного положения, поскольку, согласно господствующим воззрениям, служба короне являлась естественной прерогативой и оправданием существования для знати. Однако с течением времени эти традиционалистские воззрения все менее соответствовали действительности: корона не могла обеспечить службой всех, армия была невелика, а госаппарат рос в основном за счет бюрократии низшего уровня. Знать оставалась не у дел, а бюрократия постепенно становилась хозяином.

Бюрократизация государственного аппарата французского абсолютизма, отражая общие тенденции, дает

кроме того классическую модель процесса. Благодаря исследованиям Мунье о Королевском совете и институте продажи должностей мы имеем возможность весьма подробно представить этапы роста бюрократии во Франции. Развитие Королевского совета как высшего учреждения Франции позволяет лучше понять сам механизм функционирования администрации старого порядка. В начале правления Франциска I Великий совет начал подразделяться на ряд самостоятельных учреждений. Возник небольшой правительственный совет, составлявшийся из тех доверенных лиц, которых король считал нужным собирать в каждом конкретном случае: данное учреждение занималось в основном делами, которые могли иметь политические последствия. Это «Тесный совет», «Секретный совет», «Совет по делам», которые существовали в последующие царствования. Но существовал еще другой совет – по делам администрации и судопроизводства. Он ведал в основном вопросами управления, выполнял функции «Частного совета» и включал в себя крупных чиновников.

Процесс бюрократизации не исключал вмешательства в управление личного начала, которое было практически неизбежно в абсолютистском государстве. Характерно, что наряду с работой расширенного совета, имевшего официальный характер, король иногда уединялся с одним или несколькими министрами для решения наиболее деликатных дел, минуя, так сказать, их обсуждение в «Высоком совете». В таких случаях данная встреча именовалась «Секретным советом» или «Кабинетским советом». Весьма информативно обращение к структуре этих учреждений, поскольку она дает представление о процессе бюрократизации в их недрах.

Анализ состава Королевского совета на протяжении длительного времени позволяет проследить в чистом

или «классическом» виде известную закономерность развития бюрократии при переходе от традиционного аппарата к рационализированному, именно – конфликт аристократии и бюрократии, людей шпаги и людей пера. Хотя Совет комплектовался из представителей различных сословий и социальных групп, сам принцип комплектования оставался достаточно стабильным, что является важным условием преемственности развития учреждения и, в то же время – гарантией сопоставимости результатов исследования социальной стратификации данного института для разных эпох. Как указывает Мунье в отношении Совета мы имеем феномен, охватывающий период времени, когда сменилось от шести до девяти поколений, а возможно и больше. К тому времени, когда чиновник определенного рода достигал должности докладчика в Совете или получал другой важный пост в этом учреждении, он чаще всего уже принадлежал к знати и был анноблирован за долгие годы предшествующей службы. Занятие чиновником должности в Королевском совете было чаще всего не только апогеем его карьеры, но и службы всей семьи, всего рода, нескольких поколений. Как правило, это были выходцы из торговой буржуазии, которые выдвигались на должности в госаппарате через финансовое ведомство, а затем – через судебное ведомство, бальяжи и сенешальства, парламенты и другие суверенные органы, попадая наконец на вершину пирамиды – в Королевский совет. В связи с этим встает вопрос о способах рекрутирования должностных лиц в госаппарат, участии в этом общества и государства, короче говоря – проблема социальной мобильности.

Социальная мобильность во Франции, как и в любом другом государстве того времени, была представлена различными вариантами – назначением в силу

знатности рода, за выслугу лет, по протекции или, наоборот, с учетом компетенции и деловых качеств и т.д. Но главное средство мобильности было представлено институтом покупки должностей. С тех пор, отмечает Мунье в специальном исследовании на эту тему, как король сам санкционировал практику продажи должностей, он разделил публичную власть с богачами, оказавшимися способными на их покупку. Возможно, здесь есть известное преувеличение, однако очевидно, что продажа должностей сделала их доступными для новой и весьма широкой категории населения, чье присутствие в аппарате управления не могло не менять его природу. Действительно, чиновники, приобретшие должности за деньги а то и закрепившие их за своей семьей в постоянное (наследственное) владение, получили тем самым возможность влиять на административное управление в регионах и на местах, а также контролировать значительную часть законодательной власти путем интерпретации и применения на практике ордонансов, эдиктов, королевских деклараций и писем, а кроме того – ремонстраций центральным властям для разъяснения или стимулирования определенных решений и постановлений. В результате монархия с королем, который в принципе был абсолютным властителем, оказалась в XVI – первой четверти XVII вв. фактически ограниченной институтом продажи должностей. Хорошо известны меры государства по борьбе с веналитетом. Некоторые исследователи усматривают даже известную связь между этой борьбой и введением интендантов, которые были единственными чиновниками французского абсолютизма, должности которых не покупались за деньги. Данная мера Ришелье была, однако, в значительной степени ширровой победой, поскольку интендантам приходилось руководить чиновниками, купившими свои должности и не

желавшими с ними расставаться. Политика централизации и ограничения продажи должностей, начало которой приписывают кардиналу, была продолжена особенно сильно при Людовике XIV, названного по этой причине Мунье «великим революционером Франции». Он уменьшил число чиновников, покупающих должности, сделав ставку на расширение власти, функций и аппарата интендантов. Усиление налогов и давления на чиновников со стороны королевской власти вело к тому, что минусы покупки должностей начали перевешивать плюсы. Результатом стало падение интереса буржуазии к возможности приобретения должностей и во второй половине царствования Людовика XIV многие старые (традиционные) должности оставались вакантными, не найдя покупателей. Указанный процесс затронул и парламенты, где во второй половине XVIII в. стал ощущаться «кризис рекрутирования», т.е. трудности с пополнением штатов чиновников. Все эти факты, число которых можно увеличить, являются, по мнению специалистов (Мунье), важным признаком изменения социальной основы режима. Они оцениваются как «революция, разорвавшая связи, которые существовали между королевской властью и буржуазией». В перспективе данный процесс увеличивал пропасть между обеспеченными слоями населения, роль которых в обществе непрерывно возрастала, и монархической властью, вело к изоляции последней.

Говоря о бюрократизации государственного аппарата французского абсолютизма, необходимо отметить такую важную специфическую особенность данного процесса во Франции, как то, что он проходил исключительно на традиционной основе и традиционными методами, иначе говоря, не может быть оценен как радикальный разрыв преемственности. На эту сторону

дела редко обращают внимание французские исследователи, которым данный ход событий представляется по-видимому естественным. Однако специфические черты лучше выступают при сравнительном подходе.

С этой точки зрения представляются весьма интересными выводы современной французской историографии, высказанные в ходе обсуждения проблем кризиса абсолютизма в связи с юбилеем французской революции: кризис абсолютизма с чисто административной точки зрения, считает ряд ученых, был в эпоху революции ничуть не более острым, чем, скажем, при Людовике XIV. Однако он вел к распаду всей политической системы потому, что проходил в совершенно новых социальных условиях. Попытки преодоления кризиса традиционными бюрократическими средствами (административными реформами) уже не могли изменить положения.

Бюрократизация государственного управления Пруссии представляет весьма интересный феномен с точки зрения соотношения администрации, армии, полиции и бюрократии, составлявших костяк всей системы. Возникнув как династическое государство традиционного типа, прусское государство сочетало все признаки подобной административной системы – милитаризм, бюрократизм, жесткую централизацию управления. Не случайно основными функциями бюрократического аппарата и его важнейшими ведомствами являлись с самого начала – военное и финансовое. С развитием абсолютизма указанные тенденции продолжали набирать силу, причем важнейшим инструментом управления стала так называемая «новая бюрократия». Основная цель бюрократизации управления в Пруссии, как и в других странах, состояла в стремлении к централизации, вызванном необходимостью мобилизации ресурсов в условиях модернизации и

войны. Средством служили реформы традиционных институтов и учреждений, увеличение численности и качественного состава чиновничества. Решающие изменения всей административной системы в направлении рационализации были сделаны в ходе реформ Фридриха Вильгельма. Он реорганизовал всю структуру исполнительной власти на центральном, губернском и местном уровнях управления. С точки зрения развития бюрократии важно отметить такие последствия этих реформ, как большую отраслевую и функциональную дифференциацию управления, что нашло выражение в установлении иерархии учреждений, институционализации бюрократии. Можно констатировать, что смысл реформ как раз и состоял в систематизации вертикальной и горизонтальной структур аппарата управления с целью повышения его оперативности, эффективности, ответственности или, вообще говоря – рационализации учреждений и бюрократии.

В результате возникла весьма четкая система подчинения от министров, входящих в состав высшего коллегиального учреждения – Центральной дирекции, до комиссаров на местах, ведавших, подобно французским интендантам, главным образом сбором налогов и выполнением повинностей.

Прусский абсолютизм и его государственность представляли собой, по мнению специалистов, компромисс между различными социальными силами – юнкерской аристократией и бюрократией нового типа. Этот дуализм его социальной природы проявлялся практически на всех уровнях административной лестницы и отражался в таких институтах, как армия, центральная и местная администрация, собственно бюрократическая элита.

Наиболее мощной силой было юнкерство, которое оказывалось способно выступать в качестве оппозиции правительству в центре и особенно – на местах, где они имели свои органы сословного представительства, ландраты, крайстаги и др. Кроме того, юнкерская аристократия традиционно была ведущей силой в мире, а, следовательно, и в государстве вообще в силу его милитаризации.

Специалисты констатируют низкий уровень мобильности среди прусского офицерства и чиновничества, в отличие, скажем, от английских, заметное превосходство военных чинов над гражданскими.

В центральном и местном аппарате управления юнкерство, а точнее старое чиновничество аристократического происхождения было носителем традиции и патриархальных методов административной практики. Социальное происхождение определяло поведение и психологию этой группы чиновничества, распространение в ее среде патронажа, местничества, вообще представлений родовитой знати. Все названные особенности делали рассматриваемый аристократический слой в аппарате управления весьма замкнутым и консервативным, враждебно относящимся к переменам в направлении модернизации и рационализации аппарата, которые могли бы подорвать его положение. В то же время, те факторы, которые способствовали консолидации и обособлению аристократии в госаппарате, действовали и в другом направлении, ведя к ее разобщению и дезинтеграции. Старая гвардия была не столь единой, как может показаться: она была разбита на отдельные группы и кланы, которые возглавлялись их наиболее родовитыми представителями, в лице которых, как правило, осуществлялось слияние знатности, богатства и административной власти. Относительно их социальных и политических позиций можно

сказать, что в целом они были не довольны административными реформами, считая их опасными либеральными авантюрами, а поскольку могли влиять на принятие решений, тормозили процесс обновления. Высокий социальный престиж и традиции уважения к знати делали их влиятельными фигурами в глазах общественного мнения и самой бюрократии. Сказанным во многом объясняется живучесть традиционных порядков в Пруссии, где, как и в России, уже значительное время спустя после реформ, наблюдались многочисленные случаи местнических споров, конфликтов между старой и новой системами чиновного деления, продвижения по службе, рекрутирования в аппарат управления и т.д.

Однако с течением времени несоответствие между традиционной (патриархальной) и новой (рациональной) организациями возрастало. Оно приобретало форму противоречия между социальной (старой) и политической (новой) стратификациями. Первая существовала издавна, вторая сознательно вводилась государством. При этом суть конфликта отражала переориентацию абсолютизма от опоры на аристократию к опоре на бюрократию, что соответствовало переломной эпохе трансформации династического или патримониального типа государственности в новый – абсолютистский, публичный, регулярный. Конфликт, предшествовавший появлению регулярного государства, отражал противоречия знати и бюрократии и разрешился (как и везде) победой последней. Однако знать сохранила сильные позиции как в госаппарате, так и в армии, где она, как мы видели, удерживала их гораздо дольше.

Стремление к рационализации аппарата управления нашло выражение в создании новых учреждений, но главное – внедрении в аппарат принципов социальной

мобильности, основанных на признании деловых качеств, профессионализма, достоинств каждого индивидуального чиновника. Иначе говоря, были заложены основы того, что в разных странах получило наименование меритократии. Однако от провозглашения определенных идей до их практической реализации существовала большая дистанция. Так, принцип продвижения служащих по их достоинству (или «открытие карьеры для таланта»), выдвигавшийся как антитеза старого местнического принципа продвижения по знатности, на практике дал нечто третье – выдвижение по родству или на основании протекции. Однако и в таком виде новый порядок организации социальной мобильности означал шаг вперед, ибо вел к известной (на первых порах чисто формальной) рационализации администрации.

Введение новой – коллегиальной структуры аппарата управления вело к рационализации и большей эффективности самой бюрократии, разрушая традиционные установления и процедуры, вводя на их место единую систему совещательности и централизма при решении вопросов. Известно, что важнейшими признаками рациональной бюрократии является ее функциональная специализация, с одной стороны, и иерархическая (чиновная) структура с другой. Эти признаки мы находим у прусских чиновников после проведения административных реформ Фридриха Вильгельма. Согласно мнению специалистов, изучавших коллегиальную систему в разных странах, решение дел большинством голосов усиливало солидарность групп аппарата управления: они были объединены общей ответственностью, дисциплиной и контролем. Явления дисфункции могли возникать главным образом из-за столкновения различных групп, имеющих полярные интересы, а также из-за противостояния группы индивиду, который по тем или иным

причинам выступал аномалией в общем ряду, разделяя воззрения, не совпадающие с теми, которые разделяло большинство членов группы, и т.д. Усиливая солидарность групп чиновничества, коллегиальная система в то же время нивелировала все особенности и инициативу отдельных чиновников, предохраняя от острых внутренних конфликтов, она тормозила выдвижение наиболее способных администраторов. Кроме того, абсолютизм сознательно внедрял в рамках этой организации начала недоверия, подозрительности и взаимного контроля, что вполне соответствовало идеалу полицейского государства, модель которого как раз и была создана в Пруссии и Австро-Венгрии. Можно отметить также, что введение коллегиальной (как и всякой другой рационализированной) администрации вело к бюрократизации общества, отделению бюрократии в особый социальный слой и отделению элиты от бюрократии, высокой степени социальной и политической стратификации на всех уровнях административной пирамиды.

Таким образом, в ходе административных реформ положение бюрократии как особого слоя общества также претерпело существенные изменения. Старый порядок деления по социальным группам противоречил новому подразделению по профессиональным рангам и титулам. В результате исторического синтеза возникла новая бюрократия, совмещавшая в себе черты традиционной и рациональной организации. От первой она заимствовала уважение к социальному происхождению, знатности и богатству, от второй — принципы и методы административной системы, рекрутирования и продвижения чиновников по службе. Возникла бюрократическая элита, в состав которой входили как представители аристократии, так и новой бюрократии, отражавшая сложившийся правящий

класс. Как отмечают специалисты, прусский правящий класс имел различные источники комплектования – независимую земельную знать, полунезависимую прослойку прежней чиновничьей иерархии, офицерство, новую бюрократию, которые в конфликте между собой, путем соперничества и при поддержке монархической власти, стремились продвинуть своих представителей в бюрократию или даже в административно-политическую элиту государства. В таких условиях собственно бюрократия, а точнее ее исполнительный слой, вынуждены были вести напряженную борьбу с другими социальными элементами правящей верхушки за собственное признание. Если чисто юридически эта бюрократия не имела доступа к власти, то на практике именно она, в силу своего места в управлении и технических функций, оказывалась решающим механизмом административной системы империи. Как раз в новой бюрократии воплощался основной принцип полицейского государства эпохи просвещенного абсолютизма – соблюдение государственной пользы с помощью исполнительных административных служб, чиновничества.

Можно отметить переплетение и взаимное проникновение армии и государственной службы. При Фридрихе Вильгельме и Фридрихе II многие должности гражданской администрации занимали военные, престиж которых был несравненно выше, нежели юристов и вообще чиновников. Преимущества военных в глазах абсолютизма состояли в большей дисциплине, непосредственном характере подчинения по иерархической лестнице, а совмещение в их руках военных и гражданских функций упрощало контроль исполнения и отчетность. Назначение офицеров председателями различных комиссий или главными действующими лицами в учреждениях гражданской администрации

вело также к психологической мобилизации, жесткости субординации, появлению того, что принято считать «прусским духом» – казарменных порядков и процедур управления, основанных исключительно на выполнении приказов вышестоящих чиновников при исключении всякой возможной инициативы снизу. Методичность и регулярность организации военного образца сочеталась при этом с традиционной бюрократической рутинной.

Тот факт, что в развитии прусской бюрократии мы имеем не исключение, а лишь наиболее законченное выражение ряда общих тенденций бюрократии ряда европейских стран, доказывается при обращении к Австрийской монархии или России. В первом случае мы можем наблюдать даже стремление учесть результаты реформ в Пруссии, оказавшиеся опасными для империи Габсбургов в военном отношении. Действительно, это государство, будучи весьма аморфно по своей природе, достигло достаточной степени административной централизации лишь в XVIII в., в эпоху просвещенного абсолютизма Марии Терезии и Иосифа II. Поэтому реформы бюрократии проходили здесь значительно позднее, уже в XIX в., опираясь на опыт других стран. Как показал в своей специальной работе на эту тему К. Мегнер, веберовская модель рационализации управления вполне работает на австро-венгерском материале рассматриваемого времени.

Новые принципы организации чиновного деления по рангам стали вводиться в начале XIX в. во многих странах: в Пруссии в 1817 г., Баварии – 1805 г., Заксене – 1818 г., Вюртемберге – 1821 г., Бадене – 1808 г. и Гессен-Касселе – в 1817 г. Данный процесс выражал усилия правительств по созданию более систематизированной, унифицированной и иерархизированной бюрократии.

Социальное положение бюрократии в Австро-Венгрии получило специальное юридическое оформление и закрепление. С этой точки зрения особенно важен такой правовой акт, как закон 15 апреля 1873 г., который действовал до 1914 г. Закон этот представлял собой, как показывает Мегнер, компромисс ряда политических институтов между собой: бюрократических кругов; межминистерской комиссии (она лишь условно может рассматриваться как самостоятельное учреждение), правительства и парламента. С целью проведения реформы, а также рассмотрения и обсуждения различных предложений была создана особая межминистерская комиссия, в задачу которой входила ревизия и пересмотр государственных должностей и их окончательное распределение по II новым рангам в соответствии с важностью выполняемых служебных функций. Получив законодательное оформление и закрепление, данная реформа была проведена административно. Весьма примечательна история создания законодательного акта. Для молодого австро-венгерского конституционализма важно было пропустить закон через парламент, а не предоставлять решение всех проблем короне. Вопрос о характере обсуждения и принятия закона имел принципиальный характер, поскольку дело шло о проверке на практике значения представительных учреждений в столкновении с исполнительной властью. В то время, как правительственные круги считали вопрос о реорганизации административной службы своим внутренним делом, либералы отстаивали необходимость парламентского решения вопроса, говоря, что он затрагивает интересы общества и его существенной части в лице чиновничества. Принятие закона явилось победой парламентских сил, создав своеобразный прецедент и явившись важным вкладом в разработку Основных законов, откуда и

произошло его название. Отметим, что такое развитие событий подчеркивает важность рационализации бюрократической системы на новом этапе ее развития – при переходе от абсолютистского государства к парламентскому.

Переход к государственности нового времени предполагал региональную организацию бюрократии, переход служебно-иерархической системы в регулируемую правом систему администрации. Создание такой системы включало в себя различные параметры – уравнивание возможностей при несении службы в различных регионах, отраслях управления, ведомств, предоставление равных прав при продвижении по службе в соответствии с установленными критериями, установление определенного соответствия (хотя и не прямого) между рангами и жалованием, проведение более четкой стратификации чиновников по уровням управления и в соответствии с профессиональной специализацией. Экономическое положение чиновничества, как явствует из сводных данных об их окладах, колебалось в зависимости от класса, а также от места службы – в столице государства (Вене), столицах отдельных земель или на местах. Колебания между высшими, средними и низшими окладами были значительны.

Австро-венгерская система подразделения чиновников по II рангам сохранялась до конца монархии и являлась важнейшим элементом вертикальной организации социально-служебной иерархии бюрократии. Система эта, впрочем, во многом следовала за системой военного чиновного подразделения и чиновничьего производства, что вызвало ее критику около 1900 г. Во всяком случае система дала стабильную организацию и обеспечила порядок в административной службе, во многом заложила основы ее современной организации (вплоть до настоящего времени). Совершенствование

данной системы проводилось в последующее время главным образом за счет прибавок к жалованию, учета выслуги лет, пенсионного обеспечения и т.д., то есть в направлении создания специального механизма функционирования, продвижения и социального страхования бюрократии. Будучи привилегированным слоем общества, бюрократия в то же время должна была эволюционировать в направлении рациональней организации, преодолевая тем самым свою кастовость, сословную ограниченность и заскорузлость.

Важной особенностью австро-венгерской бюрократии, как прусской или русской, являлась ее тесная связь с армией, милитаризация управления, которая имела своей основой полицейский характер государственности. Несмотря на перестройку многих институтов в 1849 г. и, в частности, отмену непосредственного участия военных в управлении, командные методы управления (приказы старших по званию) сохраняли свое существование на всем протяжении существования монархического режима. Это подтверждается параллельным изучением и сравнением таких черт управления в армии и госаппарате, как дисциплина и контроль; компетентность и иерархия; служба как профессия, соответствующая подготовка и техника выполнения обязанностей, материальное содержание и карьера, служебная этика и некоторые другие.

Складывание рационально организованной бюрократии в странах Европы нового времени и бюрократия в современном смысле слова порождали особый тип поведения, психологии, ценностей. С этой точки зрения вполне оправданно обращение многих исследователей к изучению данных явлений в художественной литературе и публицистике рассматриваемого времени, прежде всего, сочинениям Бальзака, Гоголя, Кафки и других, создавших классические образы

чиновников. Реконструкция психологии бюрократии прошлого, рассмотрение образа жизни, представлений и ценностей чиновничества проводится в контексте административной истории ряда стран. При этом выделяется, как правило, три аспекта наблюдения: собственно административный аппарат, поведение индивида вообще и чиновника, в частности, в нем, наконец, психические переживания, настроения, идеи, возникающие у него из-за соприкосновения с миром формальных организаций и официальных отношений. Примером такого обращения к административной истории является ряд исследований Г. Тюилье под общим заглавием «Бюрократия и бюрократы во Франции в XIX в.», в основе которых часто лежат литературные источники или пресса. Примечательно рассмотрение в данном контексте творчества и переписки Ги де Мопассана в период его службы в министерстве. В своих письмах родным и своему учителю Флоберу писатель сообщает о характере своей службы, отношениях с начальством, работе и тех чувствах, которые она у него вызывала. Особенно много было им взято для критики министерских порядков: деспотизм начальства, игнорирование жизни, моральный упадок и деградация служащих. Мы начинаем лучше понимать инфраструктуру бюрократии, когда видим яркие примеры продвижения по службе, систему рекомендательных писем, значение неформальных связей и т.п. Сходные наблюдения получаем при обращении к деятельности таких высших администраторов и чиновников, как Поль Клодель, Поль Валери, Ш. Ренувье и др.

Одним из признаков развития самосознания бюрократии, как показал Тюилье, стало появление особой административной прессы, то есть изданий, в которых освещались вопросы организации, перестройки госаппарата, находили освещение вопросы, интересующие

чиновничество, а позднее – профсоюзные интересы функционеров. Подобные издания являлись признаком развития гражданской службы, поскольку в них специально обсуждались вопросы ее теории и практики, освещались способы повышения эффективности и т.д. Указанное направление исследований весьма важно, так как позволяет представить процесс консолидации бюрократии с точки зрения ее самосознания, превращение чиновничества из «класса в себе» в класс «для себя».

Таким образом, социология конфликта открывает перспективный путь исследования тенденций развития социальных процессов в истории и современности. Она позволяет, в частности, увидеть в объективных противоречиях источник и движущую силу изменений социальной структуры, причину появления на исторической арене новых социальных слоев, институтов и политических групп. Анализ конфликта традиционных и рациональных начал в управлении с этой точки зрения позволяет, как было показано, во многом объяснить становление одной из принципиальных сил современного общества – бюрократии нового типа.

ГЛАВА 3. МЕХАНИЗМ ВЛАСТИ

§ 1. Власть – ключевое понятие политической социологии, традиционный предмет исследований политологии. Наиболее часто в современной науке она определяется как такое подразделение отношений между социальными образованиями, при которой поведение одного или более образований при определенных условиях зависит от поведения других образований. Попытки определить сущность власти и, в частности, политической власти предпринимались в науке неоднократно со времен Аристотеля и Платона. Большой вклад в разрешение этой проблемы внесли такие мыслители, как Макиавелли, Гоббс, Монтескье, политические мыслители нового времени. Однако практически для всех этих ученых было характерно обращение не к самой власти, а к отдельным ее внешним проявлениям, с помощью которых они и стремились определить изучаемый феномен. Среди таких внешних критериев, по которым проводилась классификация типов и форм правления, выделялись, как правило, способ организации правления, интенсивность его воздействия на общество и индивида, направленность деятельности правителей, их искусство и т.д. С течением времени, однако, все более очевидной становилась невозможность определения власти исходя, так сказать, из нее самой, безотносительно к организации общества в целом. Осознание этой истины является важнейшим итогом развития политической мысли нового времени и прежде всего XIX в., когда на первое место выходит уже изучение отношения общества и государства, анализ власти как результата взаимодействия различных социальных течений. Поворотным пунктом в этом отношении служит, несомненно, философия права Гегеля, исходившего из необходимости расчленения

гражданского общества и государства, их диалектического взаимодействия в ходе истории. Отсюда был только один шаг к теории Маркса, интерпретировавшего политическую власть как продукт непримиримости социальных противоречий, результат и проявление классовой борьбы. В новейшей социологии особенно большое распространение получила социология власти М. Вебера, согласно которому она может быть определена как возможность для того или иного социального деятеля проводить свою волю в обществе, несмотря на оказываемое сопротивление. Важным преимуществом веберовского определения признается тот факт, что в нем, в отличие от всех предшествующих дефиниций, интерпретация власти свободна от каких-либо оценочных суждений о ней и является предельно формализованной, что дает возможность применять ее к объяснению социальных процессов и явлений самого различного уровня (напр., говорить о власти в государстве, на предприятии, в семье и т.д.). Такой подход, в свою очередь, позволяет осуществлять типологию отношений власти по различным уровням и критериям ее функционирования в обществе. Наиболее распространенными из них в современной социологии являются – легитимность (способ обеспечения консенсуса между властью и обществом, узаконивания власти в глазах общества), природа используемых властью санкций – позитивных или негативных (награды или кары), степень интенсивности санкций (от применения насилия до почти полного отсутствия санкций), а также средства или каналы коммуникаций, которые власть использует для проведения своих решений в жизнь. Указывают также на такие критерии, как роль власти в распределении экономических ресурсов, различную мотивацию поведения, а также – источники функционирования и достижения определенных целей. Исходя

из этого, проводится многофакторное определение различных носителей власти. Так, государство по Веберу, определяется как принудительная политическая ассоциация, административный штат которой успешно реализует свою монополию на легитимное использование физической силы для проведения своих указаний.

Веберовская социология власти оказала весьма значительное влияние на ее интерпретацию в новейшей социологии в рамках структурно-функционального подхода. Смысл данного подхода состоит в том, чтобы поставить власть в контекст более крупной социальной системы, каковой является общество в целом, попытаться на этой основе дать собственно социологическую, а не политологическую модель власти. В результате появляется возможность использовать те концептуальные схемы, которые разработаны в политической экономии, теории систем, игр, для анализа политических явлений. Исходя из интерпретации власти в контексте теории систем, такие ученые как Парсонс и Истон разработали соответствующую концепцию власти, попытались раскрыть механизм ее функционирования путем анализа инфраструктуры системы власти – характера получения ею информации из внешнего мира, способов ее переработки и, наконец, выдачи решение. Было продемонстрировано, в частности, что от степени гибкости данной системы (развития горизонтальных: и вертикальных каналов коммуникаций) зависит оперативность этих процессов, а в конечном счете эффективность действия системы в целом. С точки зрения системного анализа власти важной проблемой являются критерии распределения и перераспределения власти. Ими становятся, как правило, социальная стратификация вообще и иерархия власти, в частности, подразделение в соответствии с

выполняемыми функциями и компетенцией. На этой основе становится возможным применение теории социального действия Парсонса для интерпретации отношений власти. Согласно данной теории место индивида, группы или института в социальной иерархии, с одной стороны, и выполняемые ими функции – с другой, определяют их поведенческие установки, ориентиры и цели деятельности в обществе, а фактически предопределяют их роль в обществе. Изучение ролей и их изменения в процессе развития данной политической системы позволяет, далее, раскрыть процесс принятия решений, т.е. понять механизм функционирования власти в данном обществе. В связи с этим может быть лучше понята дискуссия в западной социологии по такой проблеме, как рассмотрение власти в рамках «феномена нулевой суммы». Известно, что для классической теории систем характерно выведение их существования из неравномерного характера распределения энергии. Всякая система существует постольку, поскольку она аккумулирует определенную энергию, имеет соответствующий энергетический потенциал, является открытой или закрытой в соответствии с тем, имеет ли она обмен энергии с внешним миром (энтропия) или нет. Исходя из этого, отношения внутри системы во многом определяются характером распределения данной энергии между структурными подразделениями. Система существует до тех пор, пока ей удастся регулировать свой энергетический баланс. Борьба за власть в политической системе выполняет для нее как раз эту роль регулирующего механизма. Все дело, однако, заключается в том, какой характер имеет распределение энергии, ресурсов и, наконец, самой власти внутри политической системы. Если общая величина энергетического потенциала системы ограничена определенной арифметической

суммой, то ее распределение возможно лишь как временное увеличение на одном полюсе и уменьшение на другом. Баланс сил возможен лишь при такой ситуации, когда их энергетический потенциал равен между собой и в сумме дает ноль. Всякое усиление одной из сил возможно лишь за счет ослабления других и ведет к дисбалансу системы. В этом случае борьба за власть всегда носит антагонистический характер, поскольку направлена в принципе на ликвидацию потенциально-го оппонента. Возможна, однако, и другая интерпретация отношений власти, основанная на представлении о ней как постоянно изменяющемся энергетическом потенциале, при котором усиление одного из полюсов вовсе не означает автоматического ослабления другого. Система властных отношений, согласно большинству современных ученых, не представляет собой явления «нулевого феномена», а противоречия внутри нее не имеют антагонистического характера, разрешаясь во многом за счет увеличения гибкости системы, ее энергетического потенциала. Плюралистическое общество, поэтому, имеет ряд существенных преимуществ перед закрытым, тоталитарным обществом, где борьба за власть приближается к модели «нулевого феномена».

Системный подход к обществу и власти нашел выражение в особой модели его интерпретации – «центр/периферия». Специфика указанной модели состоит в том, что она использует теорию систем несколько по-другому, чем предшествующие модели, обращая основное внимание на развитие системы, а не на ее статическое положение. В соответствии с этим источником развития системы предстает противоречие центра (под которым понимается принцип порядка, единства и связности, без которых немыслимо существование ни одной организованной системы) и периферии (объединяющей деструктивные элементы,

стремящиеся к выходу из-под контроля центра и потому тяготеющие к границам системы). Диалектика этих двух начал, одно из которых цементирует систему, а другое, наоборот, ведет к ее деформации, составляет основную движущую силу изменений и модификаций как всей системы, так и важнейших ее структурных компонентов. Данная модель, по мнению ряда авторов, может служить основой для создания нового категориального аппарата и в политических науках. С ее помощью можно лучше объяснить такие явления, как, напр., процесс политической централизации, который состоит в навязывании центром воли периферии, или, наоборот, распада политических образований, когда в результате ослабления центра происходит усиление самостоятельности окраин, а кроме того – функционирования системы международных отношений, которые, при всей своей специфике, имплицитно содержат в себе процессы интеграции и дезинтеграции. Кроме того, диалектика центра/периферии оказывает самое непосредственное воздействие на вертикальную структуру общества, в частности – отношения господства и подчинения.

Системный подход к общественным образованиям позволяет подразделить их на две большие группы – закрытые (лишенные контактов с внешним миром) и открытые (имеющие такие контакты). Примером первого типа является тоталитарное государство новейшего времени. Для государств такого типа наиболее характерно (как и показывает их название) стремление к полному (или тотальному) контролю над всеми частями системы и над индивидами. Управление в таких системах осуществляется непосредственно из центра за счет полного подавления центробежных тенденций, для чего используются различные средства, главным из которых служит насилие. Примером второго типа систем

являются плюралистические общества современности, для которых свойственен широкий обмен информацией как внутри, так и вне государства. Таким образом, если первая модель (репрессивная) имеет тенденцию к склерозу и может быть интерпретирована как своеобразная плата за быструю мобилизацию ресурсов в какой-либо экстремальной ситуации, то вторая (интегративная) тяготеет к более динамичному развитию путем постоянного внутреннего совершенствования под влиянием внешней необходимости. Из этого следует, что постоянное балансирование общества между централизацией (тотализацией контроля) и децентрализацией (разделением и, следовательно, ослаблением контроля) ведет к возможности появления двух принципиально различных систем – тоталитарной и демократической, которые постоянно сосуществовали в истории человечества и нашли классическое выражение в XX в.

Различие принципов организации социальной системы проявляется в ходе таких универсальных процессов, как унификация, рационализация, бюрократизация общества, отражается в функционировании основных социальных институтов и структур, собственно – политической власти, роль которой вообще неизмеримо возрастает в тоталитарном государстве, ибо она является безраздельным хозяином положения во всех сферах жизни и деятельности общества.

Тот факт, что основное различие между двумя системами – тоталитарной и демократической – проходит по линии самого механизма управления, заставляет исследователей уделять данной проблеме особенно пристальное внимание. Действительно, для тоталитарного общества основным (и единственным) средством социального регулирования является государственный контроль, который может осуществляться только сверху

вниз. Наоборот, для плюралистического общества характерно многообразие источников контроля, взаимное сосуществование которых обеспечивает отсутствие монополии на контроль. В связи с этим совершенно неоднозначно в обоих типах общества положение бюрократии как слоя, непосредственно осуществляющего управление и контроль. В тоталитарном обществе бюрократия всесильна и часто представляет собой фактически единственную привилегированную группу («новый класс»). В демократическом обществе бюрократия, при всем ее могуществе, находится под несравненно большим социальным контролем.

Изучение механизма власти с точки зрения системного подхода к ней приводит исследователей к необходимости специального обращения к данному социальному слою, обеспечивающему функционирование всей общественной системы и управление ею. Источником необыкновенного консерватизма бюрократии является ее объективное место в социальной структуре, предопределяющее направление деятельности данного слоя. Будучи привилегированным социальным слоем, заинтересованным в сохранении своего положения, бюрократия предназначена для выполнения своего служебного долга, причем с гарантией от каких-либо внешних воздействий на нее. Главным достоинством бюрократии в глазах общества и государства служит поэтому ее техническая эффективность, а именно – точность и скорость выполнения заданий, высокий уровень экспертного контроля, оптимальность ответов на запросы, постоянство и отдача. Данные качества сознательно закрепляются в структуре бюрократии, благодаря которой достигается полное (в идеале) элиминирование личностных отношений и нерациональных проявлений чувств работающих индивидов (как ярость, волнение, печаль и т.д.), за счет чего

достигается унификация процедур принятия и контроля управленческих решений. В самой общей форме бюрократия может быть определена как отношение между законно установленными властями и подчиненными им институтами, которое (отношение) характеризуется определенными правами и обязанностями, предписываемыми в письменных нормативных актах, властными отношениями между инстанциями, которые действуют на постоянной основе, назначением и продвижением по службе, основанными на договорных соглашениях или регулируемым соответствующим образом, технической тренированностью или опытом в качестве формального условия для осуществления службы, фиксированным денежным жалованием, четким разделением должности и права собственности на нее со стороны чиновника и, наконец, превращением административной работы в постоянную деятельность.

Как показал Вебер, рационально организованная бюрократия предполагает четкое разделение функций и связанных с ними действий, которые начинают рассматриваться как служебные обязанности. Система дифференцированного контроля и санкций фиксируется в особых правилах и предписаниях. Распределение должностей (места в социальной стратификации административной системы) проводится с помощью формализованных и деперсонифицированных процедур. В рамках самой иерархически организованной структуры власти деятельность чиновников – хорошо обученных и оплачиваемых экспертов по управлению, организована в соответствии с определенными правилами, которые устраняют необходимость появления специальных указаний для каждого частного случая.. Нормативный характер инструкций требует постоянного использования обобщенных понятий и абстракт-

ных терминов, в которых индивидуальные случаи классифицированы и сгруппированы таким образом, что все они могут быть решены, исходя из каких-либо общих правил. Одной из важнейших мер по повышению гибкости административного аппарата становится в новое время выбор высших представителей администрации. Однако это решит проблему лишь отчасти, поскольку техническая работа по выполнению принятых решений остается в руках постоянно действующей (а не выбранной) бюрократии. С точки зрения бюрократической организации настоящим чиновником является тот, кто был назначен на эту должность, но не выбран на нее. Организованная таким образом административная служба является важнейшим инструментом рационализации общественных отношений и, одновременно, ее результатом. В новейшее время бюрократия играет активную роль в проведении планируемых социальных изменений.

Следует, однако, обратить внимание и на другую сторону деятельности бюрократии, определяемую как «дисфункция».

Процесс возникновения дисфункции в бюрократической администрации, изученный Мертоном, реконструируется следующим образом. Как было показано, эффективная бюрократия требует надежности и полной преданности инструкциям. Такая преданность правилам приводит к их превращению в абсолют, когда они перестают рассматриваться как нормы, относящиеся лишь к отдельным целям. Создатели подобных общих правил часто не учитывают меняющиеся условия, в которых они будут применяться. В результате те самые элементы, которые призваны повысить эффективность системы, в конечном счете делают ее неэффективной. Явление дисфункции состоит в превращении прежних достоинств функционирования

структуры или индивида в свою противоположность. Более того, те способности, благодаря которым ранее можно было достичь большей эффективности, в новых условиях могут оказаться едва ли не тормозом. Поэтому недостаточная гибкость в привлечении новых специалистов может, при изменении среды, иметь своим результатом серьезный дисбаланс всей системы. В этих условиях, как отмечал Мертон, все выделенные Вебером свойства бюрократии – рациональность, эффективность, компетентность – превращаются в свою противоположность и становятся тормозом рационализации или ведут к другим (ранее не предусмотренным) последствиям. В качестве примера может служить организация дисциплины в управленческом аппарате. Дисциплина, которая интерпретируется как соответствие деятельности чиновников правилам, становится постоянным (а не временным) принципом действия администрации. С течением времени она, однако, превращается из меры по рационализации управления в чисто формальный, практически – ритуальный институт. В результате возникает стремление перенести реальную работу по достижению определенных целей в чисто технические процедуры чиновничьего характера. Двойственная природа бюрократии, способной быть как инструментом социальных преобразований, так и их тормозом, особенно четко проявляется в верхних эшелонах власти, непосредственно принимающих стратегические решения, точнее – в элите.

Говоря о механизме власти, обычно имеют в виду прежде всего ее функционирование, действие, предполагающее определенный характер отношений общества и власти. Это взаимоотношение зависит от многих факторов – экономических, социальных и в особенности политических, определяя способ организации правящего меньшинства – властвующей элиты. Как

полагали основатели теории: элиты, Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс и русский ученый М. Острогорский, с точки зрения управления, общество может быть подразделено на два основных слоя – управляемое большинство и управляющее меньшинство, отношения между которыми в ходе истории составляют стержень политической социологии. При всем различии взглядов данных ученых и их последователей на проблему, в результате длительных споров в современной социологии большинством ученых принят тезис о существовании особого «политического класса», «правлящей элиты» или просто элиты во всяком обществе с древности до настоящего времени. Этот слой состоит из людей, занимающих командные политические посты или, более широкое определение, – из тех, кто имеет возможность оказывать непосредственное влияние на принятие политических решений. Данный слой постоянно воспроизводит себя за счет включения представителей более низкого страта, других социальных групп и элементов, а в случае свержения в результате революции или переворота – заменяется другим, составлявшим прежде контр-элилу. Указанная тенденция прослеживается на протяжении всей истории человечества, которая, по словам Парето, может быть интерпретирована как «кладбище элит». Стремление элитных групп приспособиться к меняющимся социальным условиям получило название «циркуляции элит». Наконец, неизбежный характер образования новой элиты в случае свержения старой получил (у Михельса) название «железного закона олигархии». Современная социология внесла большой вклад в конкретное изучение самых различных элитных групп, известных в истории и современности. В качестве примера таких исследований можно указать на труды Р. Арона, Р. Миллза и Т. Боттомора. Предметом

обсуждения в них стали вопросы о месте элит в различных политических системах, роль элит в демократическом и тоталитарном обществе, вообще проблема соотношения демократии и формирования привилегированных слоев, наконец, значение элит в ходе социальных преобразований. Можно констатировать, что теория элиты является одним из наиболее важных открытий социологической мысли XX в. Дело в том, что она аккумулирует в себе достижения многих других отраслей социологии и представляет собой определенный вывод из нее. Открытие элиты стадо качественным скачком развития политической мысли и, в частности, политической социологии, позволив по-новому объяснить функционирование государства, партий, лидеров.

Если обобщить представления современной науки об элитах, то можно констатировать, что она рассматривает их как универсальное явление, присущее любому обществу и выделяемое на основании ряда характерных признаков. Под элитой понимается меньшинство общества, отделенное от основной его массы благодаря исключительным возможностям в обладании властью, статусом и богатством. О важности данной категории в современной социологии свидетельствует тот факт, что понятие элиты часто выступает как комплементарное понятию класса или даже заменяющее его. Так под элитой может пониматься, напр., правящая каста, средневековая аристократия, правящий класс нового времени и, наконец, элитные группы современного общества. Все эти социальные слои различаются по своему происхождению, способам и источникам рекрутирования, образу жизни, однако имеют ряд фундаментальных общих признаков – занимают привилегированное положение в обществе, имеют более высокий уровень жизни и контролируют основные ры-

чаги власти. Все это и дает основания выделять их в самостоятельный и весьма обособленный страт всякого общества. Обращает на себя внимание и общность основных функций элит во всяком обществе: к их числу относится координация действий, разрешение возникающих конфликтов и управление; защита общества от внешней опасности; символическое выражение морального единства общества путем подчеркивания общих целей и интересов.

Общей тенденцией развития элитных групп в истории является их плюрализация – дробление в соответствии с усложнением структуры общества и стоящих перед ним задач. В тех случаях, когда общество находится на низкой стадии развития и является относительно мало дифференцированным, для него характерно существование небольшого числа элитных групп или даже одной элиты, которая аккумулирует всю полноту власти и связанных с ней благ. Наоборот, с развитием общества и ростом его дифференциации число элит и их специализация увеличиваются. Для современного демократического общества характерен процесс плюрализации элит, которые появляются в различных областях по достижении ими известной автономии. Среди них выделяются основные или так называемые стратегические элиты, подразделяемые на несколько основных типов в соответствии со специализацией их деятельности. Особое значение имеет текущая политическая элита; экономическая, военная и научная элиты; элиты, воплощающие в себе моральный авторитет (как священники, философы, учителя) и, наконец, элитные группы, обеспечивающие эмоциональное и психологическое единство и развитие общества (артисты, писатели, звезды различных областей искусства и т.д.).

Для политической социологии особое значение имеет анализ тех элитных групп, которые непосредственно занимаются руководством политическим процессом. Они получили в литературе особое наименование властвующей или правящей элиты, которая обособлена от всех прочих и имеет ряд специфических черт. Если для демократического общества эта элита может быть признана достаточно гибкой, связанной с элитами другого порядка прямыми каналами коммуникаций, то для обществ с тоталитарным или вообще авторитарным характером политической системы данная элита играет гораздо большую роль, отделена от всех прочих элитных групп и функционирует весьма обособленно.

Как показывают новейшие эмпирические исследования в области теории и практики функционирования правящих элит, их значение особенно возрастает в переломные, критические ситуации, когда выход из кризиса возможен лишь в результате быстрых решений и целенаправленной политики по их проведению в жизнь. Такая ситуация возникает, например, в ходе модернизации традиционалистских обществ нового и новейшего времени. Эпоха нового времени вносит существенные коррективы в процесс рационализации управления. Благодаря развитию экономических и политических связей, распространению технических знаний, мир все более превращается в единую цивилизацию, каждый элемент которой выступает лишь как часть системы. Отставание в темпах развития, рационализации оборачивается в этих условиях угрозой суверенитету государств. Организация экономической жизни и управления передовых стран в такой ситуации становится образцом для подражания, моделью желательного переустройства для других. Такой путь «догоняющего развития» принято называть модернизацией.

Модернизация, следовательно, может быть определена как сознательная установка государства (или его правящей элиты) на проведение быстрых качественных преобразований по образцу передовых стран. Поскольку в новое и новейшее время в качестве эталона прогресса выступают прежде всего страны Западной Европы, указанный процесс может быть определен и как «европеизация», что указывает, главным образом, на его ориентацию. Основные задачи модернизации повсюду весьма сходны. Это прежде всего проведение индустриализации, сопровождающееся разрушением традиционного аграрного уклада экономики, создание боеспособной национальной армии, способной отстаивать независимость страны, секуляризация и рационализация духовной жизни. Для осуществления столь крутых реформ, вызывающих открытое сопротивление мощных традиционалистских сил, мобилизации в короткое время всех материальных и человеческих ресурсов страны возникает потребность в создании государственности нового типа, которая почти неизбежно приобретет авторитарный или даже тоталитарный характер. В этих условиях значение правящей элиты, то есть людей, непосредственно принимающих стратегические решения в области экономики, политики и культуры, особенно велико. От ее состава, структуры, механизма функционирования зависит во многом будущее данной страны. На случайню поэтому большинство современных исследований элит опирается прежде всего на материал авторитарных государств прошлого и современности, в частности – развивающихся стран, где элиты на наших глазах проводят процесс радикальной трансформации традиционных порядков. При этом выделяется пять основных идеальных типов подобных элитных групп – династическая элита, выходцы из среднего класса, революционные интеллектуалы, колониальные администраторы,

националистические лидеры. Данная типология отражает скорее процесс формирования данных элит, их путь к власти, нежели характер функционирования.

В центре новейших исследований об элитах оказываются все ключевые проблемы современной социологии. Основной из них является определение места той или иной элиты в системе социальной стратификации. Данная проблема может быть во многом разрешена путем анализа принципов и характера рекрутирования элиты, прежде всего выяснения соотношения двух основных критериев – наследственности и выслуги. Известно, что при всех специфических чертах в разные эпохи и в различных регионах; история знала лишь два основных механизма рекрутирования верхних эшелонов власти – на основе биологической преемственности (наследование) и личных талантов и заслуг индивида. Конечно, указанные два механизма не являются взаимоисключающими и на практике переплетаются теснейшим образом, однако преобладание того или иного начала свидетельствует об общей тенденции развития данной политической системы – к консолидации (когда преобладает наследование) или к экспансии (когда выдвигаются новые люди). Изучение реального соотношения указанных начал напр., в развивающихся странах, позволяет определить глубину трансформации традиционалистских порядков, рационализации бюрократической администрации в целом.

Происхождение бюрократических элит, их стратификация и принципы функционирования, роль в масштабных социальных изменениях, ценности и нормы поведения определяют существо политического режима – механизм власти.

§ 2. В новое и новейшее время процесс бюрократизации и рационализации приобрел революционный характер. Экспансия рационалистических принципов

социального устройства привела, как это и предвидел Вебер, к созданию особого, ранее невиданного, типа общества – тоталитарного, характерной чертой которого является полный (или тотальный) контроль бюрократии над всеми проявлениями социальной жизни, а также отдельными индивидами. Наибольшего расцвета данная система власти достигла в авторитарных однопартийных режимах XX в., которые установились в ряде стран Восточной Европы, Азии, а позднее Африки и Латинской Америки. Напротив, страны Западной Европы и Америки, где имел место достаточно высокий уровень развития капитализма, гражданского общества и парламентских учреждений; избежали этой судьбы. Такое разделение мира на две системы – тоталитарную (или просто авторитарную) и нетоталитарную (демократическую) ставит исследователей перед проблемой социальных корней и исторических предпосылок тоталитаризма. В этой связи весьма информативным представляется анализ такого существенного явления современного общества как его бюрократизация.

Являясь непосредственным выражением рационализации жизни, бюрократизация, как показал Вебер, представляет собой объективный процесс, свойственный всей странам. Особого развития данный процесс достиг в эпоху капитализма, когда появились новые возможности и технические средства для контроля над обществом. Вполне реальной стала угроза полного огосударствления всех основных функций общества – производства, распределения, духовной жизни, науки, культуры, не говоря уже о политической сфере. Процесс этот, необыкновенно усиленный мировой войной, когда бурными темпами развивалась практика мобилизации ресурсов и производства государством, а также милитаризация управления и концентрации

политической власти, достиг своей наивысшей формы после социальной катастрофы, вызванной рядом революций и войн, внешних и внутренних. При отсутствии какого-либо противовеса государственной администрации в лице парламентских учреждений, бюрократия оказалась единственной социальной силой, способной руководить обществом, направлять его развитие. Отсюда был только один шаг к созданию тоталитарного государства, идеология и практика которого были направлены на подавление всякой возможной оппозиции и инакомыслия. Мы говорим здесь лишь об идеальной, так сказать, модели тоталитарного государства, ибо совершенно ясно, что возникавшие затем авторитарные режимы как леворадикального, так и праворадикального толка, хотя и могли вносить нечто новое в теорию и практику тоталитарной государственности, все же представляли собой не оригинал, а копию, а стоящие во главе их лидеры не скрывали источников своего вдохновения.

Совершенно ясно, что создание тоталитарного государств невозможно на пустом месте и требует наличия глубоких исторических традиций. Такие традиции несомненно были и в России, и в Германии, где, как мы видели, бюрократический аппарат постоянно усиливался на всем протяжении нового времени, особенно — в XVIII—XIX вв., а также в начале XX в. в ходе первой мировой войны. Критическая фаза данного процесса, когда происходит огосударствление всех еще не огосударственных в ходе войны областей жизни приходится на первые десятилетия XX в. и имеет в разных странах сходные проявления.

Одним и, возможно, наиболее заметным из этих проявлений стал численный рост бюрократии. По данным Х. Фенске, на период XIX и XX вв. немецкая бюрократия стала достигать цифры в 1,2 млн. чел.,

причем собственно чиновников (а не гражданская служба в целом) стало около 200 тыс. чел. Относительно стратификации функционеров отмечается ее более устойчивый характер и тяготение к упрощению. Выделяются три основных уровня – высший, средний и низший, которые вполне охватывают все конкретные явления бюрократии и, в то же время, соответствуют практике административного аппарата. Стратификация бюрократии не означает, однако, равного распределения чиновничества по трем уровням: напротив, усиливается поляризация высшей и низших групп, происходит выделение и укрепление бюрократической элиты. По данным Фенске, в Германии чиновничество распределялось по трем уровням в следующей пропорции: примерно две трети состава функционеров принадлежала к среднему уровню; около одной пятой – к простейшим низшим службам, оставшаяся – восьмая часть составляла высшее чиновничество. По своему социальному происхождению, материальному положению, образовательному уровню и политической ориентации три указанных слоя также различались. Если специально рассматривать верхушку бюрократии – элиту, то можно констатировать, что она представляла собой собственно правящий слой, или, точнее, группу людей, непосредственно участвующих в принятии политических решений. Властвующая элита являлась непосредственной опорой режима личной власти кайзера и служила в то же время противовесом парламенту и партиям.

Стратификация государственных служащих проводилась в соответствии с иерархией, установившейся в административном аппарате, которая подразумевала два параллельных процесса: передачу информации снизу вверх и контроль сверху вниз. В результате члены бюрократической элиты оказывались людьми,

имеющими максимум информации из различных источников, принимающими решения и руководящими контролем за их проведением. Низший страт бюрократии, напротив, ведал лишь сбором информации, ее первичной обработкой и исполнением указаний.

Характерной чертой современной западной бюрократии, так же, впрочем, как и всякой другой, является функциональная специализация и подразделение по уровням управления, которые здесь, однако, прослеживаются более четко. Специалисты выделяют в бюрократии ФРГ уже не три, а четыре основных уровня – низший, средний, промежуточный средний и высший. Таким образом, можно констатировать определенное расщепление самого среднего уровня, большая часть которого начинает тяготеть к низам бюрократии и лишь небольшой процент поднимается вверх, достигая подножия элиты. Таковы принципы вертикальной стратификации современного чиновничества.

Горизонтально каждый из стратов подразделяется по функциональному принципу на многочисленные отрасли, как, напр., генеральная администрация, финансы, образование, здравоохранение и значительный набор различных технических специальностей. Функциональная категория «генеральной» или общей администрации проходит по всем четырем уровням, «классам» бюрократии, но это относится не ко всем функциональным подразделениям, а лишь к важнейшим. Каждая функциональная категория в рамках определенного класса обычно подразделена на более мелкие группы и подчинена вышестоящей инстанции, причем занятие определенного должностного статуса идет за счет продвижения снизу. Мобильность выше на более низких ступенях, а с приближением к верхним эшелонам становится все меньше. В результате только 10% служащих достигает высшего страта.

Данные о функциональном подразделении гражданских служащих в ФРГ можно для примера сопоставить с данными других исследователей (П. Шериф) по Великобритании. Особенность английской бюрократии по сравнению с гражданской службой других западных стран состоит в более автономном существовании по отношению к политической власти. Такая особенность свойственна странам, длительное время не испытывавшим сильных социальных потрясений, войн, революций и пр., где не было прямого влияния партийных интересов на аппарат. Примером бюрократии такого рода в чистом виде может служить Австралия, где, как отмечал Г. Кайден, автономное существование бюрократии даже мешало ей выработать свои клише поведения и воззрения.

Между тем вопрос о политизации бюрократии как раз и является одной из центральных проблем для понимания специфики ее положения в разных социальных системах. Некоторые ученые (напр. Б. Штейнкемпер) считают на этом основании возможным даже выделить два типа бюрократии: один традиционный, восходящий к XIX в., который лег в основу классической модели Вебера; другой новый, порожденный современной эпохой, суть которого состоит в политизации гражданской службы. При этом отмечается, что политизация не является лишь декларацией или общей установкой, а влияет на инфраструктуру бюрократии по таким, в частности, параметрам, как структура и функции бюрократии, способ рекрутирования (кадровая политика), продвижения по службе, партийность, воззрения, степень участия в политической жизни и пр., а также корреляцию этих факторов между собой (напр., зависимость продвижения от взглядов, рекрутирования в аппарат от партийности, занимаемая должность от степени участия в политической жизни

и т.д.). Несомненно, все эти явления ведут к эрозии традиционных принципов организации бюрократии лишь как технической службы. Особенно данная тенденция проявляется в режимах, открыто декларирующих связь идеологии и управления, стремящихся воздействовать на общество с точки зрения идеологии и таким образом трансформировать его. Бюрократия в таких режимах выступает как инструмент проведения политики и ни в коей мере не является автономной.

Анализ процесса перехода от традиционных форм организации административного аппарата к рациональным был бы незавершенным, если мы не рассмотрим еще один важный аспект – бюрократизацию в развивающихся странах, которая представляет особый интерес для нашего исследования, так как являет собой своеобразный синтез доиндустриальных, традиционных элементов управления, с одной стороны, и некоторых результатов новейшего времени в данной области. В ходе модернизации многие административные институты и процедуры, заимствованные из стран Запада, механически переносятся на национальную почву, подчас даже насаждаются насильственно, что делает неизбежным конфликт между ними.

Острота конфликта и его перманентный характер объясняются как раз тем, что традиционные институты феодального или даже родо-племенного быта пытаются резко модифицировать в соответствии с теми задачами и целями, которые ставит перед обществом программа рационализации, модернизации и европеизации. Поскольку осуществлением данной программы руководит непосредственно бюрократия (а часто и армия), то эти силы и их взаимодействие между собой и с обществом становятся объектом изучения в сравнительной перспективе. Как справедливо отмечает американский ученый Р. Марш в своей «Сравнительной

социологии», бюрократия и вообще администрация рассматриваются большинством специалистов как классический и один из наиболее разработанных объект сравнительных (или перекрестно-социальных) исследований. Это объясняется тем, что административная система и бюрократия являются тем универсальным институтом, который охватывает практически все существующие общества – от самых примитивных, где она (бюрократия) находится на стадии зарождения и формирования, до самых дифференцированных, где она предстает в развитом виде.

Если, таким образом, за критерий сравнения взять степень функциональной дифференциации социальных структур, институтов и процедур управления, то появляется реальная возможность группировать различные системы государства и режимы по этому признаку, причем станет явным место бюрократии в каждом из случаев. В соответствии с уровнем социальной дифференциации (и интеграции), отмечает Марш, общества по-разному реагируют на процессы модернизации, смены ценностей, перестройку социальных отношений. С развитием дифференциации коррелируются такие факторы, как экономический рост, урбанизация, демократизация, рост социальной мобильности. В таких обществах государство, как правило, больше делает для осуществления универсальных целей и норм, создания соответствующих институтов, правительство и управление становится более сложным и привилегированным, возрастает его эффективность. Развивающиеся страны дают особенно интересный материал в этом отношении, поскольку позволяют увидеть резкие изменения при переходе от традиционного типа администрации к рациональному, происходящие за короткий промежуток времени. Сравнимые общества различаются по степени

дифференциации, а потому различны и функции государства в них, степень его сложности и бюрократизированности. В условиях модернизирующихся обществ или, как назвал их Ф. Риггс «призматических обществ», где бюрократия выступает наиболее активной силой социальных изменений, проводит для этого как бы расщепление, дифракцию общества на составляющие его традиционные структуры, а затем вновь собирает его с целью мобилизации ресурсов и усиления социального контроля, – в таких обществах бюрократия сама выступает как внешнее выражение степени дифференциации (или интеграции) социальной системы и может рассматриваться как выражение рационализации. В этом отношении она является незаменимым объектом интереса со стороны социологов и политологов. В то же время как единая система бюрократия легко раскладывается на составные части – subsystemы, которыми являются административные подразделения госаппарата, и с этой точки зрения может изучаться правоведами и специалистами по истории убеждений. Применение различных методик дает возможность, таким образом, представить объемный портрет данного социального слоя в развивающихся странах на современном этапе и попытаться вписать его в мировую административную историю как часть (и весьма важную) процесса рационализации социальных структур.

Социальная дифференциация и функциональная специализация бюрократии в развивающихся странах ведет к усилению как вертикальной, так и горизонтальной стратификации данного социального слоя. Мы уже видели, как этот процесс отражается на современной бюрократии развитых капиталистических стран. В странах развивающихся он идет с еще большей силой, причем имеет в качестве своих характерных черт жесткость перегородок, закрытость стратов, отсутствие раз-

витой мобильности между ними, вообще поляризацию верхов и низов.

В литературе существуют различные попытки подразделения бюрократии развивающихся стран. Как и применительно к гражданской службе развитых стран ее обычно подразделяют по трем (реже четырем) уровням, в соответствии с логикой самой административной системы. Разновидностью данного подразделения, хотя и несколько специфической, является модель административно-управленческой иерархии развивающихся стран, предложенная А. Ф. Ли. Он выделяет в ней три основных уровня, причем критерием группировки служит степень обладания властью; к первому уровню (на котором принимаются решения) относится правящая элита, ко второму – собственно бюрократия, наконец, третий представлен наемными служащими, в задачу которых входит исполнение принятых решений. Таким образом, бюрократия помещена на второй уровень, а ее задачей признается управление. В свою очередь внутри данного слоя имеется подразделение на три группы – бюрократическую верхушку, средние чины и низшее чиновничество. Соглашаясь в принципе с возможностью такого условного подразделения административно-управленческой иерархии, нельзя не отметить некоторую искусственность отнесения всей бюрократии ко второму (управленческому) уровню управления. С социологической точки зрения бюрократией могут именоваться представители всех трех уровней, исключая разве что чисто политических деятелей правящей партии, которые в таком случае должны быть отнесены к партийной бюрократии. Бюрократия в развивающихся странах потому и является столь мощной силой, что пронизывает все общество по вертикали сверху донизу, без особых исключений и изъятий. Данное обстоятельство не исключает

внутренней дифференциации бюрократии, которая может иметь и социальный и профессиональный характер: в первом случае она подразделяется по вертикали (как правило, в соответствии с уровнями управления), во втором – по отраслям управления (в соответствии с компетенцией своего ведомства), но на практике оба направления тесно взаимосвязаны. Такие параметры, как социальное происхождение, образовательный уровень и служебный стаж, должность и служебный оклад, степень «натурализации», определяют служилое положение чиновника, его место в административной и социальной иерархии.

Профессиональная бюрократия развивающихся стран представляет собой весьма разветвленный слой функционеров, обладающих значительными административными полномочиями по реализации экономических и политических установок государства. Для нее характерно сочетание новых рационалистических форм организации со старыми традиционными формами и пережитками, которые даже специально культивируются, особенно на высшем уровне. «Именно крупные чины, – говорит Ли, – являются ныне основными носителями дисфункции и иррациональности, поскольку стойко культивируют квази-архаические консервативно-традиционные представления о социальном престиже...».

Горизонтальное подразделение бюрократии позволяет констатировать наличие ряда относительно устойчивых категорий чиновничьих служилых слоев: административно-исполнительные должностные лица, военная бюрократия, партийная бюрократия, хозяйственная бюрократия (хозяйственно-управленческий, технократический персонал планирующих, регулирующих, контролирующих учреждений), религиозная бюрократия, к которой примыкает также весьма влия-

тельная традиционалистская общинно-племенная бюрократия. Прослеживается весьма определенная тенденция к сращиванию административной, военной и партийно-профсоюзной прослойки и бюрократии, особенно на высшем (элитарном) уровне, что, однако, не исключает наличия глубоких противоречий между различными группами чиновничества, особенно – рационалистски и традиционалистски ориентированными. Это, напр., противоречия между европеизированной гражданской бюрократической элитой и традиционалистской, прежде всего духовной бюрократией, которые периодически вспыхивают при проведении политики модернизации. Другим примером того же противоречия являются нестабильные отношения между военной и гражданской элитами, основанные на различном понимании существа государственного управления, а также методов и темпов модернизации.

Существует, наконец, и третья разновидность противоречий среди бюрократии – между административными исполнительными чинами гражданской службы и хозяйственными, технократическими кадрами. Данное противоречие признается специалистами едва ли не самым острым. Действительно, развитие экономики, введение планирования и директивного контроля практически во всех странах ведет к росту бюрократии, ведающей хозяйственными функциями. В составе государственной бюрократии выделяется поэтому особый слой – технократия. Так в Венесуэле «технократы – высококвалифицированные специалисты в области экономики, планирования, управления, инвестиционной политики заняли командные должности и ключевые посты в административно-управленческом аппарате. Технократическая элита стала играть важную роль в принятии решений не только экономического, но порою и политического характера».

Основные тенденции развития бюрократии в развивающихся странах предстанут нагляднее, если обратиться к количественным характеристикам. Среди них укажем на численный рост состава аппарата управления, темпы этого роста, изменения материального положения чиновничества. Можно указать и на другие, менее заметные параметры, которые в то же время влияют на комплектование бюрократии, – ее социальное происхождение, образовательный уровень, профессиональные качества и другие, учет которых позволяет составить своего рода коллективный портрет чиновничества.

Одной из наиболее заметных черт государственного аппарата развивающихся стран, на которую обращают внимание фактически все специалисты, является разбухание штатов – резкий рост численности бюрократии, особенно после достижения независимости. Так, например, в Индии за годы независимости число административных учреждений возросло в 20 раз, а численность чиновничества (по данным на конец 60-х годов) достигла 9 271 тыс. чел., в Пакистане – 995 тыс., Цейлоне – 286 тыс., Афганистане – 73,5 тыс. чел. Увеличение численности бюрократии в первые десятилетия после достижения независимости является в развивающихся странах массовым явлением и вызвано главным образом необходимостью модернизации общества. «Увеличению числа лиц, связанных с управлением, планированием, профессионально-технической службой, – говорит исследователь индонезийской административной системы, – в немалой степени способствовала интенсификация деятельности органов госаппарата – департаментов, министерств, ведомств, а также военно-полицейского комплекса. Численный рост государственной бюрократии был неадекватен эффективности ее деятельности, что вызывало расту-

щую критику в ее адрес, сопровождавшуюся призывами к сокращению количества служащих, экономии государственных средств на их содержание, необходимости структурной перестройки бюрократии, более четкого определения ее обязанностей». Показательны при этом не столько даже общие цифры численности бюрократии (которые в значительной степени зависят от многих других факторов), сколько данные о поразительно устойчивых темпах роста бюрократии. В Кении, например, за годы независимости, общая численность невоенных служилых слоев возросла примерно в 5,5 раза. Сходную картину роста чиновничества специалисты наблюдают и на Филиппинах, где за два десятилетия (1946–1966 гг.), прошедшие после достижения независимости, число служащих в стране возросло более чем на полмиллиона. Тенденция к росту численности служащих государственной сферы, включая правительственный аппарат, продолжала набирать силу. За десятилетие (до начала 80-х гг.) бюрократический аппарат увеличился примерно на 15%. Указанные темпы роста бюрократии представляют серьезную опасность деформации социального строя и политической системы развивающихся государств. Бюрократия повсеместно подчиняет себе общество, перераспределяет национальный продукт в свою пользу, ведет дело таким образом, что всякая инициатива в коммерческой или интеллектуальной сфере становится затруднительной, встречая массу препятствий. Приведенные цифры невольно заставляют вспомнить одно из самых бюрократизированных государств древности – Византийскую империю, только в одной из областей которой число чиновников составляло 10 тыс. чел., на жалование которым уходили огромные суммы из государственного бюджета. Таким образом, бюрократия, будучи важнейшим атрибутом

империи, необходимым инструментом императорской власти, превратилась со временем в величайший тормоз развития этого государства, ведя к застою, загниванию, а в конечном счете краху Восточной Римской империи.

Наряду с изменениями численности бюрократии одним из важнейших параметров, характеризующих этот социальный слой, является структура – распределение по сферам деятельности или отраслям управления. Для развивающихся и вообще модернизирующихся стран данный показатель особенно информативен, поскольку он показывает, на какие участки государство бросает большие силы, какие сферы деятельности считает приоритетными и, с другой стороны, как сама бюрократия оценивает престижность тех или иных областей деятельности. С этой точки зрения цифры о концентрации чиновничества в определенных отраслях управления показательны для изучения его социальных интересов, возможностей влиять на политику.

Вертикальная структура бюрократии также имеет много сходных черт во всех развивающихся странах, что связано с начальным периодом формирования государственности во многих из них, силой традиционных установлений и, соответственно этому, слабостью (по крайней мере, в сравнении с Западом) рационалистических начал в управлении. Обратимся для примера к государству Израиль, созданному после войны, где структура бюрократического аппарата долгое время находилась на стадии оформления по европейским образцам. Институциональная структура израильской бюрократии определяется наличием в стране 21 министерства, которые контролируют 90% бюджета. Трудности в рациональной организации административной системы объясняются отчасти недавним появлением

государства, отсутствием кадров, традиций управления и административной опытности. Бюрократия Израиля имеет поэтому много сходных черт с бюрократией государств, созданных после второй мировой войны. К их числу принадлежат, в частности, недостаток рациональности в организации бюрократии, профессионализме на низком и среднем уровнях управления, отсутствие заметной социальной мобильности.

Особое значение в связи с этим приобретает третий параметр анализа бюрократии – ее материальное положение. Отметим, что в современной литературе высказываются самые различные точки зрения на экономическую природу бюрократии развивающихся стран. Одни авторы склонны видеть в ней явление, сходное с западными прототипами, другие, наоборот, усматривают здесь определенную специфику, говорят о возможности формирования особого правящего слоя – бюрократической буржуазии. Прежде всего, можно констатировать большую дифференциацию служащих в самом аппарате управления как в социальном, так и в экономическом положении.

Действительно, важным проявлением бюрократизации государственного аппарата является такой существенный показатель, как рост социальной и имущественной дифференциации составляющих его слоев. Тенденция, которую можно отметить уже в Древнем Египте, Турции, России петровских реформ, хорошо прослеживается по материалам развивающихся стран. В результате перехода от традиционной администрации к рациональной при достижении национальной независимости, бюрократия консолидируется за счет отсекаемых крайних групп как сверху, так и снизу иерархической пирамиды. Бюрократия превращается в сословие, статус, престиж и благосостояние которого в обществе необыкновенно возрастают.

Известно, однако, что экономическая основа процесса бюрократизации в развивающихся странах весьма специфична и вызывает споры среди исследователей. В социальных системах, где во всем объеме сохраняются традиционные отношения и структуры (община, каста, родо-племенные установления и т.д.), а государство (бюрократия) выступает едва ли не единственной силой, толкающей процесс модернизаций, классово-сословное деление не автономно, а как бы органически вписывается в деление административное. Можно сказать, что социально-экономическое подразделение на неимущих и имущих совпадает с административным – управляемых (основная масса населения) и управляющих (бюрократия). При этом важно учесть, что в отличие от стран Запада, здесь действуют совершенно другие принципы социальной стратификации, напоминающие скорее те, которые существовали в европейских странах эпохи абсолютизма. Не богатство (экономический статус) дает здесь власть, а наоборот, власть политическая или административная облегчает доступ к богатству – институтам и учреждениям, контролирующим производство, распределение и потребление материальных благ. Было бы, следовательно, ошибочно полагать, что бюрократия находится в изоляции от общества и на нее не влияют социально-экономические процессы, происходящие в нем, однако влияние это носит опосредованный, завуалированный, так сказать, характер, проявляясь прежде всего в теневой экономике, коррупции, влиянии различных неформальных связей. В связи с дискуссиями по проблеме «бюрократической буржуазии», которая образуется именно таким путем, большинство исследователей специально обращает на эту сторону дела преимущественное внимание.

Говоря о коррупции, многие ученые отмечают прежде всего неискоренимость данного явления, присущего государствам различных эпох и социальных систем. Такая постановка вопроса наталкивает на мысль о возможности сравнительно-исторического анализа данного явления. В современной науке выделяются два основных подхода к возможности сравнительного изучения коррупции: признание полной или частичной возможности такого изучения и отрицание ее. Рассмотрим аргументы каждой из сторон. Те ученые, которые отрицают возможность сравнительного исследования коррупции, утверждают, что явление это в разные эпохи имело разную социальную природу: в прошлом оно не носило противозаконного характера, так как было санкционировано государством (в виде продажи должностей, «кормления от дел» и т.д.) с целью пополнения казны и отсутствия других источников содержания аппарата. Следовательно, для традиционалистских режимов нельзя говорить о «коррупции» в собственном смысле слова. Для государственности развивающихся стран на современном этапе говорить о коррупции можно также с известными оговорками, поскольку данное явление имеет здесь глубокие основы в сохраняющихся родо-племенных отношениях, трибализме, кумовстве, вообще патернализме всякого рода, а также установленной еще в эпоху колониальной администрации практике. В связи с этим отмечается, напр., использование колониальными державами, как Испания, Дания и др., практики продажи должностей в колониях местным племенным олигархам, всякого рода нуворишам и т.п., представителям компрадорской буржуазии. Отсюда следует вывод, что даже в развивающихся странах на современном этапе нельзя говорить о коррупции как однозначном явлении, имеющем повсюду общую природу невзирая на географические или временные рамки.

Напротив, представители другой точки зрения, исходящие из представления о возможности сопоставления и сравнительного изучения коррупции безотносительно к различию ее внешних форм, полагают (на наш взгляд совершенно справедливо), что повсюду, где существует рыночная экономика, коррупция, какие бы формы она не принимала (законные или незаконные, прямые или косвенные и пр.), имеет одну и ту же социальную природу и сущность, функцию в обществе. Сущность коррупции (или продажи должностей, «кормления» и пр.) состоит в таком социальном положении должности, при котором она выступает как рыночная стоимость и на которую, следовательно, распространяются все законы товарно-денежных отношений. Ряд специалистов в связи с этим указывал, что современная коррупция во многом покоится на воззрениях прошлого, господствовавших в Европе до середины XIX в., согласно которым должность рассматривалась как частная собственность того лица, которое ее занимает. Принятие данной точки зрения позволяет, во всяком случае, больше понять в объективных основаниях коррупции, типологически исследовать данное явление, производя классификацию различных его исторических вариантов на основании одного или нескольких определяющих факторов.

Между тем, судя по последним публикациям, можно констатировать, что до сих пор не выработано единого подхода или модели изучения коррупции даже в развивающихся странах, но говоря уже о более широких временных и географических рамках. Более того, идут споры о возможности существования такой модели, поскольку большое распространение получила точка зрения о многофакторной природе коррупции и невозможности отыскать одну или даже несколько ее причин. При этом указывают на силу традиционных

институтов – трибализма, клановости всякого рода, фаворитизма и протекционизма, переходящих, подчас весьма причудливо, в партийно-государственные отношения и расстановку сил в правительстве и госаппарате, бюрократии и правящей элите. Тот факт, что коррупция является в развивающихся странах повсеместным явлением, приводит исследователей также к разным выводам.

Коррупция существовала при различных социально-политических режимах. Так, напр., в Африке она получила сильное развитие как в монархических государствах типа Эфиопии, Египта, Ливии, так и в социалистических, как режимы Кваме Нкрумы в Гане. Сходные явления специалисты отмечают в Бенине, Кении, Заире, Чаде, а особенно в Центральной Африканской республике, президент которой – Жан Бедель Бокасса преобразовал ее в империю, а себя в 1976 г. сделал императором. Коррупция часто является источником недовольства и даже может служить причиной военного переворота, как это было при свержении Нкрумы в Гане или правительства Нигерии в 1966 г. Появление «нового класса» – политиков бюрократии, военных полковников, банковских менеджеров и пр. везде сопровождалось ростом коррупции.

Социальные предпосылки развития коррупции, ее формы и методы, при всех общих чертах, имеют много индивидуального в странах с различной степенью развития новых рационалистических процедур управления. Так, применительно к Нигерии можно, напр., констатировать тот факт, что там коррупция во многом является пережитком традиционных ценностей общества и норм поведения, что находит наиболее яркое выражение в форме «подарков». В этом смысле действия чиновников – интегральная часть всей администрации, имеющей очевидную традиционалистскую

направленность. Система коррупции не остается стабильной, а модифицируется по мере эволюции самого режима. Так «подарки» с появлением рыночной экономики превратились из знака уважения и поддержки вождю в награду за услуги, причем система эта в разной степени охватила весь государственный аппарат. Закреплению и специфическому развитию многих из этих традиционных явлений способствовал колониальный период. Однако было бы неправильно искать «чистые» варианты традиционной или рациональной организации административного аппарата (а следовательно, и формы коррупции) в развивающихся странах. Их можно конструировать лишь условно, с применением веберовской методологии идеальной типизации.

Примером сочетания различных «типов» организации административной системы и, в то же время, коррупции может служить монархический режим Марокко. Здесь коррупция планируема, направляема и служит важным социальным целям. Рационализация и бюрократизация управления (рост бюрократии, ее перераспределение по важнейшим отраслям аппарата, изменение принципов рекрутирования и образования) на практике ведут к рационализации системы коррупции, а вовсе не к ее устранению, как можно было бы предположить априори. Вынужденные участвовать в системе коррупции, чиновники с европейским образованием и ценностями, нормами поведения, оказываются не удел в том случае, если отказываются принять «правила игры». Суть этих неписанных правил состоит в пронизывающем все поры системы патернализме, при котором глава клана, группировки, а то и племенного объединения, или иначе – «патрон», попадая на руководящий пост в госаппарате, тянет за собой своих «клиентов», причем между ними сохраняется самый патриархальный порядок отношений. В результате

можно сказать, что современная коррупция есть своеобразное сочетание исторического прецедента с логикой современной бюрократической экспансии в развивающихся странах. С этой точки зрения коррупция предстает в глазах общества (в значительной степени и в самом деле является) единственной реальной системой социального и экономического регулирования в нестабильном и быстро меняющемся мире, где ликвидация традиционных установлений и введение на их место новых часто носит спонтанный, волевой характер, не сопровождается выработкой соответствующих правовых гарантий и норм поведения. В результате их заменяет коррупция в таких областях, как решение социальных и этнических конфликтов, продвижение по службе, бизнес и пр., вплоть до важных политических акций. Монархические режимы имеют еще и ту специфику, что в них королевская власть заинтересована в сохранении коррупции как силы, способствующей децентрализации бюрократии, что делает министров и других ответственных чиновников более зависимыми от воли монарха.

Другим примером государства, где коррупция стала главным и едва ли не единственным способом социального регулирования, является Заир. Как хорошо показал в своей книге Д. Гоулд, специально на месте изучавший эту проблему, коррупция в этой стране непосредственно связана с природой режима, установленного генералом Мобуту в результате военного переворота. Бюрократия этого государства, считает ученый, может рассматриваться, как пример наиболее коррумпированной структуры в мире. С переходом от колониального периода к новому времени национальной независимости коррупция как логическое выражение капитализма не только не исчезла, но усилилась. Достигнуто это было за счет изменения формы

процесса замены прямой эксплуатации косвенной. Коррупция становится механизмом регулирования отношений в госаппарате, накопления средств и обогащения бюрократической буржуазии, средством ее консолидации в центре и на местах как эксплуататорского класса. Связь коррупции с развитием проявляется в том, что буржуазия становится бюрократией и наоборот. Поскольку коррупция является одновременно частью процесса развития и средством воспроизводства отношений зависимости и эксплуатации, бюрократия не может обойтись без нее, представляя собой двигатель модернизации и самую консервативную силу общества в одно и то же время.

После перехода в Заире от бельгийского к национальному правлению бюрократия была, по мнению ряда ученых, призвана создать условия для развития буржуазных отношений, причем средством для этого могла служить отчасти коррупция, выступавшая здесь своего рода первоначальным накоплением. Большую роль сыграл также традиционалистский ингредиент общества: отношения между колониальной администрацией и традиционными властями – вождями племен – становились объектом коррупции в первую очередь. Особое значение принадлежит при этом историческим традициям отношений «хозяина-клиента», восходящим к предшествующей (доколониальной) эпохе. Институт клиентеллы охватывает весьма широкий круг лиц: сюда входят родственники президента, представители важнейших этнических групп и их клиенты; верхушка преуспевающей буржуазии и некоторые другие.

О значении коррупции в Заире свидетельствует тот факт, что она самым непосредственным образом влияет на структуру бюрократии, влияя на соотношение числа «реальных» и «фиктивных» должностей, распре-

деление жалования, социального престижа и власти, отношения внутри госаппарата и вне его.

Характерными чертами госаппарата Заира являются его неэффективность, инертность, а главное – приватизация функций управления. Контроль бюрократической буржуазии над административными структурами используется ею для консолидации классовых интересов. Официальная этика правящей клики выражена словами президента Мобуту в речи, произнесенной им в Киншассе 20 мая 1976 г.: «Если вы хотите воровать, воруйте немножко поумнее, по-хорошему. Только если вы накрадете так много, что станете богачами за одну ночь, вы будете схвачены». Таким образом, с официального одобрения правящий класс Заира энергично приватизировал административные посты и обратил их в средство самообогащения. Коррупция институционализирована и на всех уровнях бюрократической иерархии данная практика осуществляется систематически и нормативным путем. Виды коррупции при этом многочисленны: взятки за изъятие компрометирующих документов из дела, мошенническое использование официального положения, плата за официальный визит, за рекомендательное письмо, единовременные и постоянные выплаты за различные услуги, получение двух зарплат, пренебрежение обязанностями службы для постороннего бизнеса, растрата, а также целый набор махинаций при сборе различных налогов и пошлин. Данная практика получила очень широкое распространение, а доходы от коррупции составляют от нескольких десятков до сотен тысяч фунтов.

Пример Заира весьма поучителен в том отношении, что дает возможность увидеть деструктивную роль бюрократии в развивающемся обществе. В обществе, где доминирующую роль играет государство, как почти во всех странах третьего мира, проведение реформ по

модернизации вообще невозможно без перестройки госаппарата и бюрократии, на что режим не идет. В результате страну со сказочно богатыми природными ресурсами (медь, кобальт, золото, серебро, плодородные земли) режим Мобуту превратил (со времени своего прихода к власти в 1965 г.) в совершенно нищую, которая живет за счет займов у западных стран. Описанные явления не являются, разумеется, исключительной особенностью стран Африки, они получили распространение и в Азии, напр., в Бирме, на Филиппинах, в Индонезии и т.д., а также в Латинской Америке.

Рассмотрев структуру и экономическое положение бюрократии развивающихся стран, мы можем обратиться к еще одному показателю, который ряд специалистов именует «бюрократической культурой» или, иначе говоря, совокупности норм и представлений, процедур аппарата управления, характере его социальной ориентации. Создание публичной бюрократии — решающий показатель деятельности по созданию государства в развивающихся странах, поскольку слой этот играет определенную роль в процессе национальной реконструкции. Процесс социально-экономических, культурных и политических изменений предполагает, исходя из этого, лидирующую роль бюрократии. Речь идет о планируемых социальных изменениях, которые нуждаются в эффективной администрации. При изучении перехода от традиционной модели организации управления к рациональной важно понять степень осознанности бюрократией ориентации на те нормы, в которых она работает, понять, как далеко заходит принятие или неприятие тех или иных воззрений, ценностей, норм на практике и в идеале, наконец, установить, какова роль базовых социальных факторов в распределении ролей. Показателен в этом

отношении переход от традиционной организации к рациональной в Индии, рассмотренный в книге С. Гойала.

Первая, считает он, не имела, несмотря на длительность своего существования, стабильности, носила личный характер, а рекрутирование производилось на основе принадлежности к определенной касте или личной преданности правителю. Британская администрация создала более рациональную гражданскую службу, которая перешла по наследству индусам. Признаками такой рациональной организации стали: открытость рекрутирования бюрократия для всех образованных людей, число которых увеличилось с созданием университетов, путем состязательных экзаменов; элитизм и ориентация на результаты; централизация и иерархизация бюрократии; разделение труда; формализм и специализация управляющих; обезличивание; безопасность службы; безразличие к массам. Современный аппарат, считает автор, во многом — продолжение британского, не только по своей формальной структуре, но также по устоявшимся обычаям, привычкам, предрассудкам и интересам. В процессе модернизации общества, в котором бюрократия неизбежно приходит в конфликт, она консолидируется и вырабатывает свои специфические ориентиры, этику, ценности. Бюрократия, в качестве формальной организации, противопоставляет себя обществу, стремится навязать ему такие идеалы, как универсальный рационализм, формализм и обезличивание. В то же время сама бюрократия ориентирована на профессиональный интерес, подразделение труда, иерархию власти и управления.

Сочетания традиционализма и рациональных ориентиров в интересах бюрократии отражаются на ее структуре. Указанные явления порождают высокую

степень стратификации внутри самой бюрократии в статусе, престиже и экономическом положении, причем особенно велик разрыв между высшими и низшими группами чиновничества. Стратификация эта охватывает жалование, возможности продвижения по службе, характер работы. Разрыв между рангами порождает чувство потери статуса и вызывает недовольство и раздражение. Бюрократическая среда – это не только профессия, но и образ жизни. Отсюда и ориентация на негативные факторы – не служба, в заработок, не долг, но функция и пр., фаворитизм, рутинность, некомпетентность и др. В этом отношении важно наблюдение о том, что с некоторого уровня процесс рационализации не может идти без параллельного роста правовой регламентации административной деятельности, в чем заинтересовано не только общество, но и сама бюрократия. Соотношение общества, бюрократии и элиты находит выражение в реальном механизме власти – решающем факторе при определении пути социального развития.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Мы последовательно рассмотрели основные направления современной политической социологии – социальную стратификацию, социальный конфликт и механизм власти, показали их значение при объяснении общества в его прошлом и настоящем. При таком подходе мы неизбежно имели дело с более или менее стабильной, статической картиной социальных отношений, вынуждены были несколько схематизировать их с целью раскрыть инфраструктуру социальных отношений, обратить основное внимание на теории, категории и понятия политической социологии, с помощью которых они поддаются интерпретации. Действительность, однако, дает нам гораздо более сложную картину социальных отношений, основным признаком которой является непрерывное изменение составляющих ее параметров – структур, норм и институтов. В современном, быстро меняющемся на наших глазах мире, всякая теоретическая конструкция имеет смысл в том случае, если объясняет не только данное состояние общества, но и переход от одних его форм к другим, процесс развития, короче говоря – собственно историческую эволюцию.

Целесообразно, поэтому, подойти к рассматриваемому кругу проблем под несколько иным, чем ранее углом зрения, именно – с точки зрения теории социальных изменений. При таком подходе предметом нашего внимания становятся следующие основные проблемы: 1) какова взаимосвязь трех указанных: направлений между собой; 2) их роль в процессе социальных изменений; 3) механизм этих изменений, составляющий реальное содержание исторического процесса. Можно констатировать, что проблема социальных изменений принадлежит к числу наиболее

интегрирующих и, одновременно, – наименее разработанных в современной социологии. Дело в том, что являясь в принципе молодой наукой, социология формировалась как дисциплина, ставящая под сомнение или даже полностью отрицающая все предшествующие эволюционистские теории общества. Она справедливо упрекала их в упрощенном, одностороннем объяснении общества и его развития исходя из какого-либо одного, пусть весьма важного, но не единственного начала. Поэтому основное внимание социологов с самого начала было направлено на выяснение природы общества, сложности составляющих его компонентов, связей и зависимостей. При этом из поля зрения социологии, как становится более ясно на современном этапе, почти полностью выпала проблема социальных изменений, которые многие ученые до последнего времени вообще склонны были толковать как последовательную смену во времени ряда статических состояний, подобных кадрам киноплёнки. Такой взгляд в последнее время стал объектом критики целого ряда ученых, побудив их вновь обратиться к эволюционистским теориям прошлого, переосмыслить их с позиций современной науки с целью найти новые подходы к проблеме социальных и политических изменений. Значение традиционной политической науки усматривается сегодня в присущей ей широкой сравнительно-исторической перспективе, правовой культуре, рассмотрении всех социальных явлений в их развитии. Во всех этих областях традиционная политическая наука накопила значительный материал обобщений и эмпирических наблюдений, не утративших своего значения до настоящего времени. В рамках данной традиции можно говорить о существовании трех основных подходов к изучению политики – историческом, правовом и институциональном. Исторический подход позволял

дать детальное описание исторических событий, ведущих к определенным политическим последствиям, правовой – анализ правовых кодексов разного времени и содержащихся в них норм, институциональный – прерогатив и функций основных политических институтов (прежде всего законодательной, исполнительной и судебной властей) с точки зрения их взаимного соотношения в различных политических системах. Главным недостатком традиционной политической науки с точки зрения современной социологии был ее описательный, а не аналитический характер, затрудняющий эмпирическую проверку данных.

В силу такого положения вещей социологи и историки долгое время не могли найти точек соприкосновения в своей деятельности: первые подчас пренебрегали фактами, вторые были равнодушны к концепциям и гипотезам. Данная ситуация стала меняться к лучшему в последнее время, когда социологическая теория в большей степени начала опираться на достижения исторической науки. Современная наука стоит перед необходимостью создания единой интегрирующей теории социальных изменений, основу которой призван создать синтез эволюционистских теорий прошлого, рассматривавших развитие как постоянное и естественное свойство всякого социального образования и современных социологических концепций, подчеркивающих прежде всего системный и структурно-функциональный аспект социальной жизни.

В связи с этим перед учеными вновь встали «метафизические» проблемы, казавшиеся отброшенными навсегда: как вообще возможны социальные изменения; каков способ их осуществления; что следует предпринять для их научного изучения и прогнозирования?

Хотя в науке трудно найти вполне однозначные решения данных проблем, они могут быть в принципе выведены из трех главных концепций современной социологии – системы, структуры и функции. В основных главах настоящего труда было показано значение этих концепций в рамках общей социологической теории и в ходе анализа ряда конкретных социальных образований – формальных организаций. Здесь мы остановимся на них в той мере, в какой они способствует уяснению процесса развития общества, изменения отдельных его структур.

Теоретический анализ изменения должен проводить различие между процессами, которые укрепляют равновесие системы, и структурными переменами, в ходе которых система движется от одного состояния баланса к другому. Структурное изменение происходит тогда, когда нарушения существующего состояния вокруг системы или внутри нее достаточны для того, чтобы преодолеть силы равновесия. В соответствии с этим изменение всякой системы может быть интерпретировано, во-первых, как ее приспособление к изменившимся внешним условиям, во-вторых, как внутренняя структурная перестройка составляющих ее компонентов, в-третьих, как дифференциация уровней управления и перераспределения ролей. Речь идет, следовательно, об изменении ориентации системы в целом, составляющих ее структур, а также функций и их носителей. Согласно вытекающей из этого трактовки политической системы она является наиболее общей концепцией, позволяющей охватить основные стороны политического процесса, представляющего собой развитие структур, институтов и норм поведения, играющих первостепенную роль в принятии политических решений. Наиболее четко эти интерпретационные возможности проявляются, напр., в так на-

зываемой кибернетической модели общества, рассматривающей его прежде всего, как систему управления, его структуру – как выражение иерархии уровней управления, институты – как органы управления, а бюрократию – как важнейший инструмент планирования и осуществления управления. Кибернетика действительно ориентировала исследования прежде всего на систематическое изучение коммуникаций и контроля во всех видах организаций. Данный подход оказался весьма перспективным при обращении к анализу политического процесса, эволюции его основных компонентов, структур и институтов. Достаточно указать в этой связи на теорию модернизации: рассматривая развивающиеся страны как определенную систему, характеризующуюся рядом устойчивых признаков, можно лучше понять ее изменения, интерпретировав их как внутреннюю перестройку системы под влиянием внешней необходимости – стремления догнать более развитые страны. В современной науке нет, однако, единого мнения относительно природы модернизации. Одни ученые рассматривают ее как линейный процесс, идущий на протяжении всей истории человечества, другие – как циклический или движущийся по спирали, третьи считают ее специфическим феноменом нового времени известным только ему. Во многом эти споры происходят из различия представлений о сущности и причинах самого социального развития.

В истории философской и политической мысли на этот вопрос давались весьма неоднозначные ответы, которые перешли оттуда и в современную политическую социологию. Если принять в качестве аксиомы известные свойства человеческой природы, то из них можно затем вывести соответствующее объяснение общественного движения, исторического процесса. Так, допуская изначально заложенное в человеке

стремление к деятельности с целью улучшения своих жизненных условий, мы последовательно придем к социальной дифференциации, порождаемой ею социальной стратификации со всеми вытекающими из этого последствиями в отношении распределения власти, статуса и богатства. Важной проблемой при таком подходе оказывается определение самого понятия структуры. В современной социологии – это понятие, являющееся центральным, оказывается в то же время самым неопределенным.

Одни ученые рассматривают структуру как теорию, которая постулирует определенные образцы и таким образом позволяет осмысливать эмпирические данные, в то время как другие – видят в ней явление реальной действительности, которое само нуждается в объяснении с помощью теории. Различные социологи определяют структуру то как дифференциацию позиций или уровней ранжирования, которые влияют на социальные отношения, то как образцы социальных отношений, из которых затем проистекают различия в позициях, то как явление культуры или систему символов. В глазах одних исследователей структурная социология абстрагирует чисто формальные аспекты социальной жизни – масштаб, дифференциацию, иерархию и практически полностью игнорирует содержательный аспект, в то время как по мнению других макро-социологическое структурное исследование уделяет внимание различному характеру исторических систем определенного времени и места. Интеграция, порядок и консенсус являются определяющими атрибутами социальной структуры по мнению одной группы ученых; дифференциация, противоречие и конфликт – по мнению другой. Все исследователи согласны лишь в одном: социальная структура соотносится с теми свойствами социального образования,

которые характеризуют его как нечто целостное, систему, и имеют внешнее выражение, проявление.

В рамках системного подхода изменение (внутри системы) определяется как процесс дифференциации структур, институтов и функций, ведущий к росту их разнообразия, а следовательно – усилению взаимного обособления и зависимости их друг от друга. Развитие проходит различные стадии специализации и дифференциации. Специализация, как показал еще Зиммель, проявляется прежде всего в появлении определенных обособленных сфер деятельности, имеющих различную направленность. На этой основе между ними возникают более или менее устойчивые перегородки, которые затем закрепляются в институциональной структуре. В свою очередь различные уровни или стадии дифференциации обозначают степень, в которой основные ресурсы, социальная и культурная деятельность определяют изменения во всей общественной системе.

Таким образом, социальная стратификация оказывается основным источником социальных изменений. Социальную структуру можно представить как порядок или иерархию гнездовых подразделений, являющихся более или менее замкнутыми. В качестве компонентов социальной структуры могут выступать слои, группы, позиции, статусы, роли, личности, даже символы, если речь идет о культуре. Их постоянное взаимное соотношение, пристройка друг к другу, конфликты и взаимные переплетения создают неповторимую ткань общественных отношений всякой данной эпохи. Дифференциация, а тем более социальная стратификация, не могут произойти, однако, раньше, чем пройдет сопутствующий ей процесс социальной реорганизации. Процесс этот идет путем освобождения определенных элементов традиционной структуры от предписываемых

им связей, включения их в структуры более высокого уровня, легитимации новых функций. Окончательное выражение данный процесс находит в новой системе социальной и институциональной стратификации.

В связи с этим большое внимание справедливо обращается на значение конфликта в процессе социальных изменений. Мы видели, что стремление к деятельности по совершенствованию условий своего существования является неотъемлемой чертой человека на всем протяжении истории. Оно, как было показано, ведет к росту дифференциации и стратификации, институционализации определенных норм и принципов поведения. Но то же самое стремление побуждает людей не мириться со сложившейся ситуацией, а изменять ее по мере сил в более желательном для себя направлении. Всякое общество поэтому, состоит из людей с диаметрально противоположными интересами – тех, которые заинтересованы в сохранении существующего порядка вещей (поскольку он отвечает их интересам и представлениям о разумном и выгодном устройстве) и тех, которые выступают против него, поскольку не могут или не хотят мириться с ним. При этом они руководствуются известным идеальным представлением о том, что есть истинно справедливое общество, склоняясь, как правило, к поэтизации собственного коллективного или группового эгоизма. Такова реальная основа конфликта вообще и социального конфликта в частности.

В современной социологии показана актуальность ряда прежних теорий, объясняющих возникновение социального конфликта. Если суммировать те их положения, которые восприняты современной наукой, то можно представить их следующим образом. Социальная дифференциация и связанная с ней стратификация порождает конфликт, который в свою очередь ведет к

изменениям, являясь формой их проявления. Если ранее западная социология считала конфликт проявлением социальной патологии, то сейчас пробивает себе дорогу другая точка зрения – рассмотрение конфликта как вполне естественной формы развития общества и социализации индивидов. Поэтому имеет смысл подробнее остановиться на роли конфликта в процессе социальных изменений.

Прежде всего, конфликты (как и их антитеза – кооперация) выполняют важную социальную функцию и, следовательно, играют в обществе не только деструктивную, но и конструктивную роль. Конфликты являются способом реализации потенциальных сил, приходящих в движение и разрывающих традиционные общественные формы. Их возникновение следует, поэтому, рассматривать как результат растущей социальной напряженности и, одновременно, способ ее преодоления, поиск нововведений с этой целью. Базис конфликта составляет, во-первых, объективное различие в положении групп, во-вторых, присущие им в силу этого несовпадающие, или прямо противоположные интересы, в-третьих, охватившие их враждебные чувства друг к другу. Однако конфликт тем и отличается от обыкновенного столкновения, ссоры, что коренится в самих социальных отношениях, а не только в чувствах действующих лиц.

Роль конфликта в процессе социальных изменений зависит от его социального масштаба и места в структурной организации общества. Традиционно существующие структуры всякого общества консервируют социальное напряжение, мешают его выходу или во всяком случае обеспечивают известную направленность такого выхода, угодную данному порядку. Подлинный социальный конфликт (классов, статусных групп, индивидов) состоит, поэтому прежде всего в

деформации традиционных отношений и структур, поляризации интересов и групп, их консолидации, институционализации за счет более четкого определения границ между ними. Можно даже сказать, что конфликт, являющийся формой проявления противоречий, становится одновременно источником новой институциональной структуры, норм поведения и ценностей.

Исход конфликта может быть различным в зависимости от его масштабности, остроты противоречий, а также природы самой социальной структуры, в которой он имеет место. Разрушительная сила конфликта возрастает с усилением жесткости общества и, наоборот, убывает по мере размягчения его структур, увеличения их гибкости и подвижности. Большое значение имеет, поэтому, управление конфликтом, механизмы его социального регулирования. Как показано современными исследователями, уже сама степень активности борьбы конфликтующих сторон во многом зависит от условий протекания столкновения. Так, например, эскалация конфликта в обществе значительно облегчается в случае доказательства незаконности тех или иных структур, учреждений, привилегий, норм. Разрушение легитимности того или иного политического режима является, как показывает опыт всех революций, необходимым условием его свержения. Напротив, динамичная политическая система делает все возможное для того, чтобы не допустить подрыва своей легитимности. Действительно, прямое выражение вражды к определенному лицу или группе становится источником разочарования. Поэтому возникает идея перенесения этих враждебных чувств на какой-либо заместитель – эрзац-объект. Таким образом осуществляется снятие напряжения, которое в себе самом подавляет возможность освобождения.

Из этого следует, что во всяком обществе необходимы институты, аккумулирующие напряжение – социальное недовольство, выражающие его в четких понятиях или наоборот, модифицирующие и направляющие в русло, удобное и удобное для данного режима. Речь идет о своеобразной системе клапанов, призванных выпускать социальное недовольство. Некоторые исследователи интерпретируют исходя из этого различные религиозные ритуалы, обычаи древности, а также современную массовую культуру, которая с этой точки зрения оказывается своеобразным средством выхода сильно табуированных враждебных импульсов, свойственна сознанию масс. Исходя из этого, можно констатировать, что подобный управляемый конфликт служит для стабилизации системы путем ее обновления и восстановления.

Рассматривая значение конфликта для позитивных социальных изменений, поступательного движения общества, мы должны признать, что такую роль выполняют не все конфликты, а лишь те из них, которые не затрагивают основ существования данной социальной системы – общества в целом, его целей, ценностей и интересов. В этом случае конфликт становится механизмом, через который осуществляется приспособление общества к меняющимся условиям, а значит – источником движения. В политических системах он служит также уравновешиванию власти в системе.

Мы видели, что всякая политическая система может существовать лишь постольку, поскольку имеет четкий механизм управления и власти. Перераспределение власти, необходимое в интересах поддержания баланса системы, может осуществляться как на конфликтной, так и на бесконфликтной основе, однако элемент противоречия здесь имеет место. Бесконфликтность означает не отсутствие конфликта как такового, а его

институционализацию, превращение в управляемый процесс, в ходе которого возникают наиболее приемлемые для общества политические решения. В демократических социальных системах, где многочисленные социальные конфликты, возникающие на различной основе и по разным параметрам социальной стратификации, перекрещиваются между собой, они взаимно ослабляют друг друга. Это предотвращает глубокий социальный раскол, ставящий общество на грань гражданской войны.

Подробное рассмотрение конфликта, проведенное нами с целью определения его места в процессе социальных изменений, ставит нас перед другой весьма актуальной проблемой – социального регулирования. Как было показано в основных главах исследования, общество на всем протяжении своего существования предусматривало и непрерывно воспроизводило те структуры и элементы социального контроля, которые были необходимы для его динамичного существования в качестве единой системы отношений. В этом контексте мы и интерпретировали историю развития формальных организаций, прежде всего бюрократии, основные этапы ее развития по пути рационализации.

Следует отметить, что проблема социального регулирования является одной из важнейших для всякого общества и неизменно привлекала внимание политической социологии. Большое значение ей придавали, как мы видели, мыслители прошлого. Но особенно актуальна она стала в новейшее время, точнее после первой мировой войны, когда в полной мере начала осуществляться практика планируемых социальных изменений. Попытавшись впервые в полной мере осмыслить эту проблему, К. Маннгейм констатировал всеобщий характер тенденции к усилению государственного контроля над экономикой, социальными от-

ношениями и культурой. Как и Вебер, он увидел в этом страшную опасность для гармонического развития общества, свободы индивида. В отличие от Вебера, который мог рассуждать об этой закономерности лишь чисто теоретически, Маннгейм пытался сравнивать ее выражение и проявление в двух основных типах политических систем современности – тоталитарной и демократической. Демократии, считал он, еще не нашли формулу для определения того, какие аспекты социального процесса могут быть контролируемы путем регулирования, а диктатуры – не осознают того факта, что вмешательство во все сферы жизни еще не есть планирование. Планирование социальных отношений имеет смысл лишь тогда, когда оно опирается на творческие тенденции в обществе, т.е. обладает способностью контролировать живые силы, не подавляя их, но не сдерживать их инициативы. С такой постановкой проблемы было связано неприятие обоих, данных историей, моделей социального регулирования, как тоталитарной так и демократической (в ее традиционном восприятии), поиск третьего пути. Сознательно отталкиваясь от той модели планирования, которую он мог наблюдать в тоталитарном государстве, ученый обосновывал особый демократический его вариант. Эта модель основывалась на научном подходе к разрешению социальных кризисов, компромиссе сторон с различными интересами, постепенном достижении консенсуса между ними. Разжигание конфликта в современном обществе имеет непредсказуемые последствия и может кончиться уничтожением борющихся сторон. Отсюда необходимость поиска взаимоприемлемых решений путем диалога, создание для этого необходимых гарантий в обществе.

Выбор между демократией и тиранией есть в данной перспективе избрание не целей, но средств движения

вперед, использования достижений науки и техники. Социальное регулирование должно стремиться к сохранению живых проявлений человеческой цивилизации, а не к всеобщему конформизму и единому среднему уровню. Однако материальные средства такого развития – социальная техника – диктуют свои условия обществу. Даже такой социальный порядок, который покоится на прочных основаниях права и законности, может со временем стать жертвой бюрократии в результате капитуляции его граждан перед рационализацией всех сторон деятельности. Что же касается тоталитарных систем, где монополия на социальную технику является уделом узкого круга лиц, то здесь данная тенденция проявляется еще более заметно. В результате возникает поразительное несоответствие между задачами, поставленными историей перед обществом и теми средствами, которыми оно располагает для их решения. Крайне низкий уровень политического сознания масс с одной стороны, и необычайно сильная концентрация власти в руках немногих, с другой, становятся теми полюсами, между которыми размещается весь спектр авторитарных режимов XX в. Социологическая мысль нашего времени упорно бьется над проблемой разработка разумного и гуманного общества, которое в то же время могло бы быть хозяином своего будущего. Это предполагает контроль социальной системы над техникой управления, создание соответствующих институтов.

Понятие института имеет две основных интерпретации. Первая из них, более классическая и восходящая к традициям правовой науки прошлого, понимает под ним установленные социальные формы. Для этого понимания свойственно рассмотрение института как деперсонифицированного и коллективного социального феномена, обладающего постоянством, преимущественно-

стью своего существования и стабильностью. Всякое общество характеризуется наличием определенного порядка, организации, высшей по отношению к составляющим его группам и индивидам, благодаря которым достигается его интеграция и единство. Институты есть выражение и гарантия этого процесса. Получив возможность самостоятельного существования, соорганизовавшись и отделившись от породившей их воли, эти институты начинают навязывать свои законы обществу, моделируя соответствующим образом его материал и мышление. Задуманные таким образом, институты обобщают реальности различной природы: с одной стороны нормы и обязанности поведения, в первую очередь те из них, которые регулируются правом; с другой стороны, организованные группы, суть которых состоит в осуществлении процесса обучения и социализации. Данная концепция, концентрирующаяся собственно на «институте», основывается на идее о том, что он представляет собой автономное целое, специфическое единство, описать которое можно в категориях организации, функционирования, истории их складывания.

Указанная концепция института, традиционно господствовавшая в общественных науках, в последнее время все более активно подвергается критике за то, что недостаточно объясняет возникновение и развитие институтов, иначе говоря – сам процесс институционализации. Институт, согласно представлениям сторонников нового подхода, более не должен рассматриваться как некоторая определенная данность, но как диалектический процесс, разрешающий противоречие или постоянно возникающее напряжение между «институтированным» и «институционализирующимися». Установившиеся уже формы не остаются постоянными, но постоянно видоизменяются – подтачиваются, разрушаются, деструктурируются – под

воздействием сил институционализации. Институт перестал, следовательно, быть достигнутой, завершенной тотальностью, стабильной и гомогенной, но оказался постоянным процессом тотализации. Перестав быть «предметом» он стал «практикой». Она не может быть схвачена в своей сущности, в своем внутреннем содержании и существует только как постоянная перестройка социальных форм, как перманентный процесс становления и снятия. Этот диалектический процесс может анализироваться на многих уровнях. В современной социологии большое внимание уделяется, поэтому, эвристическим проблемам. Основное противоречие, которое носит фундаментальный гносеологический характер и нуждается в разрешении, состоит в том, что процесс социального развития является непрерывным, но для его научного анализа он должен быть искусственно расчленен, представлен в виде ряда статических состояний, которые позволяют осуществлять измерение, а также проверку полученных данных. Поэтому в науке постоянно происходит столкновение, противодействие двух основных подходов, схем, интерпретационных моделей – статической и динамической. Мы продемонстрировали их соотношение на примере объяснения институциональной структуры общества, которая, как было показано, может быть представлена с одной стороны, в виде интегрированной системы относительно стабильных замкнутых образований – институтов, а с другой – как процесс их изменения – движения от одной позиции к другой.

Сравнивая эти две модели между собой, мы обнаруживаем, что каждая из них имеет несомненные преимущества. Первая (статическая) показывает механизм работы такого сложного образования как институциональная система, имеет дело с такими понятиями как подразделение уровней управления, каналы коммуни-

каций, процесс принятия решений. Вторая (динамическая) – объясняет процесс институционализации, понимаемый при этом весьма широко как становление и развитие основных структурообразующих признаков общества в прошлом, настоящем и будущем. Речь идет, напр., о том, каким образом в результате разделения труда и дифференциации функций возникает социальная стратификация, которая имеет тенденцию к своему закреплению в определенных общественных установлениях – институтах. Все дальнейшее развитие общества предстает, далее, как непрерывное движение институтов, переход их из одного состояния в другое, возникновение и разрушение определенной иерархии между ними, того, что получило название институциональной архитектуры. Можно, далее, говорить и о стратификации институтов, уровнях их компетенции, функционирования и полномочий. Все это позволяет определять место каждого данного института в общественной системе, степень его власти и могущества, проявляющихся в возможности воздействия на социальные отношения.

Подходя с этой точки зрения к проблеме власти, мы обнаруживаем, что ее средоточием является в любом обществе ряд институтов, социальных групп и индивидов, играющих решающую роль в управлении. Как было показано ранее, на протяжении всей человеческой истории кооперация людей для осуществления известных целенаправленных усилий коллективного характера неизбежно приобретала форму определенной организации, причем эта последняя всегда стремилась стать формальной, т.е. получить соответствующий статус, престиж и власть, которые были бы закреплены в праве, системе правил и предписаний. На этом основан, по нашему мнению, постоянно идущий в истории процесс рационализации социальных отношений,

структур и институтов. Речь идет об эволюции общественных форм в направлении их большей эффективности, которая достигается, во-первых, за счет лучшего соответствия этих форм внешним условиям (среда обитания), во-вторых, за счет роста их взаимосвязи внутри самой социальной системы, в-третьих, увеличения их соответствия тем задачам, которые ставит общество, а также выполнения функций учета, контроля и мобилизации ресурсов на их разрешение. Такая эволюция осуществляется путем селекции тех общественных форм и институтов, которые наиболее соответствуют задачам рационализации, модернизации и интенсификации управления. Возникающие время от времени конфликты между старыми, традиционными формами и новыми рациональными – разрешаются в глобальной исторической перспективе в пользу последних.

Особенно четко этот процесс проявляется в новое и новейшее время, когда, в условиях растущей интеграции мировых отношений, отставание в экономической, социальной и политической областях стало оборачиваться для многих стран и народов угрозой потери национального суверенитета. Исторически, модернизация есть процесс изменения общества в направлении создания такой передовой экономической и социально-политической системы, которая получила развитие в Западной Европе и Северной Америке в XVII–XIX вв. и распространилась затем на другие страны Европы, Латинской Америки, Азии и Африки. Важно отметить, однако, что в современной социологической литературе модернизация получает далеко не однозначные трактовки. Наряду с ее пониманием как единого линейного процесса, в принципе тождественного рационализации или во всяком случае являющегося ее проявлением в новое в новейшее время, высказана и другая точка зрения, согласно которой следует гово-

речь о множественности процессов рационализации и модернизации. Мировая история предстает в этой перспективе как непрерывное столкновение и соревнование различных моделей или путей рационализации и модернизации. Исходя из этого, само явление модернизации или «осовременивания» не следует рассматривать лишь как относящееся к новому времени: оно представляет собой скорее циклический феномен мирового исторического процесса, нежели линейную переменную или константу. Мировой исторический процесс характеризуется волнообразным движением модернизации, равно как и циклическими изменениями эпицентров модернизации или тех наиболее передовых цивилизаций, которые в данную эпоху воплощают социальный прогресс и становятся, поэтому, олицетворением «современности», противостоящим предшествующим, традиционным порядкам. Вообще циклические теории социальной эволюции вновь прокладывают себе путь в современной науке. Указанные размышления приводят исследователей к возможности рассмотрения данной категории – «современность» – как структурной основы разрывов преемственности или нововведений в различных сферах общественной жизни, напр., способов приобретения знаний, социальной организации, технологии производства, эстетического отображения действительности и т.д. Более того, эпицентры модернизации в одном или нескольких обществах – относительно немногочисленны в мировом историческом процессе, причем ничто не гарантирует длительность того времени, в течение которого данный эпицентр остается действующим. Все это приводит к тому, что модернизация является свойством всей человеческой истории (а не только того ее отрезка, который получил название Нового времени) и начинается одновременно с осознанием

человеком исторического процесса; само это осознание ознаменовало революцию в человеческом мировосприятии и, следовательно, имело место на относительно высокой стадии развития в прошлом.

Какую бы теорию изменения мы не приняли за основу – линейную, циклическую или объясняющую эволюцию как спираль, следует признать, что в новое время процесс модернизации приобрел ряд характерных черт, которыми он не обладал в предшествующий период.

К их числу относятся прежде всего необыкновенное расширение территориальных масштабов модернизации, охвативших в настоящее время весь мир, во-вторых, степень участия в них широких масс населения, практически всех его слоев; в-третьих, степень интенсивности процессов изменения, во многом обусловленная научно-технической революцией.

Процесс модернизации также не может рассматриваться как совершенно неизменный даже на ограниченном отрезке времени новой истории. Специалисты выделяют в нем ряд основных фаз или этапов, различающихся друг от друга силой проявления указанных выше черт. Одни говорят о двух основных фазах модернизации – ограниченной или неполной и завершенной или полной. Другие выделяют три фазы, в ходе которых общество превращается из традиционного (фаза А) в индустриальное (фаза С), через промежуточную стадию (фаза В), которая представляет собой ни что иное, как внутренне противоречивое и неустойчивое единство двух систем, переходное состояние от одной к другой. Основными структурными характеристиками каждой из фаз выступают такие показатели как уровень связей между основными компонентами политической системы на разных стадиях ее изменения, шкала нововведений в различных областях, изменение

иерархии институтов, организаций и лидеров движения, степень государственного вмешательства в управление. Так напр., на первой фазе процесса преобразований лидеры идут впереди народа, на второй они идут вместе с ним; на третьей – начинают отставать от него. Данный метод изучения социальной динамики (по фазам развития) вообще представляется весьма перспективным для понимания природы социальных изменений, прежде всего таких крупных как рационализация, модернизация, революция. Он позволяет, в частности, проанализировать политическое развитие многих современных государств.

Одним из следствий такого развития повсеместно становится необходимость мобилизации ресурсов, их активного перераспределения в интересах национального развития, наличие соответствующего регулирующего механизма. Если взглянуть на эти процессы с точки зрения социологии изменения, то очевидно станет, что важнейшей их пружиной и внешним проявлением является меняющийся характер отношений между обществом и государством, массами и бюрократией, возникновение особой модернизированной элиты. Стремление преодолеть отсталость часто приводят к появлению авторитарных режимов, регламентирующих жизнь общества и подавляющих права индивида во имя достижения перспективных национальных задач.

Данные изменения, осуществляемые по плану, предполагают, в свою очередь, экспансию рационально организованной бюрократии. Мы проанализировали развитие бюрократии в широкой сравнительно-исторической перспективе, раскрыли причины ее появления, консолидации в особый социальный слой, тенденции дальнейшей эволюции. Проведенный анализ показал как общность свойств данного социального

слоя на всем протяжении его существования, вытекающих из его роли в осуществлении управления, так и специфики на различных этапах, связанной с постепенностью разворачивания рационализации. В новое время бюрократизация достигла наивысшей степени, а индивид оказался, говоря словами Вебера, запертым в железную клетку.

Если ранее, в эпоху так называемой либеральной демократии, правящая элита рекрутировалась из самых широких слоев правящего класса, то в последующее время развитие рационализации повысило значение специальных знаний и роль экспертов, специально тренированных в какой-либо узкой сфере деятельности. Как показали Маркс и Вебер, каждый шаг в концентрации контроля над материальным производством, а также принятием решений в экономической, политической, и военной сфере означал неуклонное усиление позиций бюрократии в целом и небольшого отделившегося от нее меньшинства бюрократической элиты, в частности. Таким образом, благодаря чисто практическим причинам – росту сложности управления и необходимости для этого специальных знаний – власть все более стала переходить от традиционных привилегированных слоев к элитным группам нового типа, состоящим главным образом из профессиональных политиков, инженеров, администраторов. Рука об руку с этой монополизацией знаний идет концентрация административной активности бюрократии, которая начинает все более отделяться от других социальных стратов. Основное различие в политической организации прошлого и современной эпохи состоит, однако, не только и не столько в появлении более четкого разделения труда, формировании новых групп внутри правящей элиты и росте ее эффективности. По своим следствиям для политического процесса основное зна-

чение имеет сам факт появления рационально организованной бюрократии, превратившейся в наиболее обособленный и влиятельный слой современного общества. Выступая посредником между борющимися классами современного общества или вступая в союз с одним из них, бюрократия при всех обстоятельствах сохраняет свою монополию на власть. С течением времени бюрократия все более пытается замкнуть свои рамки для аутсайдеров и даже стремится сделать наследственными свои должности и связанные с ними привилегии. Эта тенденция проявляется особенно четко в авторитарных режимах, где отсутствует контроль над бюрократией со стороны общества, а технический аппарат экономической, политической и военной власти безраздельно находится в ее руках.

Говоря о тенденциях развития современного общества, мы в качестве характерной его черты определили меняющийся характер отношений элитных групп с массами. Как известно, положение элитных групп в любом обществе совершенно обособленно, автономно. Это не значит, однако, что между ними и массами не существует определенных взаимосвязей. Совсем напротив, нормальное функционирование политической системы предполагает четкое взаимодействие всех ее элементов, как по горизонтали, так и по вертикали. Вся иерархия уровней системы подразумевает наличие разделений между управляемыми и управляющими, между периферией и центром определенных переходных или промежуточных структур, которые позволяют осуществлять контроль и реализовать функции власти в рамках системы в целом. Переход от либеральных демократий прошлого к современному массовому обществу как в демократическом, так и в тоталитарном его обличии, сопровождавшийся выходом на историческую арену широких масс, неподготовленных к участию в политике,

привел к разрушению этих промежуточных структур, сделав всю систему управления более грубой и примитивной. В этих изменившихся условиях социальные процессы, ранее благоприятствовавшие появлению во главе общества творческих элит, соответствующей политической селекции, стали приводить к совершенно обратным результатам, ставя у руля правления самые темные силы.

В современной социологии традиционной темой дебатов стал вопрос о том, насколько совместим с демократией сам факт существования элитных групп. Известно, что из классической теории элиты вообще следует невозможность демократии в чистом виде. Всякая демократия осуществляется, согласно данному взгляду, обособленной группой людей, которым делегируются для этого определенные полномочия. В результате она перестает быть подлинной демократией, уступая место олигархии избранного меньшинства. В современной социологии существуют вполне авторитетные сторонники такой точки зрения. В ней можно найти, однако, и обратный тезис. Развитие демократии, согласно данной точке зрения, становится возможным в результате растущего соперничества различных элитных групп, составлявших некогда одну монолитную элиту.

Данный процесс плюрализации элит имеет своей основой растущую сложность управления, необходимость более широкого привлечения к нему специалистов, соответствующую дифференциацию и профессионализацию элитных групп. Таким образом демократия может быть обеспечена не только и не столько путем разделения властей, сколько путем разделения элит, конкуренции различных групп власть имущих, их борьбы за власть и влияние в обществе.

Если рассматривать ее в контексте теории социальных изменений, демократизация общества в перспективе предстает не как расширение представительства масс, которое далеко не беспредельно, а прежде всего как формирование особого квалифицированного правящего класса, для которого свойственен ряд основных черт. Это прежде всего растущее число элитных групп с параллельным уменьшением их власти; разрушение исключительности их статуса в глазах общества, то есть превращение из привилегированных в профессиональные; наконец, изменение качественного состава этих элитных групп, в котором должны преобладать ученые – специалисты в области экономики, политики, права и т.д., а не функционеры традиционного типа. Демократизация социальных отношений снизу, и их рациональная организация сверху позволят избежать крайностей в ту или другую сторону и обеспечить условия для социального прогресса.

Таким образом, рассмотрение основных проблем социологии в перспективе развития общества позволяет лучше понять их место в современной социологической теории.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Барбер Б. Структура социальной стратификации и тенденции социальной мобильности // Американская социология. М., 1972.

Беккер Г., Босков А. Современная социологическая теория в ее преемственности и изменении. М., 1961.

Блау П. М. Исследования формальных организаций // Американская социология. М., 1972.

Бухарин Н. И. Избранные труды. Л., 1988.

Вебер М. Исторический очерк освободительного движения в России. Киев, 1906.

Государство в странах капиталистической ориентации. М., 1982.

Гэлбрейт Дж. Новое индустриальное общество. М., 1969.

Демидова Н.Ф. Служилая бюрократия в России XVII в. и ее роль в формировании абсолютизма. М., 1987.

Дюркгейм Э. Метод социологии. Киев, 1899.

Зайончковский П. А. Правительственный аппарат самодержавной России в XIX в. М., 1978.

Зиммель Г. Социальная дифференциация. Социологические и психологические исследования. М., 1909.

Каждан А. П. Социальный состав господствующего класса Византии XI–XII вв. М., 1974.

Карбонье Ж. Юридическая социология. М., 1986.

Кистяковский Б. А. Социальные науки и право. М., 1916.

Ключевский В. О. История сословий в России. Пг., 1918.

Ковалевский М. Социология. Спб., 1910, т. 1-2.

Кун Т. Структура научных революций. М., 1977.

Липсет С. М. Политическая социология // Американская социология. М., 1972.

Маркс К. Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта // Маркс К., Энгельс Ф. Соч. – 2-е изд. – Т. 8.

Математика в социологии. Моделирование и обработка информации. М., 1977.

Медушевский А. Н. Гегель и государственная школа русской историографии // Вопросы философии. М., 1988, № 3.

Медушевский А. Н. Государственный строй России периода феодализма. М., 1989.

Медушевский А. Н. Источники о формировании бюрократии в России // Источниковедение отечественной истории. М., 1989.

Медушевский А. Н. Реформы Петра Великого в сравнительно-исторической перспективе // Вестник высшей школы. М., 1990, № 2.

Медушевский А. Н. Российское государство XVII–XVIII вв. в освещении современной немарксистской историографии // История СССР. М., 1988, № 3.

Миллс Р. Властвующая элита. М., 1972.

Милюков П. Н. Очерки по истории русской культуры. Спб., 1909, ч. 1-3.

Общество, элита и бюрократия в развивающихся странах Востока. М., 1974.

Ортега-и-Гассет Х. Восстание масс // Вопросы философии. М., 1989, № 3-4.

Острогорский М. Демократия и политические партии. М., 1927–1930, т. 1-2.

Паркинсон С. Н. Законы Паркинсона. М., 1989.

Парсонс Т. Общетеоретические проблемы социологии // Социология сегодня. М., 1955.

Политическая система общества в Латинской Америке. М., 1982.

Пэнто Р., Гравитц М. Методы социальных наук. М., 1972.

Реформы второй половины XVII–XX вв.: Подготовка, проведение, результаты. М., 1989.

Риккерт Г. Границы естественно-научного образования понятий. Логическое введение в исторические науки. СПб., 1903.

Селигмен В. Основные течения современной экономической мысли. М., 1968.

Сови А. Общая теория населения. М., 1977, т. 1-2.

Сорокин П. А. Система социологии. Пг., 1920, т. 1-2.

Тураев Б. А. История древнего Востока. М.-Л., 1936, т. 1-2.

Центральный аппарат государственного управления капиталистических стран. М., 1984.

Чичерин Б. Н. Курс государственной науки. М., 1898, ч. 3.

Шмидт С. О., Гутнова Е. В., Исламов Т. М. Абсолютизм в странах Западной Европы и в России (опыт сравнительного изучения) // Новая и новейшая история. М., 1985, № 3.

Albertoni E.A. Mosca and the Theory of Elitism.- Oxford, 1987. – XVII, 194 p.

Almond G.A. Political Development. Essays in Heuristic Theory. – Boston, 1970.

Anderson P. Lineages of the Absolutist State. – L., 1974.

Angold M. The Byzantine Empire 1025-1204. A Political History. – L., 1984.

Apter D. E. Introduction to Political Analysis.- Cambridge (Mass), 1977.

Arendt H. The Origins of Totalitarianism. – N.-Y., 1966.

Armstrong J.A. The European Administrative Elite. – Princeton, 1973.

Asian Bureaucratic Systems. Emergent from the British Imperial Tradition. – Durham, 1966.

Aspekte des europäischen Absolutismus. – Hildesheim, 1979.

Authoritarian Politics in Modern Society. The Dynamics of Established One-party Systems. – N.-Y., 1970.

Barber B. Social Stratification. – N.-Y., 1957.

Baudin L. A Socialist Empire. The Incas of Peru.-Princeton, 1961.

Beginnings of Modernization in the Middle East. The Nineteenth Century, – L., 1968.

Beloff M. The Age of Absolutism. 1660-1815. – L., 1966.

Bendix R. Kings or People. Power and the Mandate to Rule. – Berkeley, 1978.

Bennasar B. Un Siècle d'Or espagnol (Vers 1525-vers 1648). – P., 1982.

Black C.E. The Dynamics of Modernization. A Study in Comparative History – N.-Y., 1966.

Blondel .F .Comparing Political Systems. – N.-Y., 1973.

Bolitho K. Treasures Among Men. The Fudai daimyo in Tokugawa Japan, New Haven, 1974.

Bottomore T. Elites and Society. – Harmondsworth, 1976.

Bottomore T. Political Sociology. – L., 1979.

Brennen G., Buchanan J.M. The Reason of Rules: Constitutional Polit-economy. – Cambridge, 1985.

Bureaucratic Corruption in Sub – Saharen Africa: Toward a Search for Causes and Consequences. – W., 1979.

Bürokraten in der Bundesrepublik Deutschland. – Köln, 1974.

Buss A. E. Max Weber and Asia. Contribution to the Sociology of Development. – München, 1985.

Caiden G.E. The Commonwealth Bureaucracy. – Melburne, 1967.

Callaghy T. H. *The State-Society Struggle*. – N.-Y., 1984.

Catlin G. *The Science and Method of Politics*. – Hamden, 1964.

Changing Perspectives in Contemporary Political Analysis. Readings on the Nature and Dimensions of Scientific and Political Inquiry. – N.J., 1971.

Chevallier J. *Eléments d'analyse politique*. – P., 1985.

Chilcote R.H. *Theories of Comparative Politics: The Search for a Paradigm*. – Boulder (Col.), 1981.

Comparative Methods in Sociology. Essays on Trends and Application. – Berkeley, 1971.

Comparative Politics in the Post-behavioral Era. – Boulder, 1988.

Continuities in Structural Inquiry. – L., 1981.

Coser L.A. *Theorie Sozialer Konflikte*. – B., 1965.

Crosier M. *Le phénomène bureaucratique. Essai sur les tendances bureaucratiques des systèmes d'organisation modernes et sur leurs relations en France avec le système social et culturel*. P., 1963

Dahl R.A. *Polyarchy. Participation and Opposition*. – Hew Haven, 1971.

Dahrendorf R. *Class and Class Conflict in Industrial Society*. – Stanford, 1965.

Dahrendorf R. *Conflict and Contract. Industrial Relations and the Political Community in Times of Crisis*. – Liverpool, 1975.

Der Aufgeklärte Absolutismus. – Köln, 1974.

Leutsch K.W. *Politics and Government. How People Decide Their Fate*. – Boston, 1974.

Die Diener des Staates: Das bürokratische System Österreichs. – Wien, 1977.

Dogan M., Pelassy D. *Sociologie politique comparative: problèmes et perspectives*. – P., 1982.

- Dunleavy P., O'Leary B. Theories of the State. The Politics of Liberal Democracy. – N.-Y., 1987.
- Duveger M. Sociologie politique. – P., 1968.
- Dworkin. Taking Rights Seriously. – Cambridge (Mass), 1977.
- Easton D. Analyse du système politique. – P., 1974.
- Easton D. A Framework for Political Analysis: With a new pref. – Chicago, 1979.
- Eisenstadt S. N. Modernization: Protest and Change. – N.J., 1966.
- Elton G.R. England under the Tudors. – L., 1974.
- Fenske H.. Bürokratie in Deutschland. Vom Späten Kaiserreich bis zur Gegenwart. – B., 1985.
- Findley C.V. Bureaucratic Reform in the Ottoman Empire. The Sublime Porte.1789-1922. – Princeton, 1980.
- Fontana L.J. La quiebra de la monarquía absoluta. 1814-1820. – Barcelona, 1974.
- Friedrich C.J. Man and his government. – N.-Y., 1963.
- Glykatzi- Ahrweiler H. Recherches sur l'Administration de l'Empire Byzantin aux IX-XI siècles. – P., 1960.
- Gould D.J. Bureaucratic Corruption and Underdevelopment in the Third World: The Case of Zaire. – N.-Y., 1980.
- Coyal S. Bureaucratic Administration in India. – Allahabad, 1985.
- Gurvitch G. Traité de sociologie. – P., 1968.
- Gurvitch G. La vocation actuelle de la sociologie. – P., 1968.
- Habermas J. Kleine politische Schriften. - Frankfurt a-M., 1981.
- Hagen V.W. The Ancient Sun Kingdoms of Americas. – N.-Y., 1961.
- Handbook of Political Theory and Policy Science. – N.-Y., 1998.

Hartung P. Mousnier R. Algunos problemas a la monarquía absoluta. – Buenos Aires, 1961.

Hayek F.A. The Principles of a Liberal Social Order // Studies in Philosophy, Politics and Economics. – L., 1967.

Hekman S.J. Max Weber and Contemporary Social Theory. – Oxford, 1963.

Hellbling E.C. Österreichische Verfassungen und Verwaltungsgeschichte. – Wien, 1974.

Helm P.J. England under the Yorkists and Tudors. 1471-1603. – L., 1972.

The Inca and Aztec States, 1400-1800: Anthropology and History. – N.-Y., 1982.

Japan in Transition from Tokugawa to Meiji. – Princeton, 1986.

Jonson J.B., Joslyn R.A. Political Science Research Methods. – W., 1986.

Kronman A.T. Max Weber. – Stanford, 1983.

Landau M. Political Theory and Political Science. Studies in the Methodology of Political Inquiry. – N.J., 1972.

Lasswell H. D. Power and Personality. – N.-Y., 1976.

Leadership and Bureaucracy in Developmental Process. – New Delhi, 1985.

Levy M. B. Political Thought in America: An Anthology. – Ch., 1988.

Lipset S.M. Revolution and Counterrevolution. Change and Persistence in Social Structures. – N.-Y., 1968.

Lum P. Six Centuries in East Asia. China, Japan and Korea from the 14th century to 1912. – N.-Y., 1973.

Macridis R.C. Modern European Governments. Cases in Comparative Policy Making. – N.J., 1968.

Mahajan V.D. India since 1526. – Delhi, 1971.

Mannheim K. Systematic Sociology. An Introduction to the Study of Society. – L., 1959.

The Mandarins of Western Europe. The Political Role of Top Civil Servants. – Beverly Hills, 1975.

Markovitz I.L. Power and Class in Africa. An Introduction to Change and Conflict in African Politics. – N.-Y., 1982.

Marsh R. Comparative Sociology. A Codification of Cross-societal Analysis. – N.-Y., 1967.

Mayntz R., Scharpf F.W. Policy-making in German Federal Bureaucracy. – Amsterdam, 1975.

Megner K. Beamte: Wirtschafts-und sozialgeschichte. Aspekte des K.K. Beamtentums. – Wien, 1985.

Methoden der Politologie. – Darmstadt, 1967.

Merton R.K. On Theoretical Sociology. Five Essays, Old and New. – N.-Y., 1967.

The Modernization of Japan and Russia. A Comparative Study. – L., 1975.

Mommsen W. The Age of Bureaucracy. Perspectives on the Political Sociology of Max Weber. – Oxford, 1974.

Moore B. Social Origins of Dictatorship and Democracy: Lord and Peasant in the Making of Modern World. – Boston, 1966.

Mosca G. Scritti politici. – Torino, 1982.

Mousnier R. The Institutions of France under the Absolute Monarchy, 1598-1789. Soc. and the State. – Ch., 1979.

Nagei S.S. Policy Studies: Integration and Evolution. – N.Y., 1988.

Pareto V. Compendium of General Sociology. – N.-Y., 1980.

Parker D. The Making of French Absolutism. – L., 1983.

Parsons T. Social Systems and the Evolution of Action Theory. – N.-Y., 1977.

Parsons T. Sociological Theory and Modern Society. – N.-Y., 1967.

Perspectives in the Study of Politics. – Ch., 1968.

Political and Social Change in Modern Egypt. Historical Studies from the Ottoman Conquest to the United Arab Republic. – L., 1968.

Popper K.R. Die offene Gesellschaft und ihre Feinde. – München, 1975.

Prisching M. Krisen: Eine soziologische Unters. – Wien, 1986.

Psychopedis K. Geschichte und Methode: Begründungstypen und Interpretationskriterien der Gesellschaftstheorie: Kant, Hegel, Marx und Weber. – Frankfurt a.M., 1984.

Putnam R.D. The Comparative Study of Political Elites. – N. J., 1976.

Raeff M. Comprendre l'ancien Régime Russe. – P., 1982.

Redford D.B. Akhenaten: The Heretic King. – Princeton, 1984.

Readings in Social Evolution and Development. – Oxford, 1970.

Riggs F.W. Administration in Developing Countries. The Theory of Prismatic Society. – Boston, 1964.

Rosenberg H. Bureaucracy, Aristocracy and Autocracy. The Prussian Experience. 1660-1815. – Cambridge(Mass), 1958.

Rossi P. Vom Historismus zur historischen Sozialwissenschaft: Heidelberger Max Weber – Vorlesungen 1985. – Frankfurt a. M., 1987.

Roth D.F., Wilson F.L. The Comparative Study of Politics. – H.J., 1980.

Runciman W.G. Social Science and Political Theory. – Cambridge, 1963.

Russian Officialdom. – Chapel Hill., 1980.

Sartori G. The Theory of Democracy Revisited. – N.J., 1987.

Al-Sayyid Marsot A.L. Egypt in the Reign of Muhammad Ali. – Cambridge, 1984.

Schmidt G., Treiber H. Bürokratie und Politik. Zur Struktur und Funktion der Ministerial-bürokratie in der Bundesrepublik Deutschland. – München, 1975

Schumpeter J.A. Capitalism, Socialism and Democracy. – L., 1987.

Silberman B.S. Ministers of Modernization. Elite Mobility in the Meiji Restoration 1868-1873. – Tucson, 1964.

Sheriff P. Career Patterns in the Higher Civil Service. – L., 1976.

Sircar D.C. Studies in the Society and Administration of Ancient and Medieval India. – Calcutta, 1967.

Social Science Concepts: A Systematic Analysis. – Sage, 1984.

Sorokin P.A. Social and Cultural Mobility. – L., 1964.

Smith B.C. Bureaucracy and Political Power. – N.-Y., 1988.

Spear P. India. A Modern History. – Michigan, 1972.

Steinkemper B. Klassische und politische Bürokraten in der Bundesrepublik Deutschland. – Köln, 1974.

Stone L. The Crisis of the Aristocracy. 1558-1641. – Oxford, 1965.

Tenbruck F.H. Geschichte und Gesellschaft. – B., 1986.

Thuillier G. Bureaucratie et bureaucrates en France au XIX-e Siècle. – Geneve, 1980.

Totman C. The Collapse of the Tokugawa Bakufu, 1862-1868. – Honolulu, 1980.

Varley H.P. Imperial Restoration in Medieval Japan. – N.-Y., 1971.

Weber M. Wirtschaft und Gesellschaft. – Tübingen, 1925. – T. 1-2.

Wittfogel K.A. Oriental despotism. A Comparative Study of Total Power. – New Haven, 1957.

Yamamura K. A Study of Samurai Income and Entrepreneurship. Quantitative Analyses of Economic and Social Aspects of the Samurai in Tokugawa and Meiji Japan. – Cambridge (Mass), 1974.

СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ

БЮРОКРАТИЯ – социальный слой, непосредственно осуществляющий функцию управления обществом. Согласно классическому определению М. Вебера, бюрократия в наиболее завершенном ее выражении есть связующее звено между законодательной властью и подчиненными ей должностными лицами. Основными признаками рационально организованной бюрократической администрации являются следующие признаки: разработанная по единому плану четкая система правовых норм и административных правил деятельности институтов управления; формальная иерархия уровней управления, учреждений и работающих в них чиновников; высокая степень функциональной дифференциации административного аппарата; наличие вполне определенных принципов, регулирующих статус и материальное положение различных групп бюрократии, а также её продвижение по службе; существование более или менее выработанной корпоративной психологии бюрократии как особого социального слоя. Указанные черты бюрократической администрации возникли не сразу, а явились результатом длительной исторической эволюции. Как показал Вебер, для различных этапов эволюции государственности характерен различный уровень рациональности организации бюрократии, что проявляется в степени её специализации, дифференциации, иерархии, целевой ориентации, секуляризации и ряде других признаков.

Место бюрократии далеко не одинаково в общественных системах разного типа и находится в тесной зависимости от характера организации самих этих систем. Так, в тоталитарном обществе, где основным и едва ли не единственным средством социального

регулирования является государственный план, бюрократия всесильна и часто представляет собой фактически единственную привилегированную группу («новый класс» М. Джиласа). В демократическом обществе, для которого свойственно распыление и многообразие источников контроля, отсутствие монополии на них, бюрократия, при всем её могуществе, находится под несравненно большим социальным контролем.

Принимая за основу веберовскую концепцию бюрократии, современная наука, однако, пошла дальше нее. Основные критические замечания различных школ в адрес веберовской концепции можно свести к следующим основным тезисам. По мнению ряда ученых (Т. Парсонс, П. Блау и др.) Вебер, ставя в центр внимания функциональную полезность данного социального слоя – бюрократии, её роль в рационализации общественных отношений вообще и управления в частности, значительно меньшее внимание уделял собственно операционному аспекту, т.е. характеру деятельности бюрократии, что помешало ему раскрыть развитие и взаимодействие ее внутренних структур. Другие исследователи, стоящие на позициях структурно-функциональной школы (прежде всего Р. Мертон), подчеркивали тот факт, что у Вебера недостаточное внимание уделяется дисфункциональному аспекту и в результате допускается преувеличение рационализирующей природы бюрократии. На самом деле, полагали они, бюрократия – это не только инструмент рационализации общества, но и сила консервативного свойства, она может выступать не только за, но и против процесса поступательного развития общества в направлении к рациональной организации. Отсюда двойственная роль бюрократии в ходе крупнейших социальных преобразований: она может стимулировать реформы и, одновременно, выступать инициатором

контрреформ. В современной социологии обращалась внимание и на то обстоятельство, что известное преувеличение формальных структурных черт бюрократии приводит к недооценке поведенческого аспекта деятельности чиновничества, в частности в контексте социально-культурных и персональных компонентов. Кроме того, социологи-эмпирики указывали также на трудность применения веберовской модели на микроуровне исследования. Нам, как и многим другим современным ученым, представляется, что все высказанные замечания не позволяют, однако, говорить о появлении новой парадигмы в интерпретации бюрократии, а носят скорее характер дополнения к основной веберовской концепции бюрократии, которая остается доминирующей.

ВЛАСТЬ – это такая форма организации общественных отношений, которая при определенных условиях позволяет одному социальному элементу влиять на поведение другого. Природа власти, её распределение и функционирование в данном обществе или отдельных его структурах (государство, община, семья и т.д.) определяется главным образом его социальной стратификацией и основными тенденциями ее развития. Источник власти коренится, следовательно, в социальном неравенстве – неодинаковом положении классов, социальных групп и индивидов в обществе, которое ставит их в зависимое друг от друга положение. Возникающие на этой основе отношения господства и подчинения составляют сущность власти и выражаются в определенной иерархии уровней управления, осуществляющих его социальных слоев и учреждений, регулирующих поведение индивидов в соответствии с определенной системой ценностей, норм и предписаний. Важнейшим видом власти является политическая власть, представляющая собой спо-

способность класса, группы или индивида проводить свою волю за счет контроля над основными институтами государственного управления. Свое наиболее законченное выражение власть находит в бюрократии, которая осуществляет принятие решение и в то же время является основным инструментом управления

Являясь ключевым понятием политической социологии, власть традиционно становилась предметом внимания науки об обществе, а попытки ее определения имели место с древних времен. Мы находим их в классических трудах Аристотеля, Макиавелли, Монтескье, многих других мыслителей. Однако для большинства из них свойственно было обращение не столько к самой политической власти, сколько к отдельным ее внешним проявлениям: способу организации правления, интенсивности его воздействия на общество и индивида, направленности деятельности правителя, его искусству, способам достижения власти и т.д. Важнейшим итогом развития политической мысли нового времени и особенно XIX в. являлось осознание той истины, что власть представляет собой скорее определенное отношение различных социальных сил, прежде всего общества и государства, а потому не может быть понята как нечто самодеиствующее. Поворотным пунктом в этом отношении служит несомненно философия права Гегеля, исходившего из необходимости разграничения гражданского общества и государства, их диалектического взаимодействия в ходе истории. Отсюда был только один шаг к теории Маркса, интерпретировавшего политическую власть как продукт непримиримости социальных противоречий, результат и проявление классовой борьбы. В современной социологии большое распространение получила социология власти М. Вебера, согласно которому она может быть определена как возможность для того или иного

социального деятеля проводить свою волю в обществе, несмотря на оказываемое сопротивление. Важным преимуществом веберовского определения признается тот факт, что в нем, в отличие от всех предшествующих дефиниций, интерпретация власти предельно формализована и свободна от каких-либо оценочных суждений о ней, что дает возможность применять ее к объяснению социальных процессов и явлений самого различного уровня. Веберовская социология власти оказала весьма значительное влияние на ее интерпретацию в новейшей социологии в рамках структурно-функционального подхода. Общий смысл данного подхода состоит в том, чтобы поставить власть в контекст более крупной социальной системы, каковой является общество в целом, попытаться на этой основе дать собственно социологическую, а не политологическую модель власти. Анализ инфраструктуры системы власти – ее энергетического баланса, характера получения информации из внешнего мира, способов ее переработки и, наконец, выдачи решений, – позволяет определить эффективность власти в обществе, механизм ее функционирования, раскрыть процесс принятия решений.

Данный подход лежит в основе технологии отношений власти по различным уровням и критериям ее функционирования в обществе. Наиболее распространенными из них в современной социологии являются – легитимность (способ обеспечения консенсуса между властью и обществом, узаконивания власти в глазах общества), природа используемых властью санкций – позитивных или негативных (награды или кары), степень интенсивности этих санкций (от применения насилия до почти полного отсутствия всяких санкций), а также средства или каналы коммуникаций, которые власть использует для проведения своих решений в

жизнь. Указывают также на такие критерии как роль власти в распределении экономических ресурсов, различная мотивация поведения, а также источники функционирования и достижения определенных целей. Исходя из этого проводится многофакторное определение различных носителей власти.

ИНСТИТУТ – основной компонент всякой социальной организации. В современной социологической теории под институтами понимаются устойчивые формы организации социальных отношений, а также нормы и принципы их функционирования, которые упорядочивают деятельность индивидов с целью обеспечения стабильности социальной системы. К числу наиболее фундаментальных институтов общества относятся собственность, государство, право, семья, школа и т.д., обеспечивающие социализацию индивидов.

В силу того, что институты стремятся к сохранению и закреплению своего места, норм и символов в обществе, между ними становятся возможны и даже неизбежны конфликты, суть которых состоит в перераспределении в ходе меняющихся условий власти и влияния между отдельными институтами с целью сохранения баланса системы в целом. В результате резких изменений в обществе, напр., в ходе революций, может произойти существенная трансформация всей институциональной структуры, закрепляющей положение новых организаций, а также соответствующих социальных групп, интересов и ориентаций. Конфликт становится, таким образом, источником изменения институтов.

На основании этого многие современные ученые вообще предпочитают говорить не столько об институтах как данных, постоянных самостоятельных образованиях, сколько об институционализации, которая может быть определена как процесс постоянной

кристаллизации различных образований, организаций, норм, регулирующих процесс обмена в социальном организме. Иначе говоря, институционализация есть процесс диалектического развития институтов – отмирания старых и становления новых.

КОНФЛИКТ – столкновение сторон, возникающее из-за различия их положения в обществе и вытекающей отсюда реальной или мнимой противоречивости интересов, целей и ценностей. Конфликт становится результатом развития (обострения) противоречий между индивидами (внутригрупповой конфликт), социальными группами (межгрупповой конфликт) и, наконец, индивидами и социальными группами и разрешается путем протекающей в различных формах борьбы между ними, в ходе которой конфликтующие стороны стремятся к нейтрализации или даже уничтожению своих оппонентов для достижения желаемых целей. Потенциальная возможность конфликта содержится, следовательно, уже в самой природе общества, для которого характерно неравенство различных составляющих его классов, слоев, групп и отдельных индивидов по самым разнообразным параметрам. Концепция социального конфликта, поэтому, исходит из того, что все те измерения, по которым возможно проведение социальной стратификации – благосостояние, статус, престиж, национальная и религиозная принадлежность, пол, возраст и т.д. – при известных условиях становятся источником конфликтов различного уровня, характера и степени воздействия на общество.

На этой основе становится возможной типология конфликтов по данным направлениям. Конфликты могут быть подразделены на горизонтальные, (протекающие на одном уровне) и вертикальные (на разных уровнях). Эти последние подразделяются на те, кото-

рые проходят на микроуровне (когда охвачена вся система общественных отношений), среднем уровне (в рамках большого социального слоя или ключевого института) и, наконец, на микроуровне (отдельная группа, вплоть до самой мелкой ячейки общества – семьи). По своему характеру конфликты могут быть распределены на структурные (между различными структурными подразделениями системы), функциональные (когда имеется противоречие в функциях того или иного института) и структурно-функциональные (когда в результате изменений возникает несоответствие старых структур и новых функций). Можно, далее, указать на различную степень интенсивности конфликтов, проявляющуюся прежде всего в последствиях их воздействия на общество. Те из них, которые ведут к дестабилизации всей соответствующей системы и взаимному уничтожению борющихся сторон, следует признать антагонистическими. Наоборот, те, которые носят более частный характер и преодолеваются в ходе эволюционного развития – неантагонистические. Типология конфликтов позволяет создать карту общественных противоречий, раскрыть их взаимосвязь.

Проблема социального конфликта издавна привлекала внимание научной мысли. Особенно значительный вклад в ее разработку внес К. Маркс, учение которого вообще часто интерпретируется современной социологией как классическая теория социального конфликта на макроуровне. Прежде всего весьма перспективным представляются диалектический вывод о том, что общество само внутри своей структуры порождает антагонистические противоречия, ведущие к его трансформации. Во-вторых, в рамках данной теории ясно объясняется механизм всякого конфликта вообще, безотносительно к конкретной исторической ситуации его возникновения. Так, всякий конфликт проявляется

в появлении двух полярных начал, борьбе между ними, при которой одно отстаивает традиционный порядок вещей, будучи заинтересованно в нем, а другое, напротив, стремится к изменению этого порядка, завоеванию для себя более высокого статуса; одно, поэтому, обороняется, а другое – наступает. В-третьих, Марксу принадлежит одна из важнейших идей современной социологии о связи между социальной структурой и социальным изменением через социальный конфликт, который, таким образом, предстает как движущая сила изменений.

Однако, будучи разработанной применительно к определенной исторической эпохе (перехода от феодализма к капитализму), марксистская концепция конфликта не может быть принята без изменений в настоящее время, поскольку многие ее ключевые положения перестали соответствовать пережившейся действительности. Под влиянием исторического опыта своей эпохи Маркс несомненно преувеличил значение классового конфликта в истории общества, представив ее как непрерывное столкновение противоборствующих интересов. В результате он пришел к выводу, что единственный путь, при котором социальные конфликты производят радикальные социальные изменения есть путь революционного переворота.

Основной вклад М. Вебера в социологию конфликта вытекает из его теории рационализации. Известно, что Вебер был далек от представления об истории как едином процессе рационализации и связывал его главным образом с развитием европейских стран нового времени. Тем не менее, данное понятие использовалось им для типологии социальных процессов в целом, и для интерпретации социальных конфликтов, в частности. Согласно данному подходу, традиционной организации социальных отношений в истории всегда

противостоит более рациональное их устройство. На этой основе между ними возникает конфликт, который снимается в ходе социальных преобразований, административных реформ, изменения типа организации власти и лидерства. Наиболее полно торжество рационалистических начал проявляется в организации государственного управления и бюрократии, которая является одновременно и результатом процесса рационализации и, в то же время, важнейшим средством ее осуществления. Поэтому, в отличие от Маркса, считавшего, что с устранением экономических противоречий борющихся социальных классов исчезает источник угнетения и эксплуатации, Вебер высказывал предположение, что в условиях социалистического планового хозяйства экономическая и политическая власть сосредоточится в одних руках – бюрократии, в результате чего она получит практически неограниченную власть, а власть человека над человеком станет еще более значительной.

Для современной социологической теории характерно стремление к синтезу воззрений Маркса и Вебера на социальный конфликт, осуществляемому на основе системного или структурно-функционального подхода. При этом структурно-функциональный подход часто подвергается критике как раз за то, что он ограничивается указанием на существование конфликтов и их формальной типологией, не объясняя роли конфликтов в процессе исторического развития общества. В основе анализа социального конфликта в современном (индустриальном или постиндустриальном) обществе лежит идея об увеличивающемся разрыве между такими классообразующими признаками как собственность на средства производства и контроль над ними (Р. Дорендорф и Козер). Анализ современного общества с этой точки зрения позволяет во многом

объяснить расслоение традиционно существовавших (начиная с нового времени) трех больших классов – капиталистов, землевладельцев и рабочих. Для современного общества особенно характерным стало появление нового широкого социального слоя – менеджеров, специализирующихся на управлении производством и уже в силу этого обладающих значительной властью и влиянием, которые с развитием и усложнением техники, в перспективе имеют тенденцию к неограниченному росту. Бюрократизация повсюду ведет к отделению производителей от средств производства, порождая отчуждение. В результате такого развития общества традиционный социальный конфликт как столкновение антагонистических классов все более трансформируется в противоречия между обществом, с одной стороны и бюрократией – с другой.

Конфликт может оказывать как позитивное, так и негативное воздействие на развитие общества. С одной стороны, конфликт является источником и формой проявления социальных изменений, предотвращая стагнацию и окостенение социальных систем, стимулируя модификацию социальных отношений, структур и институтов. В этом смысле конфликт выступает как форма регулирования противоречивых интересов различных групп общества, способствует ликвидации напряженности в отношениях между ними. С другой стороны, конфликт представляет серьезную угрозу дестабилизации общества и может привести к катастрофическим последствиям – революциям, войнам, анархии. Влияние конфликта на социальную структуру может быть различным и во многом зависит от организации общества. В закрытом (тоталитарном) обществе с жесткими социальными делениями, конфликт протекает в более острых формах и имеет более разрушительные последствия, часто приводя к дестабилизации

всей системы отношений. В открытом плюралистическом обществе, где социальные перегородки менее жестки, существует значительное число промежуточных групп и институтов между ними, а каналы коммуникаций разветвленнее, конфликты менее разрушительны для системы в целом и протекают в менее острой форме. Существование разнообразных конфликтов различной степени интенсивности, пересекающихся между собой, приводит к их взаимному ослаблению и распылению, что способствует предотвращению раскола всего общества по какому-либо одному признаку. Наконец, существование и стабильное функционирование демократического процесса (выборов, парламентарных учреждений, плюрализма партий, наличие других форм социального контроля) создает реальную возможность правового регулирования и институционализации социальных конфликтов с целью их своевременного разрешения. Социальный конфликт становится управляемым.

КОНСЕНСУС – такое состояние настроений общества, при котором большая его часть пребывает в согласии по тем основным проблемам, которые могут породить социальный конфликт, а также способам их разрешения. Всякая социальная система, как известно, может существовать и динамично функционировать лишь в том случае, если составляющие её структуры, институты и индивиды находятся в известном единстве, взаимосвязи и взаимовлиянии. Данное свойство социальных систем выражается в преобладании в них интегрирующих начал над дезинтегрирующими, обеспечивает возможность согласия различных интересов, норм и ценностей в целях сохранения единства всего общественного организма. Социологическая наука не выработала единого взгляда на существо консенсуса, который интерпретируется различными учеными в

соответствии главным образом с тем, как понимают они природу и значение социального конфликта. В современной социологической теории понятие консенсуса поэтому чаще всего используется как антитезис понятию конфликта и может быть интерпретировано сходным образом, но с обратным знаком. Так, если конфликт является результатом роста противоречий, то консенсус возникает в результате согласия индивидов, групп и общества в целом. Как и конфликт, консенсус может быть обеспечен на разных уровнях и охватывать все общество (макро-уровень), какой-либо его слой (средний уровень) или небольшую группу (микро-уровень). В соответствии с этим наиболее важным для общества является достижение консенсуса по основным стратегическим направлениям его развития, конфликт в которых может привести к дестабилизации или разрушению всей системы. Чтобы быть эффективным консенсус должен распространяться на такие сферы жизни общества как, напр., распределение статуса, престижа и благосостояния, принципы социальной стратификации и мобильности, процесс принятия решений. В этом отношении консенсус может рассматриваться как основа стабильности правительства, его легитимности. Основными функциями консенсуса в обществе являются предотвращение разногласий, ограничение их перерастания в открытый конфликт, а в случае его возникновения – обеспечение мирных (ненасильственных) форм его разрешения путем диалога и взаимных уступок сторон. Главную роль в обеспечении консенсуса играют поэтому такие формы общественного сознания, как религия, этика, идеология данного общества, его нормы и ценности, освященные традицией, а также такие институты как государство, община и семья. Именно к ним апеллирует общество в кризисных ситуациях. Стремясь управлять конфликтом,

современное государство должно располагать известной программой достижения консенсуса, располагать средствами и методами ее проведения в жизнь.

КОНФОРМИЗМ – приспособленчество, пассивное принятие существующего порядка, господствующего мнения и тому подобного; отсутствие собственной позиции, беспринципное и некритическое следование любому образцу, обладающему наибольшей силой давления (авторитет, традиция и т.п.).

ЛЕГИТИМНОСТЬ – консенсус в отношениях общества и политической власти, состоящей в признании ее права на руководящую роль. Являясь фундаментальной характеристикой всякого политического режима, легитимность включает в себя два компонента: представление общества (или по крайней мере значительной его части) о законности данного порядка правления, с одной стороны, и осознание правящими верхами своего права на власть – с другой. Согласно М. Веберу, который ввел данное понятие в политическую науку, легитимность отнюдь не сводится к законности данного режима с формально-юридической точки зрения, а представляет собой скорее феномен социальной психологии, состоящий в принятии обществом данной власти или, как минимум, пассивном повиновении ей. Так, например, режимы, возникающие в результате революции или других форм узурпации власти, могут стать легитимными, если добьются поддержки большинства или значительной части населения. Из этого следует, что сама природа легитимности, ее источники и методы обеспечения, могут быть весьма различны, в зависимости от места, культурного уровня, обычаев и психологии населения того или иного политического образования. Вебер выделял три основных идеальных типа легитимности – традиционный, рациональный, харизматический, каждому из которых

соответствует определенный способ организации власти и лидерства. Власть имеет традиционный характер в тех случаях, когда она освящена авторитетом издавна существовавших патриархальных установлений и властителей, а также религиозными нормами. Рациональная организация власти имеет место тогда, когда она опирается на определенную систему общих правил и норм, намеренно установленных с известной разумной целью. В отличие от власти патриархального правителя, власть при рациональной форме управления в большей степени зависит от статуса индивида в системе организационной иерархии, отчего она приобретает свойственный ей деперсонифицирующий характер. Наконец третий тип власти – харизматический – основывающийся на признании исключительных, уникальных достижений индивидуальной личности и предписываемых ею образцов поведения. В исторической перспективе она предстает скорее, как переходный тип власти от традиционной ее организации к рациональной, хотя некоторые ученые и рассматривают её как своеобразную альтернативу тотальной рационализации и бюрократизации современного общества. Данная типология играет большую роль в современной политической науке, получив развитие в многочисленных конкретных исследованиях по социологии, этнографии, истории и, по-видимому, отражает реальную специфику различных форм политической власти в истории и современности. Важной проблемой становится при этом процесс легитимации – обеспечение данным режимом собственной легитимности, средства которого могут быть весьма разнообразны – от религиозного освящения власти до опоры на голое насилие.

МЕНТАЛИТЕТ – понятие современной антропологии, социальной психологии и историографии, означающее образ мыслей, умонастроения, даже склад

ума общества в целом, его слоев или отдельных групп. Включает в себя целый ряд компонентов, характеризующих специфику воззрений определенной эпохи. К их числу относятся представления о космосе, мироздании, вечности, человеке и его месте в мире, система верований и ценностей, являющихся достоянием коллективного сознания. В современной литературе по проблемам общественных настроений и социальной психологии исследование менталитета как специальной проблемы все более становится предметом специального внимания. В качестве примера можно указать на анализ мифологии ранних обществ, образа мышления и жизни средневековья, отношения человека к природе, времени и смерти, общечеловеческим этическим принципам и ценностям. Особое значение для исторической науки имеет исследование представлений той или иной эпохи об обществе в целом, составляющих его структурах и институтах, принципах их функционирования, реальном и идеальном общественном устройстве, революции, войне и мире. Объектом изучения при этом становится отражение в психологии людей не только реальных, но и мнимых явлений (напр., в ходе процессов над ведьмами в Средние века или врагами народа в XX в.). Источниками для таких исследований становятся мифы и фольклор, философские, религиозные или географические сочинения, материалы прессы или судебных процессов, эпистолярные памятники, позволяющие воссоздать духовную жизнь той или иной эпохи истории человечества в ее реальной специфике.

МОБИЛЬНОСТЬ – перемещение групп и индивидов в рамках социальной структуры с одной социальной позиции на другую. Всякое общество, как известно, дифференцировано на различные слои, группы и индивидов в соответствии с распределением

среди них богатства, статуса, власти и влияния, прав и обязанностей в обществе. Подобная стратификация, проведение которой возможно по многим признакам, порождает неравенство, разнообразные социальные противоречия, конфликты и, как следствие стремление социальных объектов к изменению своего положения в обществе. Социальная стратификация и мобильность таким образом тесно взаимосвязаны между собой и являются перманентными характеристиками любой социальной системы. Социологи различают при этом два основных типа социальной мобильности – горизонтальная (перемещение в рамках социальной группы одного уровня) и вертикальная (перемещение из одного социального страта в другой). Вторая разновидность мобильности также распадается на два самостоятельных варианта перемещения вверх или вниз по социальной лестнице. Изучение социальной мобильности особенно информативно для социолога, т.к. позволяет понять и выявить качественные тенденции в развитии общества, напр., развитие или упадок классов, больших социальных групп и индивидов, изменение характера отношений между ними, перспективы этих процессов в будущем. В соответствии со степенью мобильности П. Сорокин, являющийся одним из создателей этой теории, различал, напр., мобильные периоды истории (главным образом революции, когда происходит слом социальной структуры) и немобильные (эпохи реакции, характеризующиеся устойчивой социальной структурой), а также различные типы общества.

В современной социологической теории мобильность рассматривается как важное средство преодоления социальных конфликтов и обеспечения консенсуса в обществе. Благодаря развитию социальной мобильности в обществе для ряда социальных групп открываются новые возможности позитивного изменения

своего статуса, с вытекающими отсюда преимуществами в приобретении богатств, власти и престижа. В этой связи предметом изучения становятся и такие факторы мобильности как способности, образование и профессиональные навыки, особенности поведения различных групп и индивидов, способствующие (или не способствующие) их «успеху в жизни», т.е. достижению более высокого статуса, престижа, благодаря, напр., быстрому развитию карьеры. Характерной чертой подобных исследований последнего времени является многомерный подход к факторам мобильности, выявлению корреляции между ними, напр., между социальным происхождением, национальностью, образованием и т.д., с одной стороны, и скоростью мобильности – с другой.

МОДЕРНИЗАЦИЯ – процесс социальных изменений, в ходе которого менее развитые общества приобретают характеристики, свойственные более развитым обществам. Модернизация может быть определена, поэтому, как сознательная установка государства на проведение быстрых качественных преобразований по образцу передовых стран. Поскольку в новое и новейшее время в качестве эталона процесса выступают прежде всего страны Западной Европы, данный процесс может быть определен и как «европеизация», что указывает главным образом на его ориентацию. Теория модернизации, разработанная в основном применительно к развивающимся странам, во многом объясняет, тем не менее, процесс совершенствования (осовременивания) во всех обществах, безотносительно к их географическому положению. Ее выводы применяются в равной степени к Европе, Азии и Латинской Америке на разных этапах их развития. Благодаря развитию в новое и новейшее время экономических и политических связей, распространению

технических знаний, мир все более превращается в единую цивилизацию, каждый элемент которой выступает лишь как часть системы. Отставание в темпах развития рационализации, оборачивается в этих условиях угрозой суверенитету государств. Отсюда возникает очевидная необходимость их перестройки по образцу передовых государств, составляющая основу и побудительную причину всего процесса модернизации. Модернизация охватывает практически все стороны жизни общества – экономику, социальные отношения, духовную жизнь, ведет к изменениям в политической сфере. Основными проявлениями модернизации повсюду становятся процессы индустриализации, коммерциализации, секуляризации, национальное единство, трансформация прежних (традиционных) социальных структур, рост социальной активности населения и его участия в политике, усиление социальной мобильности, повышение материального уровня жизни, распространение грамотности, образования и средств массовой информации. Модернизация предполагает наличие определенной картины будущего, модели или плана преобразований. Такую модель представляют развитие страны, а ее выбор означает решающий поворот в направлении догоняющего развития. Мобилизация ресурсов, планируемый характер преобразований и быстрые темпы их проведения определяют исключительно большую роль политической системы, государства, бюрократии в процессе модернизации. С этим связано преобладание в модернизирующихся странах государственности авторитарного (или, даже тоталитарного) типа, активно вмешивающейся в процесс социальных изменений. Ее объективными задачами становятся мобилизация масс для осуществления программы экономических, социальных и политических преобразований, подавление оппозиционных сил, концентрированное идеологическое выражение кол-

лестивных устремлений и целей. В контексте теории модернизации объясняются, поэтому, многие существенные черты исторического развития стран Восточной Европы, особенно России, претерпевшей в XX в. наиболее резкие изменения всего социального строя.

ПОЛИТИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ – область социологии, изучающая взаимоотношения политической сферы с другими: сферами общественной жизни, политических институтов с другими социальными институтами.

ПОСТИНДУСТРИАЛЬНОЕ ОБЩЕСТВО – в современных теориях название общества, идущего на смену государственно-монополистическому капитализму и противопоставляемого социализму; основным фактором, определяющим степень развития общества, признается техника и технология производства, а отношения классов и собственность на средства производства считаются несущественными.

РОЛЬ – признаваемый обществом стереотип поведения индивида в определенных (типологически сходных) ситуациях. Благодаря разделению ролей в обществе становится возможной функциональная дифференциация по этому признаку. Всякая роль существует постольку, поскольку вступает в известные отношения с другими ролями. Эти отношения могут принимать форму сотрудничества, сосуществования (комплементарности) в рамках какого-либо общественного образования или конфликта. Для поддержания стабильности всякой системе необходимо существование определенного порядка в распределении ролей, регулировании отношения и взаимодействия между ними в различных ситуациях.

В результате возникает необходимость дифференциации ролей, их взаимной субординации, закрепление их в определенной иерархии с четкими правилами поведения носителей каждой роли в отношениях друг с

другом при определенных ситуациях. При этом происходит объективное размежевание всех ролей на формальные (возникающие из официальной иерархии должностей и почестей) и неформальные, связанные с индивидуальным вкладом и качествами индивида.

В соответствии с тем, насколько роли включены в организационные структуры, институционализированы и формализованы в них, цели этих последних становятся решающим критерием для дифференциации ролей обеспечения их консенсуса, эволюции, распределения между ними прав, обязанностей и задач. Классическим примером этого является распределение ролей в формальных организациях, прежде всего бюрократии, где роль непосредственно связана с властью, статусом и престижем в обществе.

СИСТЕМА – совокупность, взаимосвязанных и расположенных в определенном порядке элементов какого-либо целостного образования. Единство системы находит выражение в такой взаимной зависимости ее компонентов, при которой с изменением одного из них меняются и все другие, что оказывает воздействие на систему в целом. Основными характеристиками всякой системы является структура подразделения ее элементов, распределение функций между ними, взаимосвязь элементов системы внутри нее и с окружающей средой. В современной социологии теория систем широко используется для анализа общества и в частности политического процесса. При таком подходе общество или отдельные его структуры могут рассматриваться в качестве целостной системы или подсистемы, функционирующей в рамках какого-либо более крупного образования и окружающего мира. Теория систем оперирует такими понятиями как «вход», «конверсия», «выход», отражающих характер отношения и обмена системы с окружающей средой. Анализ объема,

содержания и интенсивности поступлений в систему из внешнего мира, а также объема, содержания и интенсивности выхода позволяет говорить о степени открытости (антропии) системы, оперативности ее функционирования, способах поддержания равновесия в ней. Всякая система для поддержания своего баланса и стабильности функционирования должна обмениваться энергией и информацией с внешней средой, быть открытой, иметь соответствующие каналы коммуникаций, а также определенную внутреннюю структуру, дифференциацию уровней управления, иерархию, обеспечивающую механизмы саморегулирования основных процессов.

С этой точки зрения общество может быть представлено как такая система, дифференциация которой подчинена решению определенных проблем, а подразделение выражается в наличии социальной стратификации особых политических, экономических систем, различных институтах (как, напр., государство), имеющих специфические задачи и функции, играющих в жизни общества различную роль в мобилизации и распределении ресурсов, информации, принятии решений и т.д. Системный подход к общественным образованиям позволяет подразделить их на две большие группы – закрытые (лишенные контактов с внешним миром) и открытые (имеющие такие контакты). Примером первого типа может служить тоталитарное государство новейшего времени, примером второго – демократические общества современности, для которых, напротив, свойственен широкий обмен информацией как внутри, так и вне государства. Если первая модель имеет тенденцию к склерозу, то вторая – к более динамичному развитию путем постоянного внутреннего совершенствования под влиянием внешней необходимости.

В понятие политической системы входит вся совокупность структур, институтов и индивидов, а также отношений между ними в их политическом аспекте, т.е. участие в обеспечении легитимности данного порядка правления, разработке и проведении определенного политического курса, распределении власти, принятии политических решений, распределении ролей политических лидеров. Изучение ролей – соответствующих ориентиров, установок и целей деятельности лидеров в обществе, их изменения в процессе развития политического процесса позволяет раскрыть процесс принятия решений, т.е. понять реальный механизм власти данного общества.

СТАТУС – комплексный показатель положения слоя, группы или индивида в социальной системе, один из важнейших параметров социальной стратификации. Основными компонентами статуса являются, во-первых, позиция данного социального элемента в обществе, проистекающая из его объективных характеристик (напр., происхождение, пол, возраст индивидов и т.д.) и, во-вторых, представления общества о месте, роли и значении данной позиции. В соответствии с этим статус определяется как правило в таких понятиях как престиж, почет, уважение, и его утрата означает утерю этих свойств. Именно так определял статус М. Вебер, понимавший его как престиж индивидов или позиций, их позитивную или негативную оценку обществом. Отсюда проистекает важная роль статуса в обществе как своеобразного механизма регулирования отношений групп и индивидов в обществе, путем закрепления за ними определенных норм поведения, признаков и характерных черт, что дает возможность говорить об определенной иерархии престижа. Это позволяет социологам изучать дифференциацию всякого общества по такому информативному признаку

как подразделение его на различные статусные группы, отношения между которыми не остаются постоянными, но меняются с течением времени. Конфликт между статусными группами вызывается объективным стремлением всякой группы к сохранению или повышению своего статуса, что становится затруднительным ввиду постоянной экспансии новых групп и индивидов. Как следует из теории социальной стратификации статус весьма хорошо коррелируется с другими основными ее параметрами – богатством и властью, хотя и не обязательно совпадает с ним.

Понятно, что всякий индивид, поскольку он в различных сферах деятельности вступает в отношения с другими индивидами, имеет не один, а большее число статусов (в обществе, на работе, в семье и т.д.), каждый из которых определяет его принадлежность к особой статусной группе. Более того, один индивид может по различным параметрам принадлежать к различным статусным группам с несовпадающими или даже противоположными интересами, что жестко ставит перед ним проблему выбора. Действительно, место в системе социальной стратификации и выполнение определенных функций влечет к закреплению за данным индивидом известного статуса. В современной социологии хорошо показана тесная взаимосвязь между статусом и той социальной ролью, которую он играет.

СТРАТИФИКАЦИЯ – одно из центральных направлений современной социологии, ставящее, своей задачей поиск, выявление и объяснение неравенства в обществе. Как известно, для любого общества характерно существование более или менее оформившейся дифференциации слоев, групп и индивидов, положение которых различается по самым разнообразным признакам. Именно это свойство социальных образований и стремится использовать учение о социальной

стратификаций, призванное создать универсальную картину социального деления от самых крупных до самых мелких его структур. В рамках теории социальной стратификации под «стратом» может пониматься самое разнообразное социальное образование – «от класса» до небольшого слоя, группы или даже маргинальной группы, выделяемых по различным критериям, напр., по экономическому, национальному, половому или возрастному принципу, профессиональной принадлежности или образованию. Число стратов и параметров, по которым они могут быть выделены, является практически неограниченным, хотя их реальная значимость в функционировании общества весьма различна.

Сам факт разделения общества на классы, слои и группы, формирующие иерархию богатства, престижа и власти традиционно привлекал к себе внимание научной мысли и находил неоднозначное решение.

Одним из основателей теории социальной стратификации в современной социологии признается К. Маркс, которому принадлежит первая попытка систематического изучения деления общества на классы в соответствии с единым – экономическим критерием. Такой подход к обществу, состоящий в изучении социальных структур и противоречий между ними оказался весьма перспективным и составил основу всех последующих теорий социальной стратификации. Выдвинутое Марксом понятие «класс» – стало центральным для всей его теории общества и социальных изменений, оказавшись значительным шагом вперед в разработке этих проблем. Хотя современная западная социология считает понятие «класс» не вполне приемлемым (из-за его абстрактности и невозможности применения в строгом смысле по всем эпохам за исключением индустриальной), можно констатировать, что большинство новых концепций социальной стратификации сфор-

мировалось под определенным воздействием марксистского понятийного аппарата или представляет собой по меньшей мере реакцию на него.

Крупнейший шаг в развитии теории социальной стратификации был сделан М. Вебером, который разработал более дробную классификацию социальных явлений. Если Маркс выделял только один критерий подразделения общества – отношение различных его слоев к средствам производства (и, соответственно, участию в распределении материальных благ), то Вебер выделял три таких критерия – класс, статус и власть, которые отнюдь не пересекаются между собой и позволяют составить более детальную картину общественных отношений. Так, история знает социальные слои (классы) пользующиеся благосостоянием (как буржуазия при старом порядке), но не имеющие высшего статуса, престижа и власти, слои, наделенные статусом (напр., дворянство), но в меньшей степени располагающие благосостоянием и властью, наконец, такие, которые имеют только один признак – власть (бюрократия), не имея других. Данный триединый подход к социальной стратификации позволил Веберу в ряде случаев дать более сложную картину социального деления в обществе, чем его предшественникам. В качестве примера можно привести веберовский анализ противоречий классов и статусных групп, находящихся выражение в структуре власти и положении бюрократии.

Важным этапом в развитии теории социальной стратификации на современном этапе стал структурно-функциональный подход к ее интерпретации. Структурно-функциональная теория, основная заслуга в разработке которой принадлежит Т. Парсонсу, исходит из понимания стратификации как определенной системы распределения ролей в обществе. Имея

сложную и высокодифференцированную структуру, общество, тем самым, располагает механизмом, стимулирующим деятельность индивидов по достижению определенных социальных позиций. С теоретической точки зрения, может быть обосновано любое подразделение, исходящее из наличия в обществе определенных независимых функций и соответствующих им социальных явлений. Современная социология исходит, поэтому, из необходимости такого многомерного подхода к стратификации при котором учитывались бы все значимые признаки социальной дифференциации. Понятно, что значимость тех или иных признаков во многом определяется общей позицией исследователя, тем как представляет он роль данного фактора в развитии и функционировании общества. Отсюда преимущественная направленность исследований на экономические, социальные, биологические или какие-либо другие направления стратификации. Большинство ученых, однако выделяет следующие основные измерения – параметры теории социальной стратификации: власть, престиж, богатство (доходы); образование, религиозная и национальная принадлежность, семья, а также позиция в этнической группе. Данные параметры имеют особое значение, поскольку позволяют установить некоторые существенные тенденции изменения социальной структуры в прошлом и на современном этапе. При этом необходимо отметить известную правоту и тех исследователей, которые считают, что уже сама возможность проведения стратификации по какому-либо, даже самому незначительному признаку, может оказаться весьма информативной при нестандартном повороте темы исследования и дать позитивные научные результаты. В ходе разработки проблем социальной стратификации особое значение традиционно имеет вопрос о том, какой

критерий или критерии должны быть положены в основу классификации социальных явлений. В настоящее время большинство социологов стоит на той точке зрения, что построить действительно полезную классификацию едва ли можно на базе одного критерия или признака, который будет отвечать всем требованиям. Путь к этому видится в создании системы параметров, изучении степени корреляции различных стратификационных рядов.

ТОТАЛИТАРИЗМ – свойство политических систем, в которых государственная власть достигает полного (или тотального) контроля над обществом, охватывая своим влиянием практически все социально значимые стороны жизни индивидов. Наиболее характерными признаками тоталитарных государств новейшего времени повсюду являются наличие единой массовой партии, обычно возглавляемой харизматическим лидером, официальной идеологии; партийный контроль над экономикой, массовыми коммуникациями и средствами эффективной вооруженной борьбы; система террористического полицейского контроля. Классическими примерами тоталитарных государств, обладающих всеми указанными признаками, являются гитлеровская Германия, СССР периода Сталина, маоистский Китай. Применительно к другим политическим системам XX в. (как напр., фашистской Италии, некоторым странам Восточной Европы, развивающимся государствам) можно говорить скорее не столько о тоталитаризме, сколько о существовании ряда его признаков, более или менее выраженных. Сказанное во многом относится и к историческим вариантам тоталитарных государств, напр., восточной деспотии древности, абсолютистским монархиям нового времени, различным вариантам теократических государств и просто тираниям с более или менее выраженными

авторитарными тенденциями. Таким образом, концепция «тоталитарного государства» представляет собой своего рода идеальный тип, модель данного явления, призванную дать синтез наиболее типичных его черт в истории и современности.

Говоря о генезисе реальных тоталитарных режимов XX в., историки указывают на такие предпосылки их возникновения как кризис мировой системы социально-экономических отношений, выход на историческую арену широких масс, обладающих крайне низким культурным уровнем и политическим сознанием, рост национализма, влияние определенных философских и политических учений, традиций и воззрений, подвергающихся крайне идеологизированному, а следовательно, упрощенному и вульгаризированному толкованию. Важной специфической чертой тоталитарных режимов XX в. по сравнению со всеми прошлыми их моделями является уникальная возможность использования величайших достижений науки и техники в целях укрепления своего господства, идеологической обработки населения, сознательной его мобилизации на достижение определенной сверхзадачи – достижение расового господства, пролетарского единства, проведение индустриализации и т.п. Слабость и исторически преходящий характер тоталитарной государственности, ставшие особенно явными на исходе XX в., состоят в громоздкости и неэффективности их организации, ведущей к стагнации общества, а в конечном счёте – деградации всей системы социальных отношений. В политическом плане тоталитарные режимы оказываются неспособными обеспечить стабильность, поступательный характер революции и легитимность собственного существования иначе как беспрецедентным в истории применением насилия. Отсюда постоянное напряжение всей политической

системы, отсутствие упорядоченной процедуры управления и передачи власти, манипулирование идеологическими постулатами, поставленными на службу конъюнктурным интересам правящей элиты, наконец, отсутствие закона, который оказывается тождествен с волей вождя. Указанные причины делают неизбежной постепенную трансформацию тоталитарных режимов в демократические государства парламентского типа.

ХАРИЗМА – особый тип легитимности, организации власти и лидерства, основанный на исключительных свойствах того или иного индивида, позволяющих ему осуществлять в обществе функцию пророка, вождя или реформатора. Существовая как совершенно самостоятельный наряду с традиционным и рациональным, данный тип власти выполняет особую функцию, являясь своего рода катализатором при переходе общества от одного (традиционного) к другому (рациональному) типу. Харизма (в переводе с греческого «божественный дар») возникает, поэтому, в периоды крутых общественных перемен – революций, войн, крупных социальных реформ, когда необходимой становится мобилизация всех сил общества на достижение определенной цели. Харизматическое лидерство может иметь две различные формы – пророчества и примера, с помощью которых преодолеваются инерция масс, устоявшиеся порядки и воззрения. Харизматический тип лидерства, поэтому, характерен в основном для отсталых или развивающихся стран, идущих по пути ускоренной модернизации – догоняющего развития. Этим объясняется и кратковременность существования указанного типа власти: выполнив свою историческую миссию, харизма постепенно «растворяется» в рационально организованных структурах и процедурах управления, которые, не обладая прежней силой убеждения, оказываются, однако, гораздо более устойчивыми в исторической перспективе.

ЭЛИТА – социальный слой, занимающий командные высоты в какой-либо сфере деятельности и имеющий, в силу этого, возможность оказывать непосредственное влияние на принятие важнейших решений. Уже давно в политической науке был сделан вывод о том, что с точки зрения его управления всякое общество может быть подразделено на два основных слоя – управляемое большинство и управляющее меньшинство, отношения между которыми составляет стержень всей политической истории. Этот фундаментальный вывод лег в основу теории элиты, являющейся одним из наиболее важных открытий социологической мысли XX в. Сам факт открытия существования особого и «политического класса», «правлящей элиты» или «властвующей элиты», заслуга которого принадлежит таким классикам политической социологии как Г. Моска, В. Парето, Р. Михельс и русский ученый М. Острогорский, стал качественным скачком в развитии политической мысли, позволив во многом объяснить функционирование государства, партий, лидерств. О важности данной категории в современной социологии свидетельствует тот факт, что понятие элиты часто выступает в ней как комплементарное понятие класса или даже заменяющее его. Под элитой может пониматься, напр., правящая каста, средневековая аристократия, правящий класс нового времени и, наконец, элитные группы современного общества. Все эти слои различаются по своему происхождению, способам и источникам рекрутирования, образу жизни, однако имеют и ряд фундаментальных общих признаков – занимают привилегированное положение в обществе, имеют более высокий уровень жизни, а главное – контролируют основные рычаги власти. Все это и дает основания выделять их в самостоятельный и весьма обособленный страт всякого общества, повсюду имеющий сходные функции. В современной социоло-

гии под элитой понимается, как правило, меньшинство общества, отделенное от основной его массы благодаря исключительным возможностям в обладании властью, статусом и богатством.

Для политической социологии особое значение имеет анализ тех элитных групп, которые непосредственно занимаются руководством текущим политическим процессом. Они получили в литературе особое наименование властвующей или правящей элиты, которая обособлена от всех прочих и имеет ряд специфических черт. Если для демократического общества (где вообще имеет место процесс плюрализации правящих групп) эта элита может быть признана достаточно открытой, гибкой, связанной с элитами другого порядка прямыми каналами коммуникаций, то для обществ с тоталитарным или вернее авторитарным характером политической системы данная элита играет гораздо большую роль, отделена от всех прочих элитарных групп и функционирует весьма обособленно. Как показывают новейшие эмпирические исследования в области теории и практики функционирования правящих элит, их значение особенно возрастает в переломные критические ситуации, когда выход из кризиса возможен лишь в результате быстрых решений и целенаправленной политики по их проведению в жизнь. Такая ситуация возникает, например, в ходе модернизации традиционалистских обществ нового и новейшего времени. Происхождение правящих элит, их стратификация и принципы функционирования, роль в масштабных социальных изменениях, ценности и нормы поведения определяют существо политического режима, механизм власти.

Содержание

ПРЕДИСЛОВИЕ.....	3
ВВЕДЕНИЕ.....	9
ГЛАВА 1. СОЦИАЛЬНАЯ СТРАТИФИКАЦИЯ.....	18
ГЛАВА 2. СОЦИАЛЬНЫЙ КОНФЛИКТ.....	69
ГЛАВА 3. МЕХАНИЗМ ВЛАСТИ.....	118
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	161
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ.....	186
СЛОВАРЬ ТЕРМИНОВ ПО ПОЛИТИЧЕСКОЙ СОЦИОЛОГИИ.....	196

Андрей Николаевич Медушевский

Политическая социология и история

Ответственный редактор *Н. Соломадина*
Корректор *М. Глаголева*
Верстальщик *С. Мартынович*

Сдано в набор 14.03.2015
Подписано к печати 13.03.2015
Формат 60х90/16
Печ. л. 14,31
Тираж 500
Заказ 15-3-14

Издательство «Директ-Медиа»
117342, Москва, ул. Обручева, 34/63, стр. 1
Тел./факс + 7 (495) 334-72-11
E-mail: manager@directmedia.ru
www.biblioclub.ru
www.directmedia.ru

Отпечатано в ООО «ПАК ХАУС»
142172, г. Москва, г. Щербинка,
ул. Космонавтов, д.16